

ТОРКВЕМАДА

Сергей
Нечаев

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

«Он был жесток, как повелитель ада...» Так написал о Торквемаде американский поэт XIX века Генри Уодсворт Лонгфелло. И так уж получилось, что великий инквизитор Томас де Торквемада (1420-1498) стал одной из самых одиозных фигур в истории человечества, «символизируя собой позор инквизиции», а руководимая им организация – просто жупелом, чем-то априори пугающим и внушающим ужас. Сколько во всем этом правды? Случайно ли этот человек стал духовником королевы Изабеллы Кастильской в одну из самых судьбоносных эпох в истории Испании, в период Реконкисты и объединения страны?

На эти вопросы и попытался ответить в своей новой книге историк, писатель и переводчик Сергей Нечаев.

-
- [Сергей Юрьевич Нечаев](#)

- Предисловие
- Глава первая
 - Торкветада, но какой из них?
 - Внук бабушки-еврейки?
 - Начало новой жизни
 - Монах-доминиканец
 - Настоятель монастыря Санта-Крус
- Глава вторая
 - Духовник инфанты Узабеллы
 - Девочка, лишенная детства
 - Малолетний король-марионетка
 - Временный союз Узабеллы и Энрике
 - Арагонский принц фердинанд
 - Брачный договор с принцем фердинандом
 - Узабелла – королева Кастилии
 - Война с Португалией
 - Совет Филиппа герцога Барбериса, поддержанный

Торквемадой

- Эффективный
династический союз
- Учреждение инквизиции в
Кастилии
- Три инквизиции
- Объединение Кастилии и
Арагона

○ Глава третья

- Учреждение новой
инквизиции в Севилье
- Первые казни еретиков
- Булла папы Сикста IV

○ Глава четвертая

- Генеральный инквизитор
Кастилии и Арагона
- Кодекс инквизиции
- Недовольство арагонских
«новых христиан»
- Месть арагонских
инквизиторов
- Акции сопротивления в
Арагоне
- Убийство инквизитора
Арагона Педро де Арбуэса
- Конец Гранадского эмирата

- Глава пятая
 - Подготовка к изгнанию
 - El Decreto de la Alhambra
 - Тридцать серебряников от
Ицхака Абрамелы
 - Аптекарь Сатаны
 - Изгнание евреев
 - Борьба Торквемады с
епископами
 - Реакция папы Александра
VJ
 - Частная армия Торквемады
- Глава шестая
 - Монастырь Святого
Томаса
 - Брак дочери Изабеллы и
Фердинанда
 - Последний свод инструкций
Торквемады
 - Английский проект
- Глава седьмая
 - Последние дни Торквемады
 - Утог деятельности
инквизиции при Торквемаде
 - Еще несколько слов в
защиту Томаса де

Торквемада

- Генеалогическое древо Томаса де Торквемада
- Основные даты, связанные с жизнью и деятельностью Томаса де Торквемада
- Библиография
- Иллюстрации

● notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Сергей Юрьевич Нечаев
Торквемага

У политики нет сердца, а
есть только голова.

Наполеон

О великом человеке сүдят
по его великим делам, а не по
его ошибкам.

Вольтер

Убивайте их всех. Господь
потом разберет, кто свой, а
кто чужой.

Легат напы
Иннокентия III

Кострахи так
напугана Севилья!
Великий инквизитор

Торкветтага
Над городом свои
расправил крылья,
Ему костры – утеха
и утлага...

Даниэль
Клүгер

Предисловие

В Испании, от
страха онемелой,
Царили Фердинанд и
Изабелла,
Но властвовал
железною рукою
Великий инквизитор
над страной.
Он был жесток, как
повелитель ага,
Великий инквизитор
Торквемада.^[1]

«Он был жесток, как повелитель
ага....» Так написал о Торквемаде
американский поэт XIX века Генри
Уодсворт Лонгфелло. Мнение это, наобо-
рот, достаточно распространенное. В
частности, Альфонс Рабб в «Истории
Испании» называет его «ужасный
Торквемада», а Жан Мари Флёрис в своей
книге «Путешествие по Испании» —

«монстрол». Манюэль де Малиани в «Политической истории современной Испании» пишет, что он был «ненасытным палачом», а также рассуждает о «религиозном фанатизме, кровавой персонификацией которого был Торквемада». И Луи Виарго в своем «Очерке об истории арабов и мавров в Испании» называет Торквемаду «беспощадным палачом, кровавые бесчинства которого порицались даже Римом, даже Александром Борджиа».

Не отстают и более современные авторы. Например, у Говарда Фаста Торквемада «жестокий и непреклонный», у Рафаэля Сабатини — «страшный и полный крайностей», у Томаса Дика — «инфернальный» и т. д.

А вот еще лишь некоторые из определений, адресованных Торквемаде: «высший злодей», «зловещий человек», «свирепый», «темн он, темна его душа, и темна его биография».

Так уж получилось, что Торквемада стал одной из самых «легендизированных» фигур в истории человечества, а

руководимая ил организация — просто
жупелом, чем-то априори пугающим и
внушающим ужас. Это очень удобно для
многих историков: все инквизиторы —
исчадия ада, а Торквемага — кровавый
палач, самый страшный из них. Все просто
и понятно, и не надо копаться слишком
глубоко, так как этим можно объяснить
все что угодно.

Таков официальный образ
Торквемаги, растиражированный во
множестве энциклопедий. Сколько во всем
этом правды? Да примерно столько же,
сколько в трагедиях Шекспира «Ричард
III» и «Гамлет» — о реальном короле
Англии и полуплегендарном принце
Амлете, имя которого впервые
встречается в одной из исландских саг. К
сожалению, Торквемаге повезло гораздо
меньше: литературный талант его
«обличителей» не идет ни в какое
сравнение с гением Уильяма Шекспира.

Впрочем, есть и другие мнения об
этом незаурядном человеке. Например,
отец Антуан Турон в своей «Истории
знаменитых людей Доминиканского

ордена» пишет: «Не без оснований испанские историки считают Томаса де Торквемага одним из великих людей своего времени, одним из самых выделяющихся по своему рождению, талантам, набожности и ревностному отношению к религии. Испания^[2] в XV веке насчитывала немало таких людей, но можно сказать, что их заслуги не затмевают его добродетель и многие из них всегда имели удовольствие дружески общаться с ним».

Каким же в действительности был Томас де Торквемага? Великим инквизитором, выдающимся государственным деятелем или патентованным злодеем и преступником?

К сожалению, однозначно ответить на этот вопрос крайне сложно, если не невозможно.

Взять, к примеру, хорошо известную историю о том, как королева Изабелла и король Фердинанд подготовили указ об изгнании евреев с подвластной им территории. Узнав об этом, евреи собрали 30 тысяч дукатов и направили к

Католическим королем своего представителя. Изабелла с Фердинандом якобы уже хотели взять деньги, так необходимые для их истощенной войнами казны, но тут прибежал Торквелага и закричал:

— Удга Искаримот продал своего господина за тридцать серебряников! А Католические короли готовы теперь продать его за тридцать тысяч монет!

Сказав это, Торквелага якобы бросил на стол распятие и презрительно добавил:

— Продайте и это. Здесь изображен наш распятый Спаситель, за него вы получите еще несколько серебряных монет. Но не думайте, что я приму участие в столь позорной сделке!

С этими словами Торквелага резко повернулся и вышел.

После этого Изабелла и Фердинанд якобы прогнали представителя еврейской общины, отказались от предложенных денег и дали ход своему указу об изгнании евреев, не желавших принять христианство.

Приведенная выше сцена так

многokrатно описывалась различными авторами, что фактически уже стало историческим фактом. При этом мы не будем углубляться в споры о том, что такое «исторический факт» и что такое «историческая истина». Некоторые, например, считают, что историческую истину нельзя отождествлять с историческим фактом, ибо истина — это «освещение факта, способность историка проникнуть в глубину социальной сущности явлений».

Но любое «освещение факта» и любая «способность историка» всегда субъективны. А это значит, что и история — это лишь отражение в нашем сознании прошлой реальности, то есть совокупность наших субъективных (личных) представлений о прошлом, основанных на субъективных изложениях тех или иных фактов.

Короче говоря, всё, похоже, соответствует известному изречению: «Сколько людей, столько и мнений».

Критерием истины, как известно, является практика, но о какой проверке

практикой может идти речь, если рассматривается событие, произошедшее или не произошедшее, например, в 1492 году?

Отмеченные выше многократность и схожесть описания события различными авторами лишь повышают важность информации, но никак не являются надежными критериями того, что описанное является «историческим фактом».

Как бы то ни было, можно решить для себя, что все именно так и было (кстати сказать, а что вообще нам абсолютно точно известно о жизни Торквелады?). Но при этом стоит все же привести слова Хосе Амадора де лос Риоса, который в своей книге «Исторические, политические и литературные исследования о евреях в Испании» пишет: «Он закричал: „Цуга Искариот продал своего господина за тридцать серебряников. А Ваши Величества готовы теперь продать его за тридцать тысяч монет!“ Потому того, что эта история кажется нам

маловероятной, мы думаем, что она является оскорблением в отношении Католических королей, так как позволяет судить о них как о людях слабых и ничтожных, способных за тридцать тысяч монет изменить свой так хорошо продуманный политический план, отвечающий состоянию нации. Мы думаем, что нужно опровергнуть эту историю, которая никогда не будет чем-то иным, чем просто сказкой, являющейся сюжетом для писателей, не рассматривающих факты с полной беспристрастностью и не изучающих их в философском смысле».

К сожалению, о жизни и деятельности Торквемады нам действительно известно слишком мало, а потому воссоздать его реальный образ крайне сложно. И уж тем более нереально раз и навсегда разложить все по полочкам. Дело в том, что подробных книг, освещающих биографию Торквемады, нет. Вернее, они есть, но это либо повторения одних и тех же немногочисленных эпизодов из его жизни, либо произведения,

действующие лица которых — «плод авторского воображения», не имеющий «никакого отношения к реальным людям» (некоторые авторы прямо так и пишут в эпиграфах к своим книгам). По этой причине все, связанное с Торквеладо, выдвигается в каком-то полумраке — много предположений, много допущений, гипотез... По всей видимости, это неизбежно, потому что и сама инквизиция, которую он так энергично и эффективно возглавлял, всегда была окутана тайной...

Итак, попытка воссоздания реального образа Томаса де Торквелада — вот главный побудительный мотив данной работы. Причем это жизнеописание на самом деле есть произведение десятков людей, живших в разное время и в разных странах (перечень использованной литературы включает в себя около 120 наименований), автор лишь собрал материалы, которые показались ему интересными, расставив их в хронологическом порядке и снабдив комментариями.

Глава первая
Монастырское
затворничество

Торквемада, но какой из них?

Томас де Торквемада родился ранним утром в год 1420-й от Рождества Христова в маленьком кастильском городке Торквемада, что находится в провинции Паленсия, близ Вальядолида. Следует отметить, что это название (Torquemada) происходит от смешения испанских слов «torre» и «quemada», означающих в переводе – «пылающая башня». По-видимому, когда-то в этом месте сгорел феодальный замок, и зрелище это было столь впечатляющим, что воспоминания о нем закрепились в виде названия и фамилии.

В разных русскоязычных источниках его называют по-разному: и Томас, и Томазо, и даже Фома...

Как это часто бывает, сведения о первых годах жизни Торквемады весьма противоречивы. Однако происхождение его известно: самым знаменитым его родственником был дядя (брат отца), доминиканец Хуан де Торквемада, бывший

представителем католической церкви на Вселенском соборе в Констанце, по приговору которого в 1415 году был сожжен на костре проповедник и идеолог Реформации Ян Гус.

Аббат Рене Франсуа Порбахер в своей «Универсальной истории католической церкви» предостерегает: «Томаса де Торквемага или Turrecremata, первого генерального инквизитора Испании, ни в коем случае не следует путать с кардиналом Хуаном де Торквемага или Turrecremata. Хотя они происходили из одной семьи и оба были монахами-доминиканцами, это совершенно разные люди; путать одного с другим — это ошибка, такая же серьезная, как и распространенная».

Казалось бы, зачем нужно такое предостережение? Разве кто-то путает двух совершенно разных людей? Оказывается, путают, и очень даже часто. Вот, например, что написано в книге с претенциозным названием «Философия природы», изданной в 1778 году (автор — Жан Батист Делиль де Саль):

«Доминиканец, звавшийся Торквемадой, похвалялся тем, что осудил сто тысяч человек и сжег на костре шесть тысяч человек: чтобы наградить этого великого инквизитора за его рвение, его сделали кардиналом».

То, что сказано в этой короткой фразе, — полный бред. От начала и до конца. Видно, что этот Делиль де Сальво вообще не в курсе того, о чем он пишет.

Еще один характерный пример. Вот что написано в книге некоего маркиза де Лангля «Путешествие в Испанию», изданной в 1796 году: «Папа вознаграждает рвение гнусного Торквемады кардинальской шапкой».

Продолжать приводить подобные примеры можно до бесконечности. И тут возникает вопрос: откуда взялась вся эта путаница? Понятно, что названные выше авторы вторичны и они откуда-то все переписали. Но вот откуда?

Небольшое исследование этого вопроса дало нам источник заблуждений, и это, если честно, потрясло. Всем известны знаменитые французские энциклопедисты

— философы, ученые, деятели искусства и литераторы XVIII века, участвовавшие в создании «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers), одного из важнейших трудов эпохи Просвещения, первый том которого появился в 1751 году. Главным редактором и неустанным автором этого многотомного произведения был философ и писатель Дени Дидро, вторым редактором — математик Жан д'Аламбер. С ними работали натуралист Луи Добентон, врачи Поль Луи Бартез и Антуан Луи, адвокат Антуан Гаспар Бюше д'Аржи, философ и музыкант Жан Жак Руссо, архитектор Жак Франсуа Блондель и многие другие. Помимо штатных сотрудников, в создании «Энциклопедии» принимали участие Шарль Луи де Монтескьё, Жан Франсуа Мармонтель, Луи де Жокюр, Вольтер, Клод Адриен Гельвеций и Шарль Дюкло.

По словам историка Жана Севилля, «все перья отряда философов

сопругничали с этим коллективным изданием».

Казалось бы, неоспоримый источник знаний! Пятнадцать лет работы! Восемнадцать тысяч страниц! Семьдесят тысяч статей! Гигантский труд, который призван был освободить человечество от предрассудков и тирании...

К сожалению, в восемнадцатом томе «Энциклопедии» мы читаем: «Этот Торквемага, доминиканец, ставший кардиналом, придал трибуналу испанской инквизиции ту юридическую форму, которая существует и поныне и противоречит всем законам человечества».

А вот еще одна работа: изданный в 1769 году девятый том полного собрания сочинений одного из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэта, историка, публициста и правозащитника Франсуа Мари Аруэ, более известного как Вольтер. Он пишет слово в слово: «Этот Торквемага, доминиканец, ставший кардиналом, придал трибуналу испанской инквизиции

юридическую форму, противоречащую
всем законам человечества и
сохранившуюся и поныне».

Как видим, историческая путаница
идет от великого Вольтера! И какие
претензии тут можно предъявлять
какому-то Жану Батисту Делилю де
Салю? К сожалению, с трудом верится,
что Вольтер по незнанию или по
невнимательности перепутал великого
инквизитора Томаса де Торквемага с
кардиналом Хуаном де Торквемага.

Дело в том, что Вольтер был
неутомимым и беспощадным врагом
Церкви. Всем известен его лозунг
«Раздавите гадину!» (*Ecrasez l'infâme!*). У
со своим главным врагом Вольтер боролся
как словом, так и делом. При этом, как
отмечает историк Жан Севилля, у
энциклопедистов «речь шла не о том,
чтобы понять мир, а о том, чтобы его
изменить». А для изменения мира все
средства хороши. И дело вовсе не в том,
что в вышеприведенных фразах один
Торквемага перепутан с другим. Дело
тут гораздо серьезнее. Гнусный

Торквемада придал инквизиции форму,
противоречащую всем законам
человечества, и римский папа поощрил его
за рвение почетным титулом кардинала.
Все перевернуто с ног на голову, а в
результате четко обозначен главный
вдохновитель и покровитель всего
античеловечного — католическая церковь.
Что же касается исторической правды и
знаний, которые должна была нести
«Энциклопедия», то тут весьма интересно
привести слова все того же Вольтера:
«Надо, чтобы народ был управляемым, а не
образованным, этого он не заслуживает».
Как говорится, ни убавить ни прибавить...

В связи с вышеизложенным невольно
возникает ряд вопросов. Один вопрос чисто
практический: если какой-то автор очень
грубо ошибся в чем-то одном, то можно ли
верить остальным его утверждениям?
В самом деле, а был ли Томас де
Торквемада таким уж гнусным? А осудил
ли он сто тысяч человек? А сжег ли он на
костре шесть тысяч человек? А
похвалялся ли он этим? А противоречила
ли испанская инквизиция всем законам

человечества?

На все эти вопросы мы попытаемся ответить в этой книге. А пока же зададимся еще одним, на этот раз уже чисто философским: а что правит в истории — факт или интерпретация факта? К сожалению, приходится констатировать, что в большинстве случаев правит не факт, а точка зрения того, кто его излагает. В связи с этим нельзя не отметить, что чем талантливее и авторитетнее интерпретатор, тем больший вред может принести его «авторское видение» вопроса. Конкретный пример: сейчас можно написать хоть десяток книг о том, что Антонио Сальери был прекрасным и весьма успешным композитором, добрейшей душой человеком, но у миллионов людей, знакомых с известным произведением А. С. Пушкина, все равно останется убеждение в том, что он отравил Моцарта, а «гений и злодейство — две вещи несовместные». Конечно, с исторической точки зрения это полная ерунда. Но суть от этого не меняется: на ни в чем не повинном

Сальери вот уже двести с лишним лет у нас в стране висит клеймо завистника и убийцы. Как говорится, спасибо Александру Сергеевичу...

Пример великого Вольтера из этой же серии. Он авторитетно написал, мягко говоря, неправду. Кто-то у него ее переписал, кто-то переписал у того, кто переписал... Таким образом, благодаря Вольтеру, а также многочисленным «перайторам» от истории на Томасе де Торквемада вот уже пять с лишним веков висит клеймо религиозного фанатика и кровавого убийцы.

А чтобы покончить с путаницей, приведем лишь одну фразу отца Антуана Турона. В своей «Истории знаменитых людей Доминиканского ордена», изданной в Париже в 1746 году (Вольтер, кстати сказать, не мог не знать о существовании этой книги), он разъясняет: «Томас, сын дон Педро Фернандо, сеньора де Торквемада, и племянник кардинала, родился в маленьком городке Торквемада, в Старой Кастилии, во время правления короля Хуана II и под самым концом

понтификата папы Мартина V».

Итак, наш герой был сыном дон Педро Фернандо де Торквемада. В других источниках этого человека называют несколько иначе — Пери Фернандес де Торквемада.

Внук бабушки-еврейки?

В исторической литературе широко распространено мнение о том, что Томас де Торквемада был обращенным евреем. В литературе определенного толка его даже напрямую называют евреем. Не будем пока ничего говорить по этому поводу, а попробуем разобраться.

Жан Эгерн Аллье в своей книге «Евангелие сумасшедшего» пишет: «Торквемада, великий инквизитор – самые серьезные исследования показывают сегодня, что он был марраном, испанским обращенным евреем!»

Впрочем, какие «самые серьезные исследования» это показывают, автор почему-то не уточняет. И Бог ему судья...

Беатрис Леруа в книге «Указы об изгнании евреев» утверждает, что Торквемада был не обращенным евреем, а «потомком обращенных евреев» (*descendant de convertis*). Это уже нечто иное, принципиально иное, но заметим, что словосочетание «обращенный еврей» здесь

стоит во множественном числе, что подразумевает, что таких родственников у Торквемады было несколько.

Та же Беатрис Леруа в книге «Люди и среда обитания в средневековой Испании» расширяет свой список: «Диего де Валера^[3], Альфонсо де Паленсия^[4], Альфонсо де Картахена^[5] и Хуан де Торквемада – все четверо происходили из обращенных еврейских семей».

Отметил, что к этому списку в окружении Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского обычно добавляют еще и Фернандо дель Пульгара, который был секретарем королевы и ее официальным летописцем.

Как видим, в то самое время, когда была создана новая испанская инквизиция, из «обращенных» происходили не только историки и писатели, но и личный секретарь королевы Изабеллы. В Арагоне пять высших административных постов в королевстве занимали «конверсос», а в Кастилии было не меньшей мере четыре «обращенных» епископа. Даже святая

Сережа Авильская, одна из святых покровителей Испании, столь почитаемая за свою фанатичную преданность католицизму, не была «чистой». Она родилась в 1515 году в Авиле в семье дворянина Алонсо Санчеса де Сепеды, потомка крещеных евреев. В 1485 году, например, на ее дедушку была наложена епитимья⁶ за то, что он продолжал придерживаться иудейских обрядов.

Историк Жан Севилля пишет: «Мало-помалу семьи „конверсос“ интегрировались в Церковь, в дворянство, в рыцарские ордена. Будучи еврейского происхождения по своей матери, король Фердинанд Католический имел министров еврейского происхождения, был окружен епископами и священниками еврейского происхождения, ему служили дворяне еврейского происхождения».

Вообще же «конверсос» и их семьи находились среди самых образованных людей Испании. Обретая положение в обществе, они, как правило, превращались в одних из самых богатых людей. Весьма

вероятно и даже, пожалуй, неизбежно, что их социальное и экономическое положение вызывало зависть и негодование среди окружающих.

В более художественном виде все утверждения о том, что Томас де Торквемада был потомком «конверсо», содержатся в приведенном ниже отрывке из статьи Самуила Кюра «Испанское каприччио. Евреи на пути в Америку», опубликованной в 2009 году в американском русскоязычном журнале «Чайка»: «Сам Торквемада еще с юности, когда он решил стать священником, вел аскетический образ жизни. Однажды, после того, как умерла его бабушка – внимательная и отзывчивая, которую Томас очень любил, – к нему подошел старый слуга:

– Я хочу вам кое-что сказать, господин. В вашем добром христианском семействе есть тайна, и я должен был принести ее в могилу.

– В семейных преданиях всегда таится что-то загадочное и интригующее, – улыбнулся Томас.

– Вы прекрасный христианин.

Господин, — самый примерный и набожный
из всех, кого я побуждал за долгую жизнь.
Поэтому мои слова вам не повредят. Но я
хочу, чтобы вы знали: ваша бабушка была
еврейкой. Ее родителей насильно обратили
в католичество.

Небо пошатнулось и чуть не
обрушилось на Томаса. В глазах
потемнело, и если бы он не держался в
этот момент за ограду, то наверняка бы
упал. Удар был абсолютно неожиданным и
поэтому таким сильным и болезненным. В
этот день Томас дал клятву — делать все,
чтобы очиститься в глазах Господа. И
посвятил этому всю свою жизнь».

Марран... Испанский обращенный
еврей... Потомок обращенных евреев...
Бабушка была еврейкой... Ее родителей
насильно обратили в католичество...

Перечень подобных утверждений
можно было бы продолжать до
бесконечности. Но вряд ли это имеет
смысл, так как все они практически слово
в слово повторяют друг друга. Главным, на
наш взгляд, является следующее: в
различных источниках идет своеобразная

«изра» словами.

Непробуем разобраться с этими и некоторыми другими терминами.

Ряд источников утверждает, что бабушка по отцовской линии человека, которого сейчас часто называют «кровавым палачом еврейского народа», была «конверсо» и происходила из семьи так называемых «новых христиан». Этот деликатный момент представляется очень важным и нуждается в пояснениях. «Новые христиане» (по-испански cristianos nuevos или conversos – обращенные) – так в Испании называли евреев, принявших католичество в XIV-XV веках^[7]. Главным образом их крещение происходило насильственными или «добровольно-принудительными» методами, но первоначально этот термин не содержал уничижительной окраски. Однако с усилением могущества инквизиции и принятием в середине XVI века закона о чистоте крови (limpieza de sangre) он стал равнозначен прозвищам «мarrаны» (marranos – грязные свиньи) и «торнадугос»

(tornadidos — перевёртыши). Понятно, что эти прозвища явственно намекают на двукратное «новых христиан», независимо от степени добровольности их обращения в католичество.

Широкая кампания по обращению евреев в христианство началась в Арагонском королевстве. В 1391 году священник Феррант Мартинес развернул в Севилье яростную антиеврейскую агитацию, и 4 июня огромная толпа напала на еврейский квартал. В результате четыре тысячи евреев были убиты, остальные подверглись насильственному крещению, а синагоги были превращены в католические церкви. Потом беспорядки начались и в других городах нынешней Испании. Особенно пострадала община Кордовы, где большинство еврейского населения было вынуждено креститься под прямой угрозой смерти. Лишь еврейские общины Наваррского королевства, которое находилось тогда в вассальной зависимости от Франции, избежали этой участи.

Позднее севильская резня и последовавшая за ней волна насилия были названы священной войной против иудеев.

Число «новых христиан» значительно возросло в начале XV века в результате миссионерской деятельности, которую вел доминиканец Висенте Феррер. Он странствовал по территории нынешней Испании с яростными проповедями против иудаизма и возбуждал толпу к насильственному обращению евреев в христианство. Так, в 1411 году в Толедо он превратил синагогу Убн Шошан, построенную в 1203 году, в церковь, где было «добровольно-принудительно» крещено около четырех тысяч евреев. Кроме того, Висенте Феррер добился издания в январе 1412 года так называемого «эдикта нестерпимости», который резко ограничил социально-политические и экономические права евреев.

Историк Жан Севиллья констатирует: «В течение двадцати лет, последовавших после кровавых событий 1391 года, многие евреи были обращены в христианскую веру. Возможно,

половина из них. Чтобы отличать их от „старых христиан“, их стали называть „конверсос“.

Возможно, половина...

В данном вопросе точную цифру не назовет никто и никогда. Тот же Жан Севилля чуть ниже пишет: «Похоже, Католические короли искренне верили в то, что большинство евреев обратится в христианскую веру. Это значило совсем не знать тайны народа Израиля. Из 200 тысяч евреев Кастилии и Арагона 50 тысяч выбрали крещение, а остальные бежали в другие страны».

Пятьдесят тысяч из двухсот — это уже не половина, а четверть. Но в данном случае речь идет не о точной цифре, а о тенденции, о возможности мирного сосуществования христиан и нехристиан.

Французский историк испанского происхождения Жозеф Перес по этому поводу придерживается следующего мнения: «Естественно, в Испании имелись антисемиты, как и во всех иных местах, но Католические короли ими не были. Они имели в виду не уничтожение евреев, а их

ассимиляцию и их вырывание из иудаизма. Они думали, что, поставленное перед мучительным выбором, большинство евреев обратится в христианство и останется в Испании».

Конечно, здесь, говоря о Католических королях и их отношении к евреям, мы несколько опередили события. Все это будет позже, значительно позже. А пока же, в год рождения Томаса де Торквемада на территории нынешней Испании насчитывалось, по оценкам, около семидесяти тысяч «новых христиан».

Так был ли Торквемада на самом деле испанским обращенным евреем или выходцем из семьи «конверсос» (обращенных), то есть евреев, перешедших в христианство?

Во многих источниках написано, что он, «возможно, происходил из еврейской семьи», что он родился «в христианской семье еврейского происхождения» и т. д. и т. п.

В 1991 году профессор Робер Фориссон в своей статье об антипапе Иоанне XXIII написал: «Евреи стараются

помещать причислению к лику святых^[8]
„слишком католической“ королевы,
виновной в подписании указа 1492 года об
изгнании евреев из своего королевства, и
это под влиянием Торквемады, великого
инквизитора, который, скажем так,
отрекся от своей первоначальной веры
иудейской веры».

Некоторые авторы даже доходят до
того, что заявляют, будто великий
инквизитор Торквемада «со стороны отца
был чистокровным евреем и даже
обрезанным евреем, но евреем-
выкрестом»^[9].

Когда видишь утверждения о том,
что Торквемада «отрекся от своей
иудейской веры», то есть родился евреем,
так и хочется задать вопрос: а не
присутствовал ли его дядя, уважаемый
кардинал Хуан де Торквемада, на обряде
обрезания своего племянника?..

Конечно же, вопрос этот чисто
риторический. Сразу же определим свою
позицию: утверждение, что
первоначальной верой Торквемады была

иудейская вера, а сам он был обращенным в христианство евреем, целиком и полностью ложно.

Цель этой лжи — переложить ответственность за массовые насилия над евреями на еврея. Это примерно то же самое, что обвинять евреев в гибели Иисуса Христа, забыв, что это римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат (а может быть, даже не он сам, а кто-то из его подчиненных) спросил Иисуса, признает ли он себя опасным для римского народа и отдал приказ казнить его. Что характерно, казнь он назначил на иудейский праздник Пасхи специально чтобы унижить еврейский народ и заставить его страдать в день праздника избавления от египетского рабства. Римлянин этим поступком явно давал понять, что ни от какого рабства евреи не избавились, а как были рабами, так и остались. Но, конечно же, кому нужно помнить об этом, когда гораздо удобнее перевернуть все с ног на голову, представив евреев в роли извергов, убивших своего соплеменника, а Понтия Пилата — в роли чуть ли не жертвы.

иудейского коварства?

Говорить о том, что Торквемада был «конверсо», — это примерно то же самое, что утверждать, что корсиканец Наполеон Бонапарт был евреем...

К сожалению, многочисленные авторы, упоминающие в том или ином контексте имя Торквемады, один за другим повторяют версию о его еврейском происхождении.

В связи с этим очень важно понять существенную разницу между понятиями «конверсо» и «обращенный еврей». Термин «конверсос» (*conversos*) в Испании и Португалии обозначал не только обращенных в христианство евреев, но и их потомков. Именно в этом, как нам кажется, и кроется главная причина ошибок в квалификации еврейского происхождения Торквемады.

Беатрис Леруа, детально исследовавшая эту проблему, пишет: «Кардинал Хуан де Торквемада, дядя Томаса, утверждал, что внук „конверсо“ (в первом и точном смысле термина „converti“) не должен называться

„конверсо“».

Вывод из всего вышесказанного может быть только один: Томас де Торквемага не родился евреем и не был тем или иным способом обращен в христианство. Он родился в 1420 году католиком и от родителей-католиков. Таким образом, Торквемага никогда не был марраном, никогда не был испанским обращенным евреем. Не был таковым и его отец, Перо Фернандес де Торквемага из Старой Кастилии.

Естественно, не был обращенным евреем и дядя Торквемаги, кардинал Хуан де Торквемага, родившийся в 1388 году.

Об этом человеке стоит сказать несколько слов. Дядя Торквемаги по отцу, он появился на свет в Вальядолиде, потом стал епископом Кагиса, Оренсе и Леона. В 1439 году он был назначен кардиналом итальянского города Сан-Систо, был советником папы Николая V. Будучи известным христианским богословом, он в своих трудах активно защищал «новых христиан». Умер Хуан де Торквемага в Риме в сентябре 1468 года.

Его достаточно подробную родословную (а она важна нам для понимания родословной будущего великого инквизитора) дает нам Норман Рот. В своей книге «Обращенные, инквизиция и изгнание евреев из Испании» он пишет о Хуане де Торквемага: «Он был сыном Альвара Фернандеса де Торквемага, рехидора¹⁰ Вальядолида, и внуком Перо Фернандеса де Торквемага, сына Лопе Альфонсо де Торквемага, которого Альфонсо XJ посвятил в рыцари в день своего коронавания в Бургосе».

Как мы уже говорили, считается, что, как и многие другие испанцы, Томас де Торквемага мог иметь еврейские корни. Летописец Фернандо дель Пульгар в своей хронике «Светлые люди Кастилии», изданной в 1485 году, рассказывает, что отец Хуана де Торквемага – Альваро Фернандес де Торквемага – был женат на обращенной еврейке первого поколения (*judia conversa de primera generation*).

Фернандо дель Пульгар уточняет, прадедом Хуана де Торквемага был Лопе

Альфонсо де Торквемага, посвященный в рыцари королем Альфонсо X в Бургосе, в день своей коронации. Но Альфонсо, как известно, стал королем Кастилии в 1312 году. Соответственно, в том же году должен был стать рыцарем Лопе Альфонсо де Торквемага.

Он был захоронен в церкви Санта-Крус в городке Торквемага, в котором он родился и откуда родом было большинство его родственников.

Дедом Хуана де Торквемага был Перо Фернандес де Торквемага, сын Лопе Альфонсо де Торквемага и доньи Хуаны (в некоторых источниках - Аны) де Коллазос. В ряде источников XVIII века указывается на то, что Перо Фернандес де Торквемага был рехидором Бургоса.

Перо Фернандес де Торквемага женился на донье Хуане Фернандес де Товар, уроженке Вальядолида.

Хуана Фернандес де Товар была похоронена в церкви Сан-Франциско в Вальядолиде. От брака с Перо Фернандесом де Торквемага у нее родилось два сына - Гарсия Фернандес де

Торкветага и Альваро Фернандес де
Торкветага, ставший рехигором
Вальядолида.

В книге «Рог де ла Кабрера из
Кордовы: историко-генеалогическое
сочинение», изданной в 1779 году, удается
найти имя жены Альваро Фернандеса де
Торкветага — это донья Беатрис
Фернандес.

От их брака родились кардинал Хуан
де Торкветага и Перо Фернандес де
Торкветага. Последний же, женившись на
донье Менсии Ортеге, в 1420 году стал
отцом будущего великого инквизитора
Томаса де Торкветага.

Кто из этих людей мог быть женат
на обращенной в христианство еврейке?
Возможно, этой «конверсо» была Беатрис
Фернандес? Точно сказать нельзя. Но
именно от некоей женщины и пошло
большинство разговоров о еврейских корнях
великого инквизитора. Была это его
бабушка, или прабабушка, или
прапрабабушка? Кто знает... В любом
случае утверждения о том, что Томас де
Торкветага был «марраном».

«чистокровным евреем» и «евреем-выкрестом» — это либо намеренная ложь, либо ошибка, связанная с путаницей в понятиях «конверсо» и «обращенный еврей».

А откуда, кстати, вообще взялась версия о еврейских корнях Торквемады?

Все историки и биографы ссылаются на Фернандо дель Пульгара и на его хронику «Светлые люди Кастилии». Фактически это и есть единственный исторический первоисточник данной версии. В этой хронике о кардинале Хуане де Торквемада написано следующее: «Хуан де Торквемада, кардинал Сан-Систо, был человеком большого роста, худым, с манерами почтенными и изысканными, он родился в городе Бургосе. Его предки происходили из евреев, обращенных в нашу святую веру».

Последняя фраза в оригинале выглядит так: «Sus abuelos de linage de Judios convertidos a nuestra Santa Fe».

Фернандо дель Пульгар, как мы уже знаем, был летописцем Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Принято считать, что он сам был

«конверсо». Но в его произведении содержится немало весьма серьезных ошибок. Например, в нем сказано, что кардинал Хуан де Торквемада родился в Бургосе, хотя на самом деле он родился в Вальядолиде. Человек, ошибшийся в одном, мог ошибиться и в другом. С другой стороны, будучи сам «конверсо», Фернандо дель Пульгар вполне мог умышленно представить одного из высших руководителей католической церкви в качестве «конверсо», чтобы продемонстрировать прецедент и в случае чего защитить самого себя.

Именно на это указывает, в частности, Норман Рот, который квалифицирует творчество Фернандо дель Пульгара как «особенно романизированное», то есть приспособленное к политическим веяниям того времени.

Фридрих Бутервек в «Истории испанской литературы» рассказывает о нем: «Фернандо дель Пульгар занимал место историографа в период правления Изабеллы и Фердинанда. Этот весьма

изобретательный человек имел большие амбиции, он хотел стать Плутархом своей нации».

Немаловажен и такой факт: термин «sus abuelos» в оригинальном тексте Фернандо дель Пульгара в переводе с испанского может иметь два значения. С одной стороны, это – «предки» в целом. С другой стороны, во многих последующих переводах этот термин был интерпретирован как «grandfathers» или «grands-parents», то есть как «родители родителей».

В этой связи трудно себе представить, что Лопе Альфонсо де Торквемага, произведенный в рыцари королем Кастилии Альфонсо X, и его сын – Перо Фернандес де Торквемага – были бы «конверсос».

Лоренс Шүновер в своей книге «Изабелла I» пишет: «Брат Томас искренне и честно следовал своим правилам, будучи потомком древнего кастильского рода. Его предки боролись с таврами».

Беатрис Леруа в книге «Испания рода

Торквемада» констатирует: «На заре XIV века Лопе Альфонсо из деревни, находившейся рядом с городком Торквемада, сумел проникнуть в общество Вальядолида; после него Пери Фернандес де Торквемада, женившийся на Хуане де Товар, а затем Альвар Фернандес де Торквемада... были рыцарями города. Как они могли быть „конверсос“? Первый из города Торквемада – был ли он евреем и взял ли он себе в качестве фамилии название городка, или он женился на обращенной еврейке из Вальядолида (что более вероятно)? Кто был первым „конверсо“ в семье? Это не будет доподлинно известно никогда, тем более что определенное историческое течение, отстаивающее рыцарскую чистоту рода Торквемада, тщательно камуфлирует это происхождение».

Как бы то ни было, хроника «Светлые люди Кастилии» Фернандо дель Пульгара не может служить исчерпывающим и полностью достоверным источником информации.

При этом именно она является

фактически единственным доказательством того, что Томас де Торквемада имел в родне лицо или лица еврейского происхождения. Составить же исчерпывающее генеалогическое древо предков великого инквизитора не представляется возможным либо из-за отсутствия информации, либо из-за ее размытости...

Короче говоря, Хуан де Торквемада, возможно, имел предков из числа «конверсос». Возможно! Но даже если это и так, то все равно совершенно абсурдным выглядит утверждение о том, что его племянник – Томас де Торквемада – был обращенным в христианство евреем. Согласно Беатрис Леруа, «более вероятно», что обращенной еврейкой была прабабушка Хуана де Торквемада, то есть прапрабабушка Томаса де Торквемада. Но это уже просто смешно: если смотреть так далеко, то практически все имеют хоть какие-то еврейские корни...

Представляет интерес и совершенно иная версия происхождения Томаса де Торквемада. В частности, один из лучших

специалистов по истории евреев в Испании профессор Бенцион Неманьяху, кстати, отец премьер-министра Израиля Биньямина Неманьяху, утверждает, что отец и дядя Томаса де Торквемага имели не одну мать, а двух разных матерей. Это значит, что они были единокровными, но не родными и не единоплодными братьями. Согласно этой версии, Хуан де Торквемага имел еврейские корни через мать («Хуан де Торквемага, крупный католический теолог, был ребенком от смешанного еврейско-испанского брака»). Но эта женщина, возможно, не была матерью отца Томаса де Торквемага, а если это так, то последний не имел в жилах вообще никакой еврейской крови, то есть был чистокровным кастильцем и образцовым католиком.

Итак, Томас де Торквемага с рождения был образцовым католиком. А потому можно с уверенностью сказать, что вовсе не его «еврейское происхождение» стало причиной того, что он всю жизнь проявлял особое рвение в борьбе с врагами христианской веры.

Легенда о еврейском происхождении Торквемады не выдерживает никакой критики, и ни одна из попыток найти ее доказательства не достигла успеха. Томас де Торквемада был чистокровным кастильцем.

В этом смысле очень верными представляются следующие формулировки, приведенные в изданной в 1826 году «Универсальной биографии» братьев Мишо. В ней говорится, что Хуан де Торквемада происходил «из одной из самых замечательных фамилий Кастилии», а Томас де Торквемада «был из той же семьи, что и предыдущий, с которым его часто путают».

В Кастилии существовали так называемые сертификаты «чистоты крови». Это были документы, подтверждающие, что в предках человека не было мавранов, мавров и еретиков, — допрадега включительно.

И. Р. Гризуневич в своей книге «Инквизиция» пишет: «Беспощадно преследуя мавранов и морисков, инквизиция и испанская корона в то же

самое время всячески мешали их ассимиляции. Одним из препятствий к ассимиляции было требование сертификата „чистоты крови“, который предъявлялся при назначении на государственную должность, при присвоении офицерского чина, вступлении в духовное звание и монашеский орден, в университеты и на преподавательские должности, при выезде в заграничные владения – одним словом, всякий раз, когда житель сталкивался с необходимостью получить у властей какое-либо и на что-либо разрешение».

Таким образом, без такого сертификата человек не мог занимать ряд церковных должностей. Особенно высших церковных должностей. Этими сертификатами католическая церковь защищалась от богатых и оборотистых выскочек – бывших иноверцев и их детей. Служители Церкви просто опасались (и не без оснований), что деловые «конверсы» попросту вытеснят их, как они постепенно вытеснили национальное испанское купечество.

Конечно, при известной
изворотливости и без такого
сертификата человек мог занимать
практически любой государственный пост.
«Конверсо» мог сделать даже и духовную
карьеру. Единственное, чего он не мог
точно, — это стать инквизитором.

Начало новой жизни

М. В. Барро, ссылаясь на Антуана Турона, в своем очерке о Торквемаге пишет: «Мальчик был богато одаренной натурой, с умом почти гениальным, но страстного и неровного характера».

С раннего детства Томас де Торквемага проявлял склонность к духовной карьере. Он был аскетом, имел великодушный дар убеждения, быстрый ум и острый язык. Повлияли и семейные обстоятельства — его дядя, Хуан де Торквемага, как мы уже говорили, был кардиналом и известным богословом. Поэтому выбор Томаса был семьей понят и всецело одобрен.

Когда Томасу исполнилось двенадцать, он покинул родной дом и отправился в монастырскую школу. Именно этот поворот судьбы позволяет некоторым биографам именовать его следующим образом: «Томас де Торквемага, внук еврейки, ставший монахом-доминиканцем, проделавший путь

от монастырского поваренка до духовника королевы и великого инквизитора».

С «внуком еврейки» ты уже разобрались, а вот утверждение о том, что Томас де Торквемада проделал путь «от монастырского поваренка до духовника королевы и великого инквизитора», совершенно верно.

При этом о детских и юношеских годах Торквемады известно немного. По слухам, он некоторое время странствовал по стране. Кроме того, в литературе бытует одна романтическая легенда, будто бы в Кордове он влюбился в некую тавеританскую красавицу, но получил отказ — девушка предпочла юному богослову богатого единоверца-мусульманина. Удар якобы оказался столь тяжелым, что Торквемада на всю жизнь запомнил нанесенное ему оскорбление. Считается, что, став великим инквизитором, он после этого с утроенным усердием преследовал мавров и евреев, подозревая в последних союзников ненавистных ему мусульман.

Очень похоже, что легенда о

юношеской страсти Торквелады к мавританской красавице не имеет по себе никаких оснований. Во-первых, мусульманских девушек обычно держали взаперти и увидеть ее Торквеладой было банально негде. Во-вторых, он был слишком молод и вряд ли мог воспринимать себя в качестве любовника жениха. Наконец, даже если предположить, что такая история имела место, то отчего же «оскорбленный» Торквеладой не выбрал себе военную карьеру? Ведь военному, особенно в период Реконкисты, было гораздо легче мстить «проклятым неверным».

В самом деле, арабы или мавры (представители населения Северной Африки на территории нынешней Испании) давным-давно захватили почти весь полуостров и целые поколения кастильских дворян проводили жизнь в войне с ними. Только к XV веку мавры удалось оттеснить на юг, в Гранадский эмират (Reino de Granada) – последнее арабское государство в Европе и последнее исламское государственное образование на

территории Иберийского полуострова.
Неужели Торквеладе нужно было ждать
полвека, чтобы рассчитаться с таврами
за нанесенное оскорбление?

Монах-доминиканец

Жозеф Лавалле в своей «Истории инквизиций Италии, Испании и Португалии» повествует о первых шагах Торквемады следующим образом: «Чтобы развеяться после несчастной любви, с которой ему напоминала Кордова, он оставил этот город и направился в Сарагосу, с тем чтобы оттуда перебраться в Барселону, а там сесть на корабль и отплыть в Италию. Будучи достаточно сведущ в теологии, он посетил публичные диспуты в Сарагосе. Там он вступил в препирательство с отцом Лопесом, доминиканским приором из Серверы, поразила его своими знаниями и вызвал у него желание привлечь в свой орден подающего такие надежды молодого человека. После этого этих двух людей стали связывать узы дружбы: между ними установилось полное доверие, и монастырь доминиканцев открыл свои ворота перед Торквемадой. Желание все знать толкнуло его в архивы, и именно там он узнал о

том, какой авторитет имели в былые времена инквизиторы, причем не только в Арагоне, но и во Франции, и в Италии».

Умея глядя-кардинала, получив отличное богословское образование, отличаясь аскетическими наклонностями, беспримерной набожностью и умом почти гениальным, Торквемага в те времена просто не мог не стать священником.

Итак, он поступил в орден братьев-доминиканцев, католический монашеский орден, основанный монахом Домиником де Густаном в 1215 году и утвержденный папской буллой от 22 декабря 1216 года. Этот орден, который еще называют орденом братьев-проповедников (*ordo fratrum praedicatorum*), в те времена был главной опорой Церкви в борьбе с ересью.

При этом Томас прекрасно понимал, что его отец, Перо Фернандес де Торквемага, хотел бы, чтобы его единственный сын поскорее женился и взял на себя заботы по приумножению семейных традиций и продолжению рода.

Гордость и самознание были фатильными достоинствами их клана, и

юный Томас в полной мере унаследовал эти похвальные качества. Вероятно, они-то и сказались на его решимости пренебречь волей отца и начать жизнь, призывавшую его отнюдь не к вступлению в брак, но к монашескому обету и строжайшему целибату (обязательному безбрачию).

Так еще ребенком Томас стал дотиниканцем.

С какой радостью отказался он от всех перспектив, которые сулило ему отцовское состояние и положение в обществе дяди! С каким наслаждением облачился он в балахон из суровой ткани, до крови натиравший его еще детскую кожу! Впрочем, этого Торквелаге показалось мало, и вскоре под балахон была пошита власяница, изготовленная из жесткой овечьей шерсти, которую монахи надевали на голое тело, чтобы та постоянно кололась и напоминала о терпении и стирении.

Отметил, что орден дотиниканцев (братьев-проповедников), согласно уставу, относился к числу нищенствующих, то

есть братству запрещалось владение
каким-либо имуществом. В народе
монахов этого ордена звали «босоногими
братьями» – за то, что круглый год они
носили деревянные сандалии на босую ногу.
Тот же устав обязывал братьев вести
аскетический образ жизни, а целью ставил
миссионерство. Доминиканцы много
времени уделяли образованию (для борьбы с
еретиками нужны были знания), а посету
они быстро выбились в интеллектуальную
элиту католической церкви (обучение
длилось не менее шести лет, и всю
оставшуюся жизнь монах обязан был
поддерживать должный уровень личной
образованности).

В народе доминиканцев также звали
«нсы Господни», что шло от игры слов: по-
латыни «dominicanes» (доминиканцы) и
«domini canes» (нсы Господни) звучало
совершенно одинаково. Распространению
этого прозвища способствовал и
неофициальный символ ордена – собака,
сидящая на раскрытой книге и держащая в
пасти зажженный факел. Символ этот
никак не был связан с инквизицией и

сожжением книг, наоборот, — он сложился из двух сравнений: «верный, как пес» и «несущий свет истинного знания». Лишь много позже прозвище это приобрело зловещую окраску.

Но даже в таком оргене на Торквемагу глядели со смесью восхищения, зависти и опаски. С одной стороны, племянник самого Хуана де Торквемага, с другой — книжник и выдающийся оратор, вечно упрекающий себя в гордыне и твердящий, что спасение может быть лишь плодом многотрудного служения вере.

Считается, что Томас де Торквемага поступил в доминиканский монастырь Сан-Пабло (Святого Павла) в Вальядолиде в возрасте примерно четырнадцати лет, то есть в 1434 году. Именно с данного момента этот неординарный юноша стал обращать свои гневные проповеди против врагов христианства, сосредоточившись на одной цели — заботе о душе ближних.

Отец Антуан Турон в своей «Истории знаменитых людей доминиканского

ордена» пишет: «Связав себя с ранних лет с братьями-проповедниками в знаменитом монастыре Сан-Пабло в Вальядолиде, он, казалось, не увлекался ничем, кроме желания отвечать своему призванию, ежедневно учась умерщвлять плоть и жить лишь духом Иисуса Христа. Не будем вдаваться здесь в детали его практики покаяния и стирения, служившей объектом восхищения братьев и примером для всех, скажем лишь в двух словах, что он пошел по следам знаменитого Хуана де Торквемага. В том же Святилище, в котором великий кардинал показал пример добродетели, юный Томас показал такую же преданность всему тому, что могло поднять его к самому высшему совершенству».

В результате молодого монаха стали почитать праведником и слава о нем распространилась далеко за пределы монастыря.

В самом деле, Томас де Торквемага прославился как проповедник и обличитель грехов. Ораторский дар, харизма, образование — все подобралось один к

одному. Он мог делать с толпой все, что ему заблагорассудится. Но по округе быстро разнеслась молва не только о его красноречии, но и благочестии — он не ел мяса, носил грубую шерстяную власяницу и спал практически на голых досках. Молодой аскет, напрочь лишенный каких-либо пороков, огнем своим видом он вгонял людей в священный трепет. Скоро Торкветаме начали предлагать самые высокие должности, но он каждый раз их отклонял. Он был скромным монахом и соблюдал предписания устава ордена доминиканцев, казалось, не умом, а самим сердцем.

Настоятель монастыря

Санта-Крус

Как мы уже говорили, под одеждой Торквелага с юных лет носил власяницу, до крови натиравшую кожу и под вечер вызывавшую зуд во всем теле. Но причиняемые ею страдания доставляли ему удовольствие, хотя порой казалось, что со временем он становился все менее чувствителен к физической боли. Мысль об этом тревожила его, ибо без страданий он не представлял ни себя, ни своей жизни. Он спал без матраца и подушки. Мягкие постели, а тем более перины были ему вообще неведомы. Поначалу он по ночам почти не стылал глаз, ворочаясь с боку на бок, тщетно пытаясь найти удобное положение и поглаживая рукой затекшее от боли место. Однако потом долгий сон ему уже и не требовался, да и засыпал он, едва коснувшись спиной деревянной лавки, стоявшей в углу его кельи. В результате ему оказался недоступен этот один из самых действенных способов

самостоятельного, что лишало его прежних
возможностей постижения бытия и,
следовательно, порождало
неудовлетворенность собой. А душевные
түки в его планы не входили.

Пищи Торквемага потреблял не
больше, чем было необходимо для
поддержания жизненных сил. За пределами
монастыря он путешествовал
исключительно босиком. Вид его сбитых,
окровавленных ног доставлял ему такое
же удовольствие, какое получали иные
түжчины и женщины, разглядывая в
зеркале свои изысканные костюмы и
украшения.

Гилберт Честертон в своей книге
«Ортодоксия» пишет: «Торквемага пытал
плоть ради духовной истины».

Когда Торквемаге минуло тридцать,
его ученость, благоразумие и неустанный
түг привели его в епархию, где ему
предстояло служить Господу до конца дней
своих. Он тогда и представить себе не
мог, какие суровые испытания ожидают
его на избранном пути, но он не отступит,
можно даже утверждать, что и на

мгновение не дрогнет.

В 1452 году, то есть в тридцать два года от роду (а не когда ему было «около сорока», как утверждают некоторые исследователи), Торквемада согласился занять пост приора, то есть настоятеля доминиканского монастыря Санта-Крус, одного из важнейших монастырей, находившегося близ Сеговии.

Заметим, что Сеговия — это один из древнейших и интереснейших городов Испании. В XII веке Сеговия стала столицей Кастилии. Даже сейчас, когда первенство давно перешло к Мадриду, Сеговия, бывшая некогда главным городом страны, по-прежнему остается ее сердцем.

Монастырь Санта-Крус основал в 1218 году сам святой Доминик, и обитель всегда была одной из величайших святынь католического мира, ибо в ней покоятся останки Хуана де ла Крус (по-русски его часто называют Иоанн Креста), мистика и поэта XV века. Этого человека, умершего в 1591 году, почитают во всем мире, его произведения переиздаются, и выходят исследования о них.

Торквемада, приняв назначение, стал управлять монастырем ревностно и сурово. Монахи, и раньше не слишком-то распущенные, совсем остепенились, хотя, говорят, не обошлось и без пары негласных примерных наказаний в подземелье. Зато теперь монастырь Санта-Крус засиял образцовым порядком, как подсвечник во время службы. Не монастырь – истинная лампада в ночи.

Сам Томас де Торквемада уже не был цветущим юношей. Он сильно похудел, осунулся, у него были коротко остриженные уже невыющиеся волосы, а руки высохли. В его взгляде появилось нечто, похожее на утиротворенность, почти расслабленность человека, без волнения ожидающего, когда распахнутся Врата и ангел с огненным мечом скажет: «Томас де Торквемада – достойный».

Пост настоятеля монастыря Санта-Крус Торквемада занимал много лет: с 1452 по 1474 год.

Лоренс Шүновер в своей книге «Изабелла I» констатирует: «Он великолепно справлялся, считая свои

обязанности доверием, оказанным ему Богом, и не жаждал дальнейшего восхождения по иерархической лестнице, несмотря на то, что его дядя был кардиналом и легко мог способствовать продвижению».

Глава вторая

Шаг в большую политику

Духовник инфанты Узабеллы

Заметим все же, что это не был чистой воды альтруизм. Выбор Торквемады совсем не случаен. Более того, политически это очень верный ход, так как маленький монастырь Санта-Крус часто посещали представители высшего кастильского ^[11] общества, в том числе королева-мать Узабелла Португальская с маленькой Узабеллой, ее дочерью от умершего в 1454 году короля Хуана II Кастильского. Своим милосердием и крайним аскетизмом Торквемада произвел на мать юной Узабеллы такое впечатление, что его вскоре, в 1459 году, назначили духовником принцессы. С этого момента воспитание и образование венценосного ребенка находилось в его руках.

Поначалу казалось, что назначение вроде бы не выглядело очень привлекательным, ведь у юной Узабеллы не было никаких шансов на корону. Но Торквемада, как потом окажется, все

бүдгел несколько иначе. Он всегда что-то знал, чего не знали другие, а когда не знал — гениально предвигел. Вообще предвигеть — значит управлять. Это сказал французский философ Блез Паскаль, живший в XVII веке. Но именно поэтому, задолго до Паскаля, Торквемада буквально вцепился в этот статус духовника принцессы Изабеллы, и то, как он всю оставшуюся жизнь именно через нее осуществлял свое решающее влияние на политическую жизнь объединившихся Кастилии и Арагона, наглядно доказало его способность к трезвому политическому расчету.

Подробно об этом бюджет рассказано ниже, а пока хотелось бы подчеркнуть: не стоит думать о Торквемаде как о человеке, охваченном исключительно верой и религиозными чувствами. Таких людей в XV веке было немало, но этих качеств недостаточно для того, чтобы войти в Историю. В Торквемаде же, помимо всего этого, был развит очень разумный и жесткий политический расчет. Руками Изабеллы, через влияние

на нее, он смог продвигать свои идеи, а
поэтому можно смело утверждать, что в
1459 году, став духовником семилетней
инфанта, скромный монах-доминиканец
Торквемада шагнул из монастырского
затворничества в большую политику,
постепенно обретая власть, которой ни до
того, ни после того не было ни у кого из
испанских Отцов Церкви.

Девочка, лишенная детства

Волна сострадания и нежности к маленькой Изабелле буквально захлестывала грудь Торквемады.

Она была прекрасным светловолосым ребенком с серо-зелеными глазами. Родилась 22 апреля 1451 года в укрепленном замке Магризал-де-лас-Альтас-Торрес, что возле Авилы. Что представляла собой ее жизнь после рождения? Сначала – уютная колыбель, потом – кружева, шелка, меха и много-много внимания вокруг. Это и понятно, все-таки это была инфанта, дочь короля Хуана II Кастильского и его второй жены Изабеллы Португальской, на которой он женился после смерти первой жены, Марии Арагонской.

Ее отец Хуан II Кастильский, уже изрядно потрепанный жизнью человек, имел от первого брака взрослого сына двадцати шести лет, который остался в истории с малоприятным прозвищем Энрике Бессильный (El Impotente).

Ее мать, Изабелла Португальская, дочь герцога де Бежа, хотя и очень молодая, имела более стойкий характер, чем ее муж. После того как она сумела обеспечить преемственность власти, родив в 1453 году второго ребенка, на этот раз сына, названного Альфонсо^[12], она сумела заставить осудить и обезглавить в июне того же года дон Альваро де Лүна, опасного фаворита короля и фактического правителя Кастилии, подозревавшегося в отравлении Марии Арагонской.

Подобные картины насилия, свидетельствовавшие о непрочности королевской власти, не могли не быть замечены юной инфантой. Напротив, они должны были ей внушить и внушили соответствующую защитную реакцию в виде бессознательного стремления к жесткости и репрессиям.

Дальнейшее развитие событий не оставило Изабелле времени для полноценного детства и юности, о которых она могла мечтать: 20 июля 1454 года умер ее отец.

После этого Узабелла Португальская, став вдовствующей королевой, погрузилась в черную меланхолию. Она затолчала и практически все время проводила одна в своей комнате.

Энрике, сын короля от первого брака, тут же взошел на трон, став популярным благодаря всеобщей амнистии и возобновлению войны против мавров, которые, впрочем, занимали тогда лишь район Гранады, ведя себя достаточно миролюбиво (по крайней мере по сравнению с тем, как они вели себя раньше).

Положение детей, происходивших от второго брака умершего короля, было затруднительным и даже опасным для Энрике. Дело в том, что некоторые богатые гранды, наглые, заносчивые и всегда готовые бунтовать против существующей власти, вполне могли воспользоваться этими детьми, в частности, мальчиком Альфонсо, чтобы отстранить нового правителя от трона.

Поэтому вдова Хуана II Узабелла Португальская, все еще остававшаяся значительной персоной из-за своих детей, и

её маленькая семья были сосланы в замок Аревало, что находился близ Авилы, без всякой надежды хоть когда-нибудь выйти оттуда. Зато в Аревало вдовствующая королева находилась в безопасности, могла спокойно переживать свое вдовство и воспитывать детей вдали от беспокойного двора своего приятного сына.

Так, свое детство Изабелла провела в почти монашеском уединении в Аревало, в горной Кастилии, вместе с матерью и младшим братом Альфонсо. Вдовствующая королева посвятила себя общественной деятельности, заботе о бедных и больных.

Однако время от времени мать Изабеллы снова и снова погружалась в черную меланхолию, которая в конце концов полностью овладела ею.

От монастыря Санта-Крус до Аревало — около 50 километров, а посетив Томас де Торквемада считал своим долгом регулярно посещать вдовствующую королеву.

Лоренс Шүновер по этому поводу пишет: «Монахи, жившие под его строгим

руководством, очень радовались, когда он
езжал. Кроме того, они считали эти
визиты проявлением
благотворительности, так как никаких
выгод от своего внимания к вдовствующей
королеве он не получал. Монахи отмечали,
что брат Томас, никогда не позволявший
и использовать мулов для поездок, был
так же суров и к самому себе: он шел
пешком все 30 миль до Аревало в одиночку
через дикую и опасную страну, даже не взяв
с собой куска хлеба. Казалось, брату
Томасу одинаково были безразличны жара,
холод, голод, усталость и дикие звери,
которые жили в пустынных районах между
Сеговией и Аревало.

Его бы очень расстроило, если бы ему
кто-то сказал примерно следующее: „Брат
Томас, вы святой человек, живущий в
воображаемом мире, забывая о реальном и
оставляя все на волю Бога“. На самом
деле, он обладал большим здравым
смыслом. Он ходил пешком, потому что
это было хорошим примером для других и
потому что он был молод и силен. Он не
брал с собой еды, потому что привык

поститься — он не помнил вкуса мяса, которого не ел уже больше десяти лет, — и хроническое чувство голода было для него настолько привычно, что он его просто не замечал. Что же касается диких зверей: кабанов, медведей, кошек, — то он брал с собой крепкую палку. Звери, так же как и язычники, в сущности, трусы, их можно ошеломить внезапным нападением; они страшны только в том случае, если люди теряют бдительность».

Поскольку маленькую Узабеллу не рассматривали в качестве наследницы престола, ее воспитание не сопровождалось целенаправленным королевским образованием. Жизнь девочки протекала в спокойной, насыщенной религиозностью атмосфере.

Огромную роль в ее формировании играл Томас де Торквемада, который был ее духовником и наставником. Подобный вывод можно сделать хотя бы на основании того, что Узабелла, помимо фанатичности в религиозных вопросах, оказалась значительно более образованной, чем ее будущий супруг, принц Фердинанд

Арагонский. В те времена, когда даже среди знати хватало неграмотных женщин, образованность Изабеллы просто поражала.

Юная Изабелла оказалась весьма прилежной ученицей. Более того, во всем королевстве едва ли нашлась бы хоть одна другая принцесса, равная ей в желании перенять взгляды своего духовного наставника, научиться у него христианским заповедям и добродетелям.

Как пишет историк Эжен Франсуа Россев Сент-Илер, «голос Торквемады Изабелла с детства привыкла принимать за голос Бога».

Она была очень довольна своим духовником, ему тоже не приходилось жаловаться на нее.

Он рассказал ей о своем великом желании увидеть торжество христианства в стране и во всем мире. А однажды в порыве чувств он попросил ее встать на колени и пообещать, что в свое время, придя к власти, она обратит Кастилию в католичество. Поддавшись душевному порыву, Изабелла дала клятву

при первой же возможности воплотить в жизнь заветы своего учителя.

Торквемага высоко ценил достоинства Узабеллы. Она, в свою очередь, восхищалась им и уважала его жизненные принципы. В мире, где ее окружали в основном люди лишь льстецы и угодники, он и вправду был заметной фигурой.

Конечно же, Торквемага был не единственным наставником Узабеллы. Инфанту все же обучали чтению, письму и хорошему манеру. Вышивка, которую она лучше всего освоила, стала для нее впоследствии любимым отдыхом от изнурительных государственных дел. Много ей довелось узнать и из книг, хранившихся в библиотеке покойного отца.

С другой стороны, маленькая инфанта, ведя в своей жизни действительно суровую, сделалась поистине железной женщиной. Физические упражнения не были ей запрещены. Со своим младшим братом она вдоволь набегалась по окрестным холмам и приобрела там крепость здоровья и

неумолимую стойкость, что не было характерно для королевских дочерей, обычно более привычных к шлесту платьев и светской болтовне. Такое детство также развило у Изабеллы глубокую религиозность, усиленную молитвами, ежедневными мессами и исповедником, строго наказывавшим ее за малейшую провинность. Позже, став королевой, она уже не склонялась ни перед кем и ни перед чем, разве что перед самим Богом.

Чногда приходили новости от кастильского двора, и они возрождали некоторые надежды: король Энрике женился на инфанте Бланке Наваррской, дочери Хуана II Арагонского, но не имел потомства и, как поговаривали, даже не удосужился лишить супругу девственности. После аннулирования этого стерильного союза он в 1455 году выбрал себе другую жену, принцессу Жуану, сестру короля Афонсу V Португальского, но опять не сумел получить наследника, полностью оправдав свое прозвище El Impotente.

И все же в 1462 году при дворе

Кастилии наконец-то появился ребенок. Радости 47-летнего Энрике Бессильного и Жюаны Португальской не было предела, ведь, как известно, и король и королева становятся сильнее, когда у них появляется наследник или наследница. Однако очень быстро заговорили (конечно же, не очень громко), что девочка, которую называли Хуаной, вовсе не была дочерью короля. Ее прозвали ла Бельтранеха (La Beltraneja), по имени дворянина дон-Бельтрана де ла Куэва, фаворита короля Энрике, которого все не без оснований считали любовником королевы.

Слухи, по всей видимости, ходили не напрасно, так как сразу же после рождения долгожданного ребенка король сделал своего фаворита графом де Ледесма, что еще больше возмутило часть придворных.

Перед лицом негативной реакции на все это некоторых грандов королевства король Энрике струсил и счел за лучшее призвать ко двору Изабеллу и Альфонсо, чтобы исключить возможность их использования против себя. По официальной версии, как заявил сам

Энрике, он хотел, чтобы «их образование было более полным». На самом же деле они должны были публично засвидетельствовать свою преданность новой инфанте, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений, что они теперь исключены из списка возможных наследников.

При дворе Изабеллы было запрещено сидеть за главным обеденным столом. Ее перевели за другой стол, который находился на ступень ниже королевского. Возмущенный Альфонсо тоже решил расположиться рядом с сестрой. Дон Альфонсо Каррильо де Акунья, архиепископ Толедский, заметив публичное унижение инфанты и инфанта, тоже решил не сидеть за королевским столом...

Малолетний король- тарионетка

Для Изабеллы это был моральный шок: внезапно вырванная из своего монашеского существования в Аревало, она оказалась погружена в обстановку коррупции и интриг, где люди, которых она считала чуть ли не святыми, показывали себя отнюдь не последними в погоне за роскошью и сексуальным удовлетворением. Все, что было ей дано ее строгим учителем Торквемадой, бунтовало против этого мира адюльтера и разного рода пороков.

— Бедная наша земля, — обычно говорил ей Торквемада. — Она всегда была колыбелью христианских добродетелей. И королей здесь всегда звали «отважными», «мудрыми» и «добрыми». А что теперь? Как же она могла пасть так низко, что ею правит человек, заклеянный прозвищем «Бессильный»?.. Что будет с нашей страной, если при дворе творятся такие безобразия? Очень боюсь, прекрасная донья

Узабелла, что это не доведет ее до добра...

Духовник Узабеллы как в воду глядел. Очень скоро, а именно 5 июня 1465 года, уставшие от выходов Энрике гранды собрались в Авила. Возглавляла недовольных дон Альфонсо Каррильо де Акунья, застарелый в заговорах. Его активно поддерживали дон Родриго Пиментель, граф де Бенавенте, а также дон Альваро де Суньига и дон Диего Лопес де Суньига.

В конце концов, всеобщее возбуждение достигло таких масштабов, что собравшиеся предались мятежной церемонии: они бросили к подножию трона чучело, украшенное знаками королевского достоинства, и стали выкрикивать самые страшные из оскорблений. Сделано все это было «с театральным величием», о котором свидетельствовали многие описания. В результате король Энрике Бессильный был низложен, а маленький брат Узабеллы Альфонсо (ему было тогда всего двенадцать лет) был провозглашен королем при звуке труб и под верноподданнические клятвы. «Кастилия!

Кастилия! Для короля Альфонсо!»

Это послужило причиной многолетней войны и имело очень большое значение для дальнейшей истории Кастилии. Страна распалась на две части, а двор — на две фракции. Южные области с городами Бургосом, Толедом, Кордовой и Севильей поддержали двенадцатилетнего Альфонсо, а северные остались верны сорокалетнему Энрике Бессильному. Дон Альфонсо Каррильо де Акунья, архиепископ Толедский, и его сторонники навлекли на себя гнев короля Энрике, что очень обрадовало королеву и дона Бельтрана де ла Күэва, которым был на руку такой поворот событий.

Какой же это был урок для Изабеллы? И это новый король? Марионетка, которой управляли гранды и священнослужители! А Кастилия? Отдана в руки интриганов и честолюбцев!

Чтобы нейтрализовать возмущенную Изабеллу, ее решили выдать замуж за дона Педро Гирона, одного из самых богатых и влиятельных вельмож Кастилии, старого развратника, хотя и священника, великого

магистра тогда фактически
расколовшегося католического военного
ордена Калатрава, основанного в середине
XII века. Узнав об этом ужасном проекте,
Изабелла почувствовала себя в ловушке.
Два дня и две ночи она ревностно молилась.
Ее подруга детства, Беатрис де
Бобадилья, даже дала ей кинжал, чтобы
убить полого претендента. Но судьба —
или рука, враждебная этому проекту, —
заставила ненавистного жениха умереть
недалеко от города, где должна была
состояться свадебная церемония.
Таинственная боль в горле свела его в
могилу за три дня.

Перед смертью дон Гирон успел
юридически передать власть над орденом
своему восьмилетнему (незаконному) сыну
Родриго Гирону, и впервые в истории
ордена Калатрава реальная власть
перешла к четырем официально
утвержденным рыцарям-регентам.

Очень скоро случилась новая смерть,
также весьма странная. 5 июля 1468 года
внезапно умер юный Альфонсо. Произошло
это при непонятных обстоятельствах: он

съел форель, провалился в глубокую кому, не приходил в себя и ни на что не реагировал, а его почерневшие губы свидетельствовали об отравлении. Эта явно не случайная смерть навсегда удалила этого претендента от кастильского трона.

Временный союз Узабеллы и Энрике

Могла ли шестнадцатилетняя Узабелла надеяться сама стать королевой Кастилии? Вряд ли. И она поспешила удалиться от двора, уехала в Авилу, где затворилась в монастыре Санта-Ана. Там она с утра до вечера молилась, заставив всех врагов, окружавших ее, забыть о своем существовании. Но главным образом она проанализировала новую ситуацию, выгодную и опасную одновременно.

Со своей стороны, ее сводный брат Энрике оказался в такой же большой опасности. Он рисковал быть отстраненным от власти кланом, возглавляемым доном Альфонсо Каррильо де Акунья и его сторонниками. И Энрике решился на официальную встречу с Узабеллой. Она имела место в сентябре 1468 года. На этой встрече Энрике признал молодую инфанту принцессой Астурии ^[13] и наследницей двойной короны Кастилии и Леона, а также, что очень важно,

отказался от того, чтобы навязывать ей жениха. Она обосновалась в своем новом положении с солидной пенсией, двором, формально владея несколькими городами (Авиллой, Мединой-дель-Кампо и др.).

Но, несмотря на это, Изабелла, молодая и очень одинокая в этом мире непрерывных интриг, прекрасно понимала всю непрочность своего положения. Ей была нужна поддержка, то есть муж, и укрепление ее прав, то есть дети. Именно об этом не уставал говорить ей ее духовник Томас де Торквемада, не оставивший инфанту в ее непростом положении.

Поясним, что Энрике, сводный брат Изабеллы, был королем Кастилии, но в то время государства с названием Испании не существовало. Нынешняя территория этой страны делилась на четыре королевства: Кастилию — самое большое, Арагон — в северо-восточной части современной Испании, Гранаду — на юге и Наварру — на севере.

После договора с Энрике Изабелла, которая стала наиболее вероятной

наследницей престола Кастилии, превратилась в фигуру международного значения, в богатейшую наследницу в Европе, и всевозможные принцы дружно принялись добиваться ее руки.

Сам Энрике планировал выдать свою еще до конца не повзрослевшую, но уже очень привлекательную сводную сестру за португальского короля Афонсу V. Афонсу был сыном короля Дуарти, умершего в 1438 году, и Элеоноры Арагонской, дочери короля Арагона Фердинанда I. А еще он был старшим братом королевы, супруги Энрике Бессильного. Последняя делала на этом союз большую ставку, так как Афонсу был очень богат, а ее муж — очень беден и даже не мог вовремя платить своим солдатам. К счастью (для Изабеллы, конечно), брак этот так и не состоялся из-за большой разницы в возрасте (на момент их первой встречи инфанте было 13 лет, а претенденту — 32 года).

Другой нежелательный для Изабеллы брачный проект, как мы уже говорили, сорвался из-за скоростижной смерти жениха, дона Педро Гирона, друга детства

Энрике (официально считается, что он умер от воспаления аппендицита). После этого английский король Эдуард IV предлагал в качестве возможного супруга Изабеллы своего младшего брата. Не остался в стороне и французский король Людовик XII, тут же предложивший в качестве кандидата своего брата Шарля, герцога Беррийского.

Короче говоря, претендентов хватало по всей Европе. Биограф Изабеллы Лоренс Шюновер называет происшедшее «расчетливой политической игрой с утомительными и сложными подводными течениями», в которой тело Изабеллы «служило пешкой, разыгрываемой участниками». Однако все варианты были ею отвергнуты. Как вудит, характер будущей королевы Кастилии давал о себе знать с самого раннего возраста. Всем претендентам в конечном итоге был предпочтен арагонский принц Фердинанд^[14].

Арагонский принц Фердинанд

С самого юного возраста в характере Изабеллы все отмечали упорство, основательность и богобоязненность, но в то же время — самонадеянность. Во внешности ее особо выделяли зеленовато-серые глаза, характерные для представителей рода Трастамара. Нежный цвет лица и золотистые волосы заставляли забыть о невысоком росте и не особенно изящном телосложении. Вероятно, в ее облике были некое врожденное благородство и достоинство, что и привлекало к ней людей.

Отец Антуан Турон в своей «Истории знаменитых людей доминиканского ордена» пишет: «Много лет этой принцессе предлагали различные партии, но они мало подходили для нее. Гранды королевства оказывали на нее сильное давление, чтобы вынудить ее согласиться на брак с тем, к кому она испытывала одно лишь отвращение. Во всех этих затруднениях, часто доставлявших ей боль

и досаду, она нуждалась в утешении; и после Бога она в наибольшей степени находила его в советах своего духовника. Она ценила его познания, его честность, усердие и привязанность, подтверждения которым он давал постоянно и в любых обстоятельствах».

Несчастливая девушка. Конечно, замужество — это лотерея, в которой каждая сторона надеется на большой выигрыш. Так было всегда, но не всегда и, конечно же, не всем доводилось испытывать в связи с этим такое давление со стороны близких людей, видевших в ее браке лишь способ решения своих личных проблем и удовлетворения своих личных амбиций.

Некоторые биографы Изабеллы полагают, что решающей причиной упорства Изабеллы в вопросе о выборе жениха было гипертрофированное представление о своей будущей миссии, внушенное ей Торквемадой.

В частности, епископ Валентин Флешье в своей «Истории кардинала Хименеса», опубликованной в 1693 году,

отмечает: «Торквелага был духовником
Изабеллы с самого ее рождения, и он
внушил ей, что Бог возведет ее однажды
на трон, что ее главным делом будет
наказание и уничтожение еретиков, что
чистота и простота Христианского
Вероучения являются основой правления,
что средством установления мира в
королевстве должны быть Религия и
Правосудие».

Надо сказать, что Торквелага и сам
проводил день за днем в попытках найти
разгадку подобного жребия. При этом,
упрекая себя в гордыне, он не раз отвергал
единственное лестное для себя объяснение,
приходившее на ум. И все же долгие
размышления в конечном итоге укрепили
его в мысли о том, что именно на него
возложена некая святая обязанность и она
предъявляет к нему требования,
соответствующие ее исключительному
значению, и все это просто обязано быть
оправданным его деяниями. Отчетливо
понимая, что обязан святой Церкви
больше, чем любой простой христианин, он
пришел к выводу, что спасение не может

быть не чем иным, кроме как плодом
многоотрудного служения вере. А раз так,
подводил он итог своим раздумьям,
необходимо почитать свой долг
исполненным не ранее, чем будут наказаны
и уничтожены все, кто оскорбляет
католическую церковь и разжигает ересь.

Настроенная именно таким образом,
Изабелла всеми силами хотела избежать
политической опеки какого-нибудь старшего
и опытного супруга. Она мечтала сама
решать все вопросы и не быть лишь
бессловесной тенью своего мужа. В этом
смысле больше всего ей подходил принц
Фердинанд, сын короля Хуана II
Арагонского. Он родился 10 марта 1452 года
и был почти на год младше Изабеллы. Как
известно, мужчины и женщины взрослеют
в разное время, а посему Изабелла была уже
почти зрелой женщиной, а Фердинанд еще
выглядел мальчиком. Скорее всего, именно
поэтому Изабелла, мечтавшая стать
самодержавной королевой Кастилии, и
увидела в нем мужа, не способного
оспорить ее права на самостоятельное
правление.

Шестнадцатилетний Фердинанд был вполне достойным молодым человеком, и у него имелись все необходимые качества, чтобы понравиться честной и любившей будущую королеву: в тот момент он являлся лишь королем Сицилии, это был тогда ничего не значащий титул, который не мог соперничать с тем, что обещали Узабелле. Еще один важный момент — его, помимо верного советника Торквемады, поддерживал дон Альфонсо Каррильо де Акунья, враг ее сводного брата Энрике.

В самом деле, Фердинанд, красивый, сильный, полный жизненных сил и честных планов, вполне устраивал Узабеллу в качестве супруга — даже больше, чем просто устраивал. Правда, его самого положение просто супруга правящей королевы не очень радовало, ведь он рассчитывал на власть в соседней Кастилии, и это было ясно. Но Узабелла сама намеревалась со временем устранить причину возможных семейных конфликтов. Их с Фердинандом брак должен был стать во всех отношениях идеальным союзом двух

людей, облеченных правом распоряжаться судьбами своих подданных. Она решила, что будет во всех вопросах советоваться с мужем, а если он в чем-либо не согласится с ней, то она была готова тактично переубедить его до тех пор, пока их мнение не станет единым.

Фердинанд был худым юношей, полным энергии и задора. У него были очень красивое смуглое лицо, карие глаза и черные волосы. Его довольно-таки экзотическая внешность, по-видимому, почти магнетически притягивала к себе, в первую очередь особ женского пола. Уже в отрочестве Фердинанд прослыл настоящим воином и ловеласом. Но слухам, у него уже было два незаконнорожденных чада. Конечно, это были лишь слухи, но они не только не остановили, но обрадовали Изабеллу. Поглощенный битвами и страстями, он не будет иметь достаточно времени для игр с властью.

Брачный договор с принцем Фердинандом

Свита жениха прибыла в Кастилию, переодевшись безобидными купцами. Эта удивительная поездка за невестой обошлась без опасных приключений. Так, перед воротами города Эль-Бурго-де-Осма путешественников засыпали градом камней, приняв их за обычных бродяг. Наконец, 14 октября 1469 года Фердинанд, следуя по правому берегу реки Дуэро, благополучно добрался до Вальядолида. Там, в доме Хуана де Виверо, жених и невеста впервые встретились в присутствии дона Альфонсо Каррильо де Акунья, архиепископа Толедского. Разумеется, это было не романтическое свидание, а чисто деловая встреча. А еще через пять дней архиепископ совершил обряд венчания, без обычной королевской пышности, в тесном кругу самых близких и доверенных людей.

До свадьбы, 7 января 1469 года, Фердинанд подписал договор, по которому

давал обязательство тесно сотрудничать с Изабеллой, совместно с ней принимать все решения, подписывать все указы вместе с королевой и признавать законной носительницей Кастильской короны только ее. Таким образом, Фердинанду Арагонскому отводилась в Кастилии роль принца-консорта, то есть просто супруга, советника и товарища правящей королевы.

Помимо прочего, он обязался никогда не вывозить за пределы Кастилии свою жену и будущих детей, а также продолжать священную войну против мавров. И все это без всяких претензий на наследование.

Лоренс Шүновер называет этот брачный договор «шедевром государственной мысли, полным противовесов», четко разграничившим права обеих сторон.

Отметил, что бракосочетание Изабеллы и Фердинанда состоялось тайно, без согласия римского папы и действующего короля Энрике.

Узнав о свадьбе, Энрике IV Бессильный, естественно, пришел в

ярость. Он объявил о решении вернуть престолонаследие своей дочери Хуане, а Узабеллу лишить соответствующих прав. После этого Узабелла и Фердинанд решили перебраться в Медину-дель-Пуосеко под защиту верховного адмирала Фадрика де Энрикеса, одного из самых могущественных грандов Кастилии, дед Фердинанда (его дочь была замужем за королем Арагона).

Отметим также, что Томас де Торквемада сыграл в происходящих событиях весьма важную роль.

М. В. Барро в своем очерке о Торквемаде пишет: «В награду за труды ему предлагали место архиепископа Севильи, но он отказался, как ни упорно упрашивали его Фердинанд и Узабелла».

Как видим, честолюбие было совершенно чуждо натуре Томаса де Торквемада, он думал только о благе государства, достоинстве религии, спокойствии народов и спасении душ правоверных христиан.

Но Торквемада не просто способствовал заключению брака Узабеллы

с Фердинандом Арагонским. Очень скоро, благодаря своему суровому и непреклонному характеру, религиозному энтузиазму и богословской начитанности, он стал оказывать на последнего не меньшее влияние, чем на Изабеллу.

Принято считать (хотя документы не очень-то подтверждают его участие), что Торквемада сплел целую сложную интригу, чтобы возвести свою духовную дочь на престол. Он агитировал дворян, чтобы они поддержали «Изабеллу Добрую», и именно для этого организовал ее тайное венчание с Фердинандом.

Он же взял на себя и решение весьма деликатного вопроса с Римом. Дело в том, что Изабелла и Фердинанд договорились друг другу кузиной и кузенот ^[15], а значит, заключение их брака требовало особого папского разрешения. Но папа Павел II не рискнул его дать, так что посланник короля Хуана II Арагонского вернулся ни с чем, так и не уладив дела. Однако инициаторы брака, к которым обычно относят Хуана II Арагонского,

отца жениха, Торквемада и дон Альфонсо Каррильо де Акунья, архиепископа Толедского, этим совершенно не ступились. Они возлагали на этот брак такие большие надежды и строили в отношении него такие великие планы, что, недолго думая, сфабриковали необходимый документ в расчете получить папскую печать задним числом. Так оно, впрочем, и произошло в декабре 1471 года, но уже в папство Сикста IV, так как неуступчивый папа Павел II, известный коллекционер-нумизмат и собиратель драгоценных камней, умер 26 июля 1471 года.

После того как Сикст IV (в миру — Франческо делла Ровере) дал особое папское разрешение на брак Изабеллы и Фердинанда, король Энрике, сводный брат Изабеллы, почувствовал себя остереженным. Полный ярости, он решил еще резче поставить под вопрос ее качество наследницы, стараясь при этом еще больше усилить значимость своей дочери, маленькой ла Бельтранехи. Он стал подыскивать ей мужа.

А что делал в это время Торквемада? Отец Антуан Турон в своей «Истории знаменитых людей доминиканского ордена» пишет об этом следующее: «Он очень редко появлялся при дворе, да и то лишь тогда, когда его звали; почти все время проводя у себя, он лишь изредка сопровождал инфанту то в Вальядолид, то в Авилу или в какой-то иной город Кастилии».

Изабелла – королева Кастилии

В самом деле, чтобы избежать королевского преследования, Изабелла вынуждена была скитаться. При этом 2 октября 1470 года она родила своего первого ребенка – дочь Изабеллу – и смогла наконец получить разрешение нового папы Сикста IV, который не являлся сторонником короля Энрике, на свой брак. Кстати сказать, в архивах Ватикана копии разрешения на брак от его предшественника так и не нашли, а ведь она должна бы существовать, если то разрешение было подлинным.

Энрике IV Бессильный, как мы уже говорили, пребывал в ярости. Он, поддавшись на уговоры супруги и дон Педро Лопеса Начеко, маркиза де Вильена, выступавшего за скорейшие действия, даже задумал убить ребенка Изабеллы, спугнувшего все его планы, но, как всегда, в последний момент заколебался.

Надо сказать, что условия для столь кардинального решения проблемы

складывались в тот момент просто идеальные: Фердинанд отсутствовал физически (он был в Арагоне, помогая отцу отражать нападение французов). Советники давили на короля Энрике, и он уже почти было решился, но тут, 1 ноября 1474 года, в кресле брадобрея вдруг умер старый маркиз де Вильена (перед смертью он успел получить от короля титул герцога де Эскалона). А потом, 11 декабря 1474 года, испытывая ужасные боли, испустил последний вздох и сам Энрике Бессильный.

Он был капризен и нерадив. Подобно своему отцу, не имел ни энергии, ни твердости характера. Неспособность к решению серьезных вопросов лишила его всякого авторитета, а неудачная супружеская жизнь сделала постыдным в глазах современников.

Лоренс Шүновер по этому поводу пишет: «На время страна затерлась. Согласно традиции, монархи Кастилии всегда оставляли завещание и определяли основные направления политики, которая должна быть продолжена после их смерти.

Хотя и не облеченные силой закона, эти документы всегда с уважением воспринимались и выполнялись до тех пор, пока отвечали практическим интересам страны. Но король Энрике, до конца последовательный в своей нерешительности, не оставил никакого завещания своим сторонникам. В наследство он оставил неопределенность — единственную постоянную черту своего характера».

Смерть Энрике IV Бессильного была столь быстрой, что снова заговорили об отравлении. С его уходом из жизни пресеклась мужская линия кастильского королевского дома.

Изабелла скрывалась тогда в Сеговии. На следующий день, 12 декабря 1474 года, посланник кардинала де Мендоса сообщил Изабелле о кончине ее сводного брата. В этой щекотливой ситуации Изабелла поступила следующим образом: одетая в горностаи и сверкая бриллиантами, с распущенными по плечам длинными светлыми волосами, она выехала верхом на лошади перед восхищенной толпой.

Затем она распорядилась отслужить по
успешному мессе, а 13 декабря поднялась на
быстро сколоченную трибуну и сама себя
короновала.

Собравшийся городской совет Сеговии
тут же провозгласил ее новой королевой.
Толпа ликовала, а Изабелла произнесла
первую в своей жизни тронную речь,
которая завершалась словами: «Изабелла,
королева Кастилии, и Фердинанд, ее
законный супруг».

Затем она послала в разные концы
королевства гонцов с этой новостью и
угрозами, предназначенными для ее
противников. Одновременно с этим она
подумала и о том, чтобы предупредить
обо всем своего мужа, находившегося в то
время в Сарагосе, столице Арагона.

Такая стремительность ошеломила
не только часть кастильской
аристократии, но и самого Фердинанда.
Под предлогом того, что женщина не
может сидеть на троне, он тоже
провозгласил себя королем Кастилии, как
самый близкий родственник умершего
короля. 2 января 1475 года Фердинанд

въехал в Сеговию, где Узабелла устроила ему праздничный прием. В последующие дни между супругами и их сторонниками вспыхнул острый спор о правах королевы и ее супруга. Считая себя обделенным, Фердинанд стал угрожать отъездом. После этого последовала бурная сцена, из которой Узабелла, поддерживаемая Торквемадой, конечно же, вышла победительницей.

Чтобы закрепить договоренность, Педро Гонсалес, кардинал де Мендоса, и архиепископ Альфонсо Каррильо де Акунья составили так называемый «Сеговийский договор» от 15 января 1475 года. По нему Фердинанду был гарантирован королевский титул, однако Узабелла была объявлена не просто королевой, но и «владелицей» государства и за ней было закреплено исключительное право наследования. Кроме того, за Узабеллой были признаны верховная военная власть, регентство и руководство гражданской администрацией. В отсутствие Фердинанда ей предстояло самолично определять правовую и внутреннюю

политику. Впрочем, внешнюю политику
Изабелла передала в ведение своего супруга
и сделала это без сожалений, так как в те
времена, по арагонской традиции, эта
политика концентрировалась главным
образом вокруг Южной Италии. И хотя
благодаря таким компромиссным
решениям Фердинанду удалось избежать
унизительного положения принца-
консорта, все же Изабелла осталась
единоличной владчицей Кастилии.

Отметим, что Торквемада и здесь
сыграл весьма важную роль.

М. В. Барро констатирует: «В это
статное время Торквемада принимал
живейшее участие в провозглашении
Изабеллы наследницей Кастилии».

Стоит отметить, что Изабелла
воспитывалась под влиянием матери,
которая просто помешалась на религии
(ныне она была так погружена в свои
печальные мысли, что даже перестала
узнавать дочь), и Изабелла в значительной
степени переняла у нее эту
фанатичность. А Торквемада,
отказываясь от предлагавшихся ему

постов и назначений, ухватился за это и
пробыл в роли ее духовного наставника до
конца своей жизни. Безусловно, влияние на
Узабеллу он имел сильнейшее. При этом,
будучи фанатичной католичкой, Узабелла
видела в Торквеладе нечто большее, чем
просто монаха или священнослужителя.

Жозеф Лавалле в своей «Истории
инквизиций Италии, Испании и
Португалии» пишет: «Ему несложно было
ее управлять: невинность этой принцессы,
чистосердечие ее возраста, горячность,
такая естественная для юной девушки,
занятой лишь религиозными мыслями...
способствовали тому, что Торквелада
овладел ее сознанием, не позволяя ей
колебаться».

Это факт, как говорится,
исторический — Томас де Торквелада
сохранил влияние на Узабеллу, сначала
инфанту, а после и королеву Кастилии, на
всю жизнь. Именно он воодушевил ее на
мстительство против сводного брата, короля
Энрике Бессильного. Именно он искусно
разжег в ней симпатию к принцу
Фердинанду Арагонскому. Когда Узабелла

но его наущению подписала брачный контракт, не уведомив короля, Торквемага устроил ей побег из-под надзора. Он привез Изабеллу в Вальядолид, город, в котором власть Торквемаги была особенно сильна — ведь его род был едва ли не самым знатным в округе. Позже именно он помог принцу Фердинанду, наследнику Арагонской короны, тайно прибыть в Кастилию для венчания.

«В ходе роскошной церемонии введения во власть, которую все невольно сравнивали с печальным спектаклем коронации Альфонсо, — пишет Лоренс Шүновер, — и тяжёлые, и сохранившие верность Энрике гранды поспешили показаться в первых рядах, чтобы поцеловать руку Изабелле и принести ей клятву верности. Звенели колокола на церковных башнях, на улицах сверкали фейерверки, и простые люди до хрипоты кричали о любви к принцессе, принесшей мир».

С воцарением Изабеллы Томас де Торквемага стал настоящим «серым

кардиналом»¹⁶, по сути, истинным повелителем страны. Но он предпочел, как и подобает серому кардиналу, держаться в тени, прикидываясь скромным духовником и настоятелем монастыря Санта-Крус. При этом королева была целиком под его влиянием и не принимала ни одного решения, не посоветовавшись с ним. Такую же власть, как мы уже говорили, Торквемада вскоре приобрел и над королем Фердинандом.

Война с Португалией

Договор с Фердинандом был нужен Изабелле, чтобы противостоять многочисленным опасностям. Дело в том, что после того, как в декабре 1474 года умер король Энрике IV Бессильный, архиепископ Альфонсо Каррильо де Акунья вдруг решил присоединиться к официальной наследнице, малышке Хуане ла Бельтранеха, которую король Португалии Афонсу V задумал взять замуж для того, чтобы захватить титул короля Кастилии.

Афонсу Португальский был очень сердит на Изабеллу. Он прекрасно помнил, как ездил в Кастилию, чтобы сделать ей предложение, а потом получил отказ, да в такой форме, что ему пришлось чуть ли не в тот же день собираться в обратный путь. Это было оскорбление, которое король Португалии не мог ни простить, ни забыть.

Вот почему теперь он с превеликим удовольствием отобрал бы корону у

Узабеллы и водрузил на голову юной Хуаны
ла Бельтранеха. Что же касается брака с
ней, то тут все сомнения развеяла его
сестра.

— Подумай, — сказала она, — если моя
маленькая Хуана станет королевой
Кастилии и твоей женой, ты будешь
полноправным хозяином этой страны.

— Но она же моя родная племянница...

— Ну и что? Его святейшество без
колебаний благословит этот брак —
особенно после того, как увидит, на что
способна наша армия.

— Но ей всего двенадцать лет! —
продолжал Афонсу.

— Послушай, разве можно жениху
сетовать на молодость своей невесты...

Все для себя решив и хорошенько
обдумав, Афонсу V Португальский,
располагавший большой и сильной армией,
перешел границу Кастилии.

Узнав об этом, а также об измене
дона Альфонсо Каррильо де Акунья,
Узабелла воскликнула:

— Не могу в это поверить! Ведь
прежде он твердо стоял на моей стороне и

всегда помогал мне.

— Не спорю, дочь моя, — сказал ей ее духовник и всегдашний советник Торквемада, — вы многим обязаны этому человеку. Но ведь помогал он вам только потому, что намеревался подчинить себе и от вашего имени править королевством.

— Увы, брат Томас. Честолюбие — слабое место архиепископа Толедского.

— Надо отличать честолюбие от гордыни и кичливости. Остерегайтесь таких людей.

— Я запомню ваши слова, — сжав кулаки, сказала Узабелла.

На самом деле поступок дон Альфонсо Каррильо де Акунья, вдруг решившего поддержать малышку Хуану ла Бельтранеха, понять несложно. Он и сам очень хорошо помнил, как в прошлые времена Узабелла искала у него заступничества. Ведь это он привел на кастильский трон ее брата Альфонсо, когда еще был жив король Энрике Бессильный. Он после смерти Альфонсо помог Узабелле стать королевой, хотя это было весьма и весьма непросто. И что же

теперь? Похоже, Узабелла поднялась слишком высоко и забыла, чем была ему обязана...

По правилам, корона Кастилии должна была наследоваться по праву первородства, причем потомки мужского пола пользовались преимуществом над потомками пола женского. Но король Хуан II был женат дважды. От первого брака он имел сына Энрике, а от второго — дочь Узабеллу и сына Альфонсо. В своем завещании Хуан II четко определил порядок наследования престола: наследниками первой линии были Энрике и его дети, второй — Альфонсо и его дети, третьей — Узабелла. Но у Энрике была только одна дочь, Хуана ла Бельтранеха, законность рождения которой оспаривалась. Юный Альфонсо, как мы знаем, умер в 1468 году. Сразу же после этого оппозиция, успевшая провозгласить его королем, выступила за Узабеллу. Но Энрике настаивал на том, что его дочь Хуана ла Бельтранеха является законной, несмотря на все слухи о его импотенции. Аргументы самой Узабеллы против

соперницы строились на том, что брак Энрике со своей кузиной был недействительным, а посему и дети от этого брака должны быть исключены из числа престолонаследников.

В данном случае дон Альфонсо Каррильо де Акунья поступил чисто практически — он выбрал сторону более сильного и, как ему казалось, более перспективного. К тому же в 1474 году умер старый маркиз де Вильена и всё во враждующих кастильских группировках перемешалось (сын маркиза присоединился к Афонсу Португальскому). В этой ситуации архиепископ Толедский подумал, что сила явно находится на стороне Афонсу, Хуаны ла Бельтранеха и ее матери. Дальнейшие события покажут, что он серьезно ошибся.

Ход начавшейся войны выглядел следующим образом.

В июне 1475 года армия португальского короля Афонсу V и католической знати, боровшейся за восшествие на престол Хуаны ла Бельтранеха, подошла к кастильскому

городу Торо, находившемся в 60 километрах от границы. Город открыл и ворота, но стоящий на высокой горе замок отчаянно сопротивлялся. 16 июля португальский король занял соседнюю Сатору, сданную ему сторонниками Хуаны ла Бельтранеха. Узабелла с Фердинандом вышли на помощь осажденным в замке из Вальядолида и подошли к Торо 23 июля, но противник не принял боя в открытом поле, укрылся за мощными стенами, и их армии пришлось отступить. Замок в Торо, не дождавшись помощи, сдался в конце июля.

В начале августа Фердинанд отправился осаждать крепость Бургос, находившуюся в руках сторонников Афонсу Португальского и Хуаны ла Бельтранеха. Португальский король двинулся на помощь осажденным в начале сентября. Обойдя Куэльяр, он подошел к Пеньяфьелю, который находился во власти его союзников. 18 сентября у Бальтанаса Афонсу разбил сторонников Узабеллы.

Положение стало отчаянным. Однако, хотя Узабелла и была вновь беременной, она поскакала от одного города к другому,

чтобы вербовать солдат (так, кстати, она и потеряла этого ребенка). Фердинанд сделал то же самое. Они расплавились ценности, собранные в церквях и монастырях, чтобы раздобыть необходимые суммы для сбора настоящей армии.

Тем временем Афонсу Португальский принял решение не продолжать движение к Бургосу, а возвращаться в Сатору, куда он и прибыл в октябре.

В ноябре Афонсу взял крепость Канталаяньедра. В конце этого месяца Фердинанд двинулся к Саторе, где произошло восстание против захватчиков; восставшие открыли ворота Фердинанду, и он вошел в Сатору 5 декабря 1475 года, однако замок Саторы остался во власти португальцев.

Восемнадцатого января 1476 года Изабелла двинулась от Вальядолида к Бургосу, который сдался 28 января, и 10 февраля королева вернулась в Вальядолид.

В феврале 1476 года португальская армия сконцентрировалась в Торо,

собираясь оказать помощь Саморе. Фердинанд двинулся было от Саморы к Торо, но не стал принимать сражение, а отступил обратно к Саморе, куда 19 февраля подтянулись португальские войска. С юго-востока, от Алаэхоса, подошли войска Узабеллы и атаковали португальцев. Афонсу V Португальский отступил к Торо, где кастильцы и нанесли ему поражение 1 марта 1476 года.

В этом сражении Узабелла сидела верхом на коне — по-мужски, но в широкой юбке поверх штанов, дабы не быть обвиненной в совершении греха (ношение мужской одежды, кстати сказать, было одним из пунктов обвинения Жанны д'Арк, сожженной на костре за 45 лет до этого). Специально для нее сделали шлем, под который можно было спрятать ее длинные волосы, и кирасу, удобную для ее груди. Она сама вела в бой своих солдат, понимая, что от победы или поражения зависит все.

В сражении при Торо армия приверженцев Узабеллы под командованием короля Фердинанда одержала победу над португальскими

захватчиками и кастильскими сторонниками Хуаны ла Бельтранеха под командованием Афонсу V Португальского, кровавую победу, после которой десять тысяч человек навсегда остались на поле боя и еще примерно столько же было покалечено. Но это была очень важная победа.

Девятнадцатого марта замок Саторы сдался кастильской армии.

В апреле 1476 года Фердинанд перешел в наступление от Медины-дель-Кампо на Канталамьедру, и эта крепость сдалась королю. Афонсу оставил Вильяльбу, Портильо и Майорху, после чего на шесть месяцев было заключено перемирие. Вслед за окончанием перемирия Фердинанд 19 октября взял Торо, что, по сути, означало конец войны.

В честь победы при Торо Изабеллой и Фердинандом был основан францисканский монастырь Сан-Хуан-де-лос-Рейес, предназначавшийся для королевской усыпальницы. Поэтому стены главной монастырской церкви украшены гербами и геральдическими щитами королей; однако

сами они потом были похоронены в Гранаде.

Вслед за этим Афонсу V, отказавшись от претензий на кастильский престол, вернулся в свою Португалию. Вскоре он развелся с Хуаной де Бельтранеха, ставшей ему ненужной, и та удалилась в монастырь. После этого все сочли, что она, укрытая за его мощными стенами, уже никогда не причинит никому беспокойства. В самом деле, разве она не дала монашеский обет, запрещавший ей участвовать в мирской жизни...

Предавший Изабеллу архиепископ Альфонсо Каррильо де Акунья вновь бессовестно переметнулся к победителям, после чего также был вынужден уйти в монастырь, где и умер в июле 1482 года. Запоздалую клятву верности Изабелле и Фердинанду принес и сын маркиза де Вильена.

Отметил, что 13 июня 1475 года вдруг умерла Жюана, сестра короля Афонсу Португальского и супруга короля Энрике Бессильного (ей было всего 36 лет, и она

пережила своего мужа лишь на пол года).
Все это говорит о том, что на этот раз
Изабелла и Фердинанд окончательно и
бесповоротно стали хозяевами Кастилии.
Теперь Изабелла везде стала
подписываться: «La reina», что значило —
«Королева».

Совет Филиппа де Барбериса, поддержанный Торквемадой

В 1477 году Филипп де Барберис, инквизитор с Сицилии, которая долгое время находилась под властью королей Арагона, приехал в Севилью, чтобы получить от Изабеллы и Фердинанда подтверждение дарованной сицилийской инквизиции привилегии, в силу которой инквизиторы вступали в обладание третью имущества осужденных еретиков. Изабелла подтвердила эту привилегию 2 сентября 1477 года, а Фердинанд сделал это через полтора месяца, 18 октября того же года.

Получив то, что требовалось, Филипп де Барберис на прощание посоветовал королевской чете создать новую активную инквизицию и в их королевстве, доказывая, что ее деятельность сможет лишь послужить укреплению их власти. Особенно он давил на Фердинанда, прекрасно понимая, что уговорить его на подобное гораздо проще,

чем более мягкую и совестливую по натуре
Изабеллу.

Хуан Антонио Льоренте по этому
поводу пишет: «Барберис из ревения к
интересам папы и в качестве
должностного лица инквизиции
постарался убедить короля, что
христианская религия извлечет большие
выгоды из святого трибунала благодаря
страху, который внушали ее судебные
приговоры».

Предложение Филиппа де Барбериса
живо поддержал Альфонсо де Охеда, приор
доминиканского монастыря в Севилье и
неустовый защитник христианской веры,
который потребовал учреждения
инквизиции для борьбы с «новыми
христианами», в первую очередь с евреями
по происхождению. Всеобщее недовольство
ими было очень велико.

— Эти иудеи, они повсюду! — говорил
Альфонсо де Охеда. — Они заплотнили
Севилью, да и все города Кастилии. У
денег у них больше, чем у всех остальных
подданных Короны. При этом они
притворяются добрыми христианами.

Однако, выдавая себя за истинных католиков, они на самом деле продолжают справлять свои отвратительные ритуалы — разумеется, по ночам, когда их никто не видит.

Артур Арну в своей «Истории инквизиции» по этому поводу пишет: «Народное недоброжелательство часто проявлялось по отношению к ним. Христиане, бывшие зачастую их должниками, поднимали восстания, благодаря которым они, с одной стороны, удовлетворяли свой фанатизм, а с другой — не опустошая своего кошелька, избавлялись от долгов с помощью еврейских погромов.

Эти зверства и постоянная угроза смерти, витавшая над головами евреев, принудили многих из них креститься. В короткий срок более ста тысяч семей, то есть примерно один миллион населения, пожелали креститься. Но такого рода насильственные обращения в христианство не могли быть искренними, и многие из вновь обращенных, — они получили название марранов, — в глубине души оставались верными закону Моисея и

тайно продолжали следовать его велениям».

На это-то и особенно усердно указывал Альфонсо де Охеда.

За введение инквизиции горячо ратовал и папский нунций (от лат. nuntius — вестник, постоянный дипломатический представитель) Николо Франко, который очень надеялся на этом деле погреть себе руки.

Хуан Антонио Льоренте рассказывает: «Тогда начали распространять молву, что во многих местах королевства новохристиане вместе с некрещеными евреями издеваются над иконами Иисуса Христа и даже распинают христианских детей, чтобы представить страдания и смерть, которым был подвергнут Спаситель мира. Альфонсо де Охеда рассказал Фердинанду и Изабелле, что один рыцарь из семьи де Густан, тайно спрятавшись в семье одного еврея, дочь которого он любил, видел там совершение этого преступления».

После разговора с Альфонсо де Охеда Изабелла и Фердинанд обратились к

Торквелаге за советом.

— «Конверсос» живут в каждом городе Кастилии, — сказала Узабелла. — Многие из них состоят у меня на службе, и мне приятно то, что они стали добрыми христианами. Мне бы хотелось, чтобы и все остальные мои подданные последовали их примеру.

— Большинство «конверсос», — ответил ей Торквелага, — лишь изображают добрых христиан, а на самом деле они по-прежнему тайно исповедуют иудаизм.

— Такое положение дел меня не устраивает, брат Томас, — нахмурилась Узабелла.

— Ваше величество, не следует ли мне заключить из этого, что вам будет угодно положить конец этому безобразию?

Узабелла задумчиво кивнула.

— А у вас, брат Томас, есть какое-то конкретное предложение? — спросила она.

— Некоторое время назад в Кастилии работала инквизиция, и теперь было бы уместно вновь учредить эту организацию.

Узабелла посмотрела на Фердинанда.

Его глаза блестели, и она догадывалась по чему. В Арагоне инквизиторы не прекращали свою работу. Вероятно, в эту минуту Фердинанд думал о деньгах. При мысли о них он всегда оживлялся.

– Я подумаю об этом, – сказала Узабелла.

– Полагаю, возрождение священного трибунала инквизиции в Кастилии – это дело первостепенной важности, – заявил Фердинанд. – Соответствующее решение нужно принять как можно скорее.

Торквемада сосредоточил внимание на Фердинанде, в котором он сразу увидел своего союзника, и начал говорить о совершаемых иудеями ритуальных убийствах.

Выслушав, Фердинанд воскликнул:

– Это же чудовищное злодейство! Расследование по всем этим делам нужно начать немедленно...

– Но нам потребуются неоспоримые улики против этих людей, – спокойно сказала Узабелла. – Иначе мы не сможем вынести ни какое-либо обвинение.

Фердинанд резко повернулся к ней, и

Цзабелла вновь отпустила блеск в его глазах, на сей раз – совсем недобрый, почти фанатичный. Она нежно улыбнулась ему:

– Мне кажется, король полностью согласен со мной. Не правда ли, дорогая Фердинанд?

– Расследование для того и начинают, чтобы доказать вину подозреваемого, – грожащим от гнева голосом произнес Фердинанд.

– Вот об этом нам и предстоит серьезно подумать...

Совершенно очевидно, что Фердинанд был весьма расположен немедленно начать в приобретенных им владениях репрессии против «новых христиан». По словам Хуана Антонио Льоренте, инквизиция, с которой шла речь, «ему предоставляла легкую возможность увеличить свои сокровища посредством конфискации громадных богатств, принадлежащих евреям, и тем самым получить преимущество перед другими королями». Короче говоря, он не просто не возражал, он был обеими руками за учреждение новой инквизиции.

Единственным

препятствием, которое ему надо было как-то преодолеть, было сомнение его супруги относительно того, что предполагалось создать в ее родной Кастилии.

Изабелла, как утверждает Хуан Антонио Льоренте, «не могла одобрить это средство, которое открыто претивилось мягкости ее характера». Пришлось, как обычно, обращаться к своему духовнику, к которому она бесконечно доверяла. Как пишет Жозеф Лавалле в своей «Истории инквизиций Италии, Испании и Португалии», «Изабелла с детства была очарована Торквемадой и слепо следовала его злобещим советам». И Торквемада быстро дал ей понять, что «при сложившихся обстоятельствах мера эта была для нее религиозным долгом». Ее духовник прекрасно знал, как воздействовать на эту молодую женщину, которой в апреле 1477 года исполнилось лишь 26 лет, ведь он еще задолго до окончания борьбы за престол вынудил Изабеллу пообещать, что, как только она станет королевой, она посвятит себя «искоренению ереси во славу Божию и для

преуспеяния католической веры».

Кардинал Негро Гонсалес де Мендоса, архиепископ Севильи, был человеком, любившим комфорт, не чуждым развлечений и посвятившим немало времени переводам Овидия и Вергилия.

В 1385 году король Хуан I Кастильский даровал Негро Гонсалесу де Мендоса, его жене, обширные земли в благодарность за то, что тот представил ему свою лошадь, когда кастильская армия была разбита португальцами и король вынужден был бежать с поля боя. Отцом кардинала был маркиз Диего Уртадо де Мендоса, поэт, друживший с лучшими испанскими литераторами той эпохи.

В книге Вилльяма Прескотта «История правления Фердинанда и Изабеллы Католической» о кардинале сказано так: «Негро Гонсалес де Мендоса, архиепископ Севильи и кардинал Испании, был прелатом, высокое положение которого в Церкви подкреплялось талантами высшего порядка. Его амбиции вели его, как и многих

священнослужителей того времени, к активным занятиям политикой, к которой он был прекрасно адаптирован благодаря своим знаниям и рассудительности характера».

При этом кардиналу, поэту и сыну поэта, известному своим пристрастием ко всему утонченному и не терпевшему разного рода одержимых, была откровенно мучительна мысль о любом насилии над людьми. Будь его воля, он постарался бы решать все государственные вопросы, не прибегая к угрозам (сам он, чтобы переубедить кого-то или увлечь за собой, обычно полагался на силу примера, на свое обаяние и терпимость в обращении с окружающими).

Безусловно, кардинал восхищался целеустремленностью Изабеллы, ее выдержкой и уверенностью в своей правоте, но при этом считал ее обычной женщиной, не обладавшей свойственной ему сатому широтой взглядов. Исходя из всего этого, Педро Гонсалес де Мендоса собирался, в меру своих возможностей, конечно, воспрепятствовать возрождению

инквизиции в Кастилии. Дело это было непростое, и тут он, безусловно, во многом уступал таким убежденным энтузиастам священного трибунала, как Томас де Торквемада. Мендоса был человеком совершенно иного склада. Однако попытаться что-либо сделать он считал себя обязанным.

Он сказал Узабелле:

— Ваше величество, к этой серьезной проблеме следует отнестись с величайшим вниманием. Поэтому, прежде чем принимать какое-либо решение, мы должны уведомить севильцев о той опасности, какой они себя подвергают, отворачиваясь от истинной веры.

Узабелла ответила:

— Мы подготовим манифест, в котором будут изложены обязанности каждого доброго христианина. Этот документ будет вывешен во всех храмах Севильи и зачитан на всех городских площадях.

— Очень мудрое решение, — одобрительно закивал головой кардинал. — Пусть все вероотступники знают, какие

учения их ждут после смерти.

– Надеюсь, этого будет достаточно, для того чтобы вернуть жителей Севильи на праведный путь, – сказала Изабелла.

– Будет вместе молить Бога о том, чтобы наши усилия не пропали даром, – кивнул кардинал. – Угодно ли будет вашему величеству разработку этого манифеста поручить мне?

– Полагаю, с этой задачей никто не справится лучше вас...

Удовлетворенный состоявшимся разговором, Педро Гонсалес де Мендоса откланялся и вышел из королевских покоев.

Вскоре в Севилье был распространен документ, в заглавии которого стояло – «Катехизис христианина». Под документом – подпись кардинала де Мендоса. Как пишет Хуан Антонио Льоренте, «этот прелат опубликовал его в своем дворце в 1478 году и особенно рекомендовал всем приходским священникам пользоваться им, чтобы часто и с величайшим старанием объяснять неопитам на особых собраниях христианское учение».

Узнав об издании «Катехизиса», Томас де Торквемада расстелся, что случилось с ним нечасто. Однако это был невеселый стех.

— Плохо же кардинал знает порочную человеческую натуру, — тихо сказал он.

Торквемада не сомневался в том, что севильские еретики постараются обмануть кардинала: вновь сделают вид, будто прилежно изучают его манифест, а в душе будут потешаться над ним, по-прежнему тайно совершая свои иудейские ритуалы.

— Такими методами Севилью от скверны не очистишь! — вдруг закричал Торквемада.

Упав на колени, он стал молить Пресвятую Деву Марию дать ему силы и указать, как изгнать ересь не только из Севильи, но и из всего королевства.

Настанет время, говорил он себе, и Господь вразумит королеву Изабеллу и наставит на верный путь кардинала де Мендоса — тот хоть и добрый католик, но все же весьма далек от праведной жизни. Все эти его надушенные платки, ванны с

ароматическими эссенциями, пагубное
увлечение фривольным сочинительством...
«Воздержание ограничивает кругозор и
иссушает душу» – таков был его жизненный
девиз. Этими словами он успокаивал свою
совесть. Да, на смертном одре Педро
Гонсалесу де Мендоса придется просить
прощения за великое множество
проступков и грехов^[17].

Томас де Торквемага двумя руками
дернул воротник своего балахона вниз,
отчего колючая власяница впилась в кожу
на плечах и спине. Боль была
пронизывающей, но он даже не поморщился.
В душе он благодарил Господа за то, что
тот сотворил его таким непохожим на
остальных людей.

И в этот миг ему вдруг показалось,
что он наконец-то окончательно прозрел
Божественную волю. Скоро, очень скоро
пробьет его час! Утонченный кардинал де
Мендоса будет посрамлен, и тогда
покаяние Кастилии будет зависеть
только от него, от Томаса де Торквемага!

После этого Торквемага еще

несколько раз разговаривал с королевой. Ноодаль всегда, замерев, стоял Фердинанд. Он горел желанием основать в Кастилии новую инквизицию. Разумеется, Изабелла знала, что священный трибунал привлекал ее супруга не столько своими прямыми задачами, сколько возможностью пополнить королевскую казну за счет средств осужденных еретиков. Деньги Изабелле были нужны как воздух, однако она слишком заботилась о своей чести и достоинстве, чтобы учреждать инквизицию исключительно ради материальных выгод.

Изабелла колебалась. Она прекрасно понимала, что в этот миг на весах было положено будущее ее страны.

Томас де Торквемага и Альфонсо де Охеда полагали, что только публичными наказаниями можно искоренить ересь, занесенную в их страну таврами и иудеями. В принципе Изабелла была согласна с этими двумя доминиканцами. Раз всем еретикам после смерти грозили вечные огни ада, то много ли значило небольшое огненное крещение, которое они

собирались затеять на земле? Фердинанд тоже был полон решимости. Когда он думал и говорил о деньгах, его глаза блестели точно так же, как у Торквемады или Охеды, беспрестанно обсуждавших вопросы чистоты веры.

Изабелла не забыла, какую клятву она в детстве дала своему духовному наставнику. Едина и неделимая христианская Испания! По сути, это была и ее сокровенная мечта...

Изабелла повернулась к своему духовнику и Фердинанду.

— Мы обратимся к его святейшеству Сиксту IV с просьбой разрешить нам основать в Кастилии инквизицию, — тихо, но решительно сказала она.

Мужчины облегченно вздохнули. Изабелла решила судьбу королевства и участь тысяч своих подданных.

Через пару дней королева поручила своему послу гону Франсиско де Сантильяна ходатайствовать от ее имени перед Римской курией о булле для учреждения в Кастильском королевстве трибунала инквизиции. Торквемада лично

составил обращение к Сиксту IV,
переданное дону Франсиско де Сантильяна.

Эффективный династический союз

Так уж получилось, но именно с этого момента королевская чета изъавила желание во всех важных государственных делах выступать единым фронтом, как одна персона. Отсюда в народе появилась следующая поусказка: «Tanto monta, monta tanto, Isabel como Fernando». Ее можно перевести следующим образом: «Все едино, все одно, Узабелла как Фердинанд». Или, например, так: «Узабелла и Фердинанд равноценны и равнозначны». Очень скоро это изречение стало их символом, а еще больше подчеркивать мысль о единстве и неделимости должна была гербовая символика: пучок стрел, цепь, ярмо и гордиев узел.

На самом деле символ этот ничего не значил, потому что, по сути, формула «Tanto monta, monta tanto» относилась исключительно к Фердинанду, ведь, несмотря ни на что, Узабелла имела более

высокий статус и большее количество прав.

Да, формально Кастилия и Арагон теперь были одним целым. Но в Арагоне зрело противодействие провозглашению наследницей престола женщины. По мнению арагонцев, Фердинанд должен был править объединенным королевством, а Изабелла – просто быть его супругой.

– Нет, – говорили арагонцы, – у нас женщины на троне не будет. Арагон будет поддерживать правителя только мужского пола. Вот если у Изабеллы родится сын, тогда совсем другое дело. Такое никого не обидит. Арагонская корона перейдет к потомкам Фердинанда, и его сын станет законным наследником.

Когда Изабелла забеременела, она лишь молила Бога:

– Сын... Пусть у меня будет сын...

Она прекрасно понимала, что, если ей удастся произвести на свет здорового мальчика, это внесет большие перемены в ее семью и в судьбу ее страны. Мальчик унаследует корону, негативно настроенные арагонцы останутся довольны, и они с

Фердинандом станут сатыми
счастливыми и гордыми родителями в
мире.

— Мальчик... — шептала она. —
Здоровый мальчик, который объединит
Кастилию с Арагоном...

Ей повезло. Через семь лет после
рождения своего первого ребенка — дочери
Изабеллы — королева, наконец, укрепила и
усилила свой политико-супружеский союз
рождением в 1478 году второго ребенка —
сына, названного Хуаном.

Теперь супругам оставалось
осуществить еще одно важное дело:
сократить могущество региональных
грандов и тем самым окончательно
объединить государство.

Отметим, что именно это было
главной целью и Томаса де Торквемада,
который уже давно размышлял над тем,
как прекратить смуты и установить в
государстве строгий порядок. Именно для
этого, собственно, он и организовал
обручение Изабеллы с Фердинандом. По его
мнению, лишь сокращение могущества
региональных грандов, не желавших

усиления центральной королевской власти, могло объединить королевство и утвердить в стране абсолютную монархию — оплот и украшение мирового порядка.

Для решения этой задачи Изабелла, следуя советам Торквемады, атаковала сразу на нескольких фронтах, и начала она с военно-религиозных орденов, которые были настоящими маленькими «государствами в государстве» с сильными замками и своими органами правосудия. Вся эта система, по словам Торквемады, давно нуждалась в реформировании. Духовнику королевы казалось прискорбным, что многие монахи перестали следовать законам, установленным святыми основателями орденов. Многие любили красиво пожить, часто пировали и пили доброе вино, любили женщин и даже, как кардинал Педро Гонсалес де Мендоса, имели незаконных детей. Это лишь увеличивало ярость Торквемады, который никогда не прощал чужих слабостей.

Поддержанная Торквемадой, Изабелла решила так: она назначила своего супруга

начальником над всеми орденами, рассеянными по ее стране. Ненасытная натура Фердинанда, впрочем, нашла там добрую пищу, и эта операция лишь обогатила королевскую казну.

Теперь надо было заняться высшим дворянством, заговоры и аппетиты которого чинили препятствия всем инициативам коронованных супругов. Но, вместо того чтобы напрямую вступить в конфронтацию с крупными феодалами, Изабелла постепенно привела к управлению королевством тех, кого называли «летрадос» (исп. letrados, от letrado – ученый, грамотный), то есть людей, выходцев из городского сословия, имевших университетские дипломы. Чаще всего это были юристы, люди компетентные, ведущие жизнь без роскоши и преданные своей властительнице, которая давала им шанс для карьеры и успеха.

Диего Уртадо де Мендоса, автор книги «Война в Гранаде», дает следующую характеристику этой категории королевских слуг: «Католические короли

отдали заведование юстицией и
правительственную власть в руки
законоведцев, то есть таких людей,
которые занимали срединное положение
между людьми знатными и незнатными и
не могли возбуждать зависти ни у тех, ни
у других. На них лежала обязанность
исполнять законы, быть скромными и
осторожными и говорить правду; в
своем образе жизни они руководствовались
старинными правами; они не делали
никаких визитов, не принимали никаких
подарков, не заводили слишком тесных
связей, не носили роскошной одежды и не
окружали себя роскошной обстановкой».

Постепенно высшая знать потеряла
свою реальную политическую власть, но
заняла формальнопочетное положение при
дворе. При этом руководящая роль в
управлении фактически перешла к новому
служилому дворянству, получавшему это
звание в силу актов «королевской
милости».

Неудивительно, что и кортесы,
игравшие такую важную роль в течение
предшествующего периода, теперь стали

созываться чрезвычайно редко и превратились в некое необязательно-совещательное учреждение при королевской особе. В первые годы Изабелла и Фердинанд еще созывали кортесы, но уже в промежуток времени с 1482 по 1498 год кортесы вообще ни разу не были созваны.

За это время окончательно сформировались органы центрального управления, делавшие созыв кортесов излишним.

Очень скоро королевский совет сосредоточил у себя все нити внутреннего управления и стал выполнять не только функции верховного суда, но и административные. Среди членов этого совета аристократия играла, по сути, только второстепенную роль, руководство же принадлежало «летрадос», являвшимся главными проводниками королевского абсолютизма. Президент этого совета занимал в государстве второе место после монарха. Так называемый государственный совет ведал преимущественно иностранными делами. Наконец, асиенда ^[18]

сосредоточила в своих руках финансовую политику.

Одновременно с этим Изабелла сделала ставку на идальго (hidalgo), принадлежавших к сельскому мелкопоместному дворянству и не имевших больших состояний.

Она отобрала у могущественных грандов королевства ряд несомненных привилегий: закрыла их монетные дворы, сократила пенсии и королевские дотации. Затем, чтобы совсем их нейтрализовать, она начала развивать жизнь блестящего двора, создавая при нем весьма почетные рабочие места, которые закарбалы дворян и позволяли держать их под постоянным пристотром.

В то же время она реорганизовала учреждения страны, еще погруженные в феодальные привычки. Она перестотрела практически все старые законы. Было сделано необходимое преобразование финансовой системы, покончившее с неестественным положением, когда более пятидесяти различных валют циркулировало по королевству, создавая

препятствия торговле и экономическому
росту. Такая же проблема имела место с
мерами и весами. С новыми
постановлениями все было упрощено и
регламентировано. Реформа

распространилась и на таможенные
тарифы, и на налоги с продаж. Что
касается учреждений, был осуществлен
проект их очистки от старых кадров,
погрязших в рутине и коррупции.

Это наведение порядка позволило
Изабелле и Фердинанду сохранить
целостность страны под своим
бдительным взглядом.

Учреждение инквизиции в Кастилии

Историк Жан Севилля пишет: «В 1478 году Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский попросили у папы полномочий для учреждения специальной юрисдикции. Она должна была находиться под покровительством государства, а ее функция должна была состоять в борьбе с ересью, а в особенности с обращенными евреями, которые тайно продолжали практиковать свои иудаистские обряды, за что они считались еретиками. 1 ноября 1478 года булла „sincerae devotionis“ папы Сикста IV даровала это право. Так родилась испанская инквизиция».

В самом деле, 1 ноября 1478 года папа Сикст IV (человек, жадный до денег и такой развратник, что в его пользу, как отмечал испанский историк XIX века Эмилио Кастелар-и-Риполь, можно было сказать, что он «не имел позорных сношений только лишь со своими сыновьями») специальной буллой

уполномочил Изабеллу и Фердинанда учредить инквизицию в Кастилии. Этой буллой инквизиции было дано право арестовывать и судить еретиков, а также конфисковывать их собственность в пользу Короны, папского престола и инквизиторов.

Жан Севилля утверждает: «Фердинанд Арагонский колебался, Изабелла тоже. Они понимали, что евреи представляют собой прекрасных соратников монархии. Если они и пошли на это, то лишь для того, чтобы прекратить волнения и восстановить гражданский мир».

Далее этот историк отмечает: «Основанная в 1478 году инквизиция нацеливалась не только на евреев, но и на мусульман, так как ее задачей был контроль над чистотой веры и нравственности крещеных. Сама эта организация заработала лишь через два года после опубликования папской буллы. В этот промежуток времени, путем пастырских писем, специальных нравоучений и визитов с готовой, Церковь предпринимала усилия для

просвещения новых христиан».

В конечном итоге было решено, что два или, возможно, три священника будут назначены инквизиторами. При этом право назначать и смещать их было доверено не доминиканцам или какому-либо другому папскому институту, а лично Узабелле и Фердинанду.

Папская булла, по словам Хуана Антонио Льоренте, уполномочивала Узабеллу и Фердинанда назначать инквизиторам «архиепископов и епископов или других церковных сановников, известных своей мудростью и добродетелью... в возрасте не моложе сорока лет и безупречного поведения, магистров или бакалавров богословия, докторов или лиценциатов канонического права, после того как они выдержат полный экзамен».

Этим уважаемым людям должно было быть поручено обнаружение еретиков, вероотступников и пособников преступлений против веры. Сикст IV дал им необходимую юрисдикцию и позволил Узабелле и Фердинанду «отзывать их и

назначать на их место других лиц».

Считается, что с этим решением связаны самые жуткие страницы истории, а также нелюбимые по своей жестокости преступления святой инквизиции, получившие наибольший размах именно в годы правления Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского.

Об этом пишут очень многие. И. Р. Тригүлевич, например, в своей книге «Инквизиция» дает нам один из образчиков такого однозначно-осудительного словотворчества: «Испанская инквизиция! Ее мрачная слава затмила злодеяния инквизиторов в других странах. О ее кровавых деяниях написаны сотни книг, о ней пишут и будут писать как испанские историки, так и историки других стран, пытаясь не только рассказать в назидание потомству о ее жестокостях, но и объяснить их, разобраться в сложных корнях, породивших и питавших этот репрессивный орган на службе Церкви и испанской короны.

В Испании инквизиция достигла своей „высшей“ степени развития.

Испанская инквизиция стала примером, эталоном для учреждений такого же рода во всем христианском мире.

И действительно, нигде инквизиция не действовала так жестоко и всеобщее, нигде она не соединяла в себе в такой „совершенной“ форме черты церковной и политической (государственной) полиции, как это было в Испании, управляемой католическими монархами».

Даже утверждается, что в 1478 году Изабелла и Фердинанд воспользовались «этой изощренной машиной террора для укрепления своей единоличной власти и начала политического объединения Испании из небольших разрозненных феодальных королевств в мощную мировую державу».

В принципе так оно и есть. С одной лишь оговоркой, что невозможно строить единое государство без национализма, без кровопролития и без насилия над несогласными. В. И. Ленин любил повторять, что «любое государство есть угнетение», а он, как известно, хорошо знал, о чем говорил. С другой стороны,

государство невозможно без контроля и органов контроля. В этом смысле стоит отметить, что слово «инквизиция» происходит от латинского «inquisitio» (в переводе означает «розыск» или «расследование»). Таким образом, это был всего лишь следственный орган.

Три инквизиции

Первоначально инквизиция вообще была временным учреждением, некоей комиссией, созываемой по конкретным поводам — чаще всего для борьбы с восстаниями еретиков. Лишь в XIII веке инквизиция приняла форму постоянных трибуналов и значительно расширила свои полномочия.

И. Р. Григулевич в своей книге «Инквизиция» пишет: «Заслуживает внимания то обстоятельство, что в Кастилии до второй половины XV века инквизиции как постоянного института вообще не существовало. Это объясняется тем, что Кастилия, возглавлявшая на протяжении столетий борьбу за освобождение Испании от мавританского владычества, не могла позволить себе иметь „священный“ трибунал, кровопускательные операции которого не только не укрепили бы, но значительно ослабили бы ее позиции по отношению к противнику. Что касается Арагона, то

первый инквизиционный трибунал был в нем учрежден епископом Бернардом в Перуде в 1233 году. В 1238 году папа римский официально учредил инквизицию в Арагоне, которая особенно энергично действовала в прилегающих к Франции епархиях».

Историк Жан Севиллья предлагает нам вспомнить хронологию событий. В 1231 году папа Григорий IX разразился против еретиков буллой «Excommunicatus» («Отлучаем»), которая и стала актом основания инквизиции. Тогда, как пишет Жан Севиллья, «борьба с еретиками была официально делегирована тем, кто имел в этом опыт: доминиканцам и францисканцам. После 1240 года инквизиция распространилась по всей Европе, исключая Англию».

Итак, инквизиция была основана почти за двести лет до рождения Томаса де Торквемады.

Жан Севиллья, говоря об инквизиции, утверждает: «На самом деле это слово

покрывает совершенно разные события, продолжительность которых растягивается на шесть веков. Нет одной инквизиции, но есть три инквизиции: средневековая инквизиция, испанская инквизиция и римская инквизиция. С исторической точки зрения их смешение лишено смысла».

Юридически независимая, параллельная гражданскому правосудию средневековая инквизиция была церковным институтом, и ее служители зависели только от папы. При этом булла «Excoḡmunicatus» не устанавливала четкой процедуры ее деятельности. Правила устанавливались эмпирически, разные на разных территориях.

Специально исследовавший этот вопрос Жан Севиллья пишет: «Миссия инквизитора была точечной. Приехав в назначенную ему местность, он начинал с общей проповеди, излагая доктрину Церкви... После этого инквизитор публиковал два указа. Первый, указ веры, обязывал верующих доносить на еретиков и их сообщников... Второй, указ милости,

давал еретикѹ срокъ отъ пятнадцати до тридцати дней для отречения, после котораго его прощали. Когда этотъ срокъ истекалъ, упорствующаго еретика передавали въ трибуналъ инквизиціи.

Вотъ тутъ-то историческая реальность переворачивается съ ногъ на голову и наполняется всевозможными клише. Картина инквизиціи такъ негативна, что создается впечатлѣніе, что это было царство произвола. На самомъ дѣлѣ все было съ точностью до наоборотъ: инквизиція была правосудиемъ методичнымъ, формалистичнымъ и полнымъ бумажной волокиты, часто значительно болѣе упорядоченнымъ, чѣмъ гражданское правосудіе».

Обвиняемый имѣлъ право приглашать свидѣтелей для своей защиты, и отводить составъ суда и даже самаго инквизитора. Первый допросъ обычно проводился въ присутствіи своеобразной «конфликтной комиссіи», состоявшей изъ уважаемыхъ граждан, мнѣніе которыхъ всегда учитывалось. Умена доносчиковъ держались въ тайнѣ (своеобразная защита свидѣтелей).

но в случае лжесвидетельствования лжеца ждало суровое наказание, и все об этом знали.

Поначалу инквизиция даже не имела права выносить приговоры, но это упущение было потом исправлено. Однако буква закона, запрещавшая за духовные преступления назначать телесные наказания, соблюдалась. Инквизиторы приговаривали к различным видам наказания (к временному или пожизненному заключению, к штрафам, к изгнанию, к отлучению от Церкви и т. д.). Лишь много позже было разрешено применять пытку для допросов особо упорствующих подсудимых, но на пытки существовало множество ограничений (по некоторым данным, только два процента арестованных испанской инквизицией подвергались пыткам, и те не длились более пятнадцати минут).

Ни к каким телесным наказаниям или тем более к смертной казни инквизиция приговорить не могла. Это была прерогатива светских властей. По

словам Хуана Антонио Льоренте, «преступления, не имеющие никакого отношения к верованию, не могли сделать совершителей их подозреваемыми в ереси, и расследование этих преступлений принадлежало по праву светским судьям».

В каких же случаях преступника казнили? Только тогда, когда он не признавал за католической церковью права судить его, ибо к ней не принадлежал, или же, если он повторно впал в ересь, уже будучи однажды осужден.

Не следует думать, что на кострах сжигались только такие люди, как Джордано Бруно или Ян Гус. Святая инквизиция преследовала не только за сознательное отклонение от догматов веры, но и за колдовство и ворожбу, причём около 4/5 приговоренных за последнее были женщинами.

Легко, живя в XXJ веке, называть это трагобесием. Когда люди не верят в колдовство и порчу, «охота на ведьм» кажется им несусветной дикостью. Людям Средневековья было гораздо сложнее: лекарств почти не было, и эпидемии

неведомых болезней уничтожали их тысячами. Тут невольно становишься суеверным. К тому же молва быстро распространяла секреты, выползшие за пределы колдовских кухонь. Разного рода ведьмы, хвастаясь своим искусством, сами убедили народ в своей реальности и в своем могуществе — и последовал ответ, последовала реакция общественной самозащиты...

Сжигали, конечно же, не только в Испании. Например, когда в 1411 году в Пскове началась эпидемия чумы, сразу же по обвинению в наущении болезни были сожжены двенадцать женщин. Просто люди искренне боялись нечисти и верили в реальность вреда от общения с ней. «Суд Линча» в таких случаях вспыхивал сам собой, и происходило это задолго до рождения пресловутого американского судьи Чарльза Линча. Инквизиторы же вырывали обвиняемого из рук озверевшей толпы и предлагали хоть какую-то формальную процедуру расследования, в которой, кстати сказать, можно было и оправдаться. И многие оправдывались...

Да, в эпоху Средневековья полыхали костры инквизиции, но, например, сторонников черной магии преследовали и гораздо позднее XV века.

Церковный собор в Валенсии, проходивший аж в 1248 году, отнес разного рода ведьм и колдунов к еретикам. В Средние века ересь была страшным уголовным преступлением.

Профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Купраев по этому поводу пишет: «На самом деле „нечистоплотно“ обвинять целую эпоху в истории человечества, никак не пытаясь понять мотивы действий тех людей...

Да, сжигать людей – мерзко. „Еретика убивать не должно“, – говорит святой Иоанн Златоуст... Но историк тем и отличается от моралиста, что он должен понимать логику событий и мотивы лиц, творивших нашу историю, а не просто выставять им оценки за поведение...

Если же моралист осуждает одних преступников (инквизиторов) ради того, чтобы безусловно обелить другую группу

преступников (колдунов), то здесь возникает вопрос – а есть ли у этого моралиста вообще нравственное право на то, чтобы считаться моралистом...

Так что вовсе не с наукой воевала инквизиция, а с магическим суеверием. Оттого и рождение науки пришлось на пору расцвета инквизиции».

А, скажем, некий Белрато Агости, бедный сапожник, в 1382 году в Италии был отправлен на костер за высказанные им богохульные слова во время азартной игры в карты. В самом деле, «нигде инквизиция не действовала так жестоко», особенно если сравнивать ее деятельность с репрессиями сталинского НКВД и нацистского гестапо...

Генри Чарлз Ли в своей «Истории инквизиции в Средние века» утверждает: «Стоит отметить, что во фрагментах инквизиторских процессов, попавших к нам в руки, упоминания пыток встречаются редко».

Жан Севиллья пишет: «Пытка? Все виды правосудия той эпохи прибегали к

ней. Но руководство Николаса Эймерика^[19] отводит ей лишь самые экстремальные случаи и ставит под сомнение ее полезность: „Вопрос этот обманчив и неэффективен“. Костер? Эмманюэль Ле Руа Лядюри^[20] отмечает, что инквизиция редко прибегала к нему. Здесь тоже миф не выдерживает никакого экзамена... Исключительные меры наказания были редки. Жертвы в этом случае передавались в руки светской власти, которая практиковала костры. Эта казнь вела к смерти от удушья. Звучит ужасно, но смерть через повешение или через отрубание головы, что практиковалось в Европе до XX века, или смерть через инъекцию, применяемая в Соединенных Штатах, разве они более мягкие?»

Хуан Антонио Льоренте рассказывает: «Хотя папы, учреждая инквизицию, предполагали только розыск и наказание за преступление ереси (причем отступничество от веры рассматривалось как частный случай), однако с самого ее

начала инквизиторам рекомендовалось старательно преследовать христиан просто подозреваемых, потому что это было единственным средством, которое могло привести к открытию настоящих еретиков. Плохая репутация в этом отношении служила достаточным прецедентом для обоснования дознания и обыкновенно давала повод к доносам».

Пока не существовало оформленного законодательства, четко регулирующего общественный договор граждан и властей, весь авторитет монархов и сеньоров держался на религии. Церковь объявляла королевскую власть данной от Бога. Она призывала народ именоваться Богом, беспрекословно подчиняться сеньору. Римский папа, отлучая монарха от Церкви, тем самым освобождал его подданных от присяги и необходимости повиноваться. В судах клялись на Библии, а религия была чем-то вроде конституции.

Хуан Антонио Льоренте отмечает: «Евреи и мавры также считались подсудными святой инквизиции, когда они

склоняли католиков своими словами или сочинениями принимать их веру. На самом деле они не были подчинены законам Церкви, потому что не получили крещения; но папы пришли к убеждению, что они становились, так сказать, под каноническую юрисдикцию самим актом своего преступления».

Впадение в ересь и склонение к ереси разрушало устойчивые связи. Стенив веру, человек, по сути, отказывался от всех ранее данных клятв. Он переставал быть подчиненным своего сеньора и мог жить вне общего закона. Но тогда, соответственно, и сеньор был вправе обойтись с ним как с человеком «вне закона», что, собственно, и делалось.

Еретики, в свою очередь, тоже не отличались стирением. В Средние века мир не ведал полутонов и нейтралитета. Любой компромисс на деле оказывался уловкой, тактическим ходом, но вовсе не решением, устраивающим обе стороны. У нас надо отметить, что в большинстве случаев именно еретики выступали зачинщиками спут. Пользуясь

невежеством основной массы людей, они страстно обличали погрязших в грехах правителей и церковников, которые, к слову, действительно были совсем не святыми. И одними обличениями дело не ограничивалось: вожди еретиков призывали к непокорению грешникам и лицемерам, уверяя, будто их власть идет от дьявола, а вовсе не от Бога...

В Средние века это был страшный аргумент. Потому-то светские власти и не щадили еретиков, ведь каждый из них мог нести в себе зерно восстания – и это тогда, когда и так все было плохо, когда каждый год имели место то неурожай, то голод, то эпидемия, то война.

Жан Севиллья пишет: «Если судить инквизицию по интеллектуальным и моральным критериям, имеющим хождение в XXI веке, очевидно, что это система возмутительная. Но в Средние века это не возмущало никого. Не нужно забывать отправной точки этого дела: осуждение, вызванное еретиками, возмущение их деятельностью и их выступлениями против Церкви. Как это

ни кажется удивительным, но люди XIII века рассматривали инквизицию как избавление. Средневековая вера не была индивидуальной верой: общество формировало органичное объединение, в котором все оценивалось в коллективных терминах. Отрицание веры, ее предательство или фальсификация представляли собой преступления, виновные в которых должны были отвечать перед обществом».

Режин Пернэ в своей книге «Чтобы закончить со Средневековьем» утверждает, что инквизиция – это «защитная реакция общества, для которого вера была такой же важной составляющей, как физическое здоровье сегодня».

Жан Севиллья делает вывод: «С точки зрения судебной методики инквизиция представляла собой прогресс. Там, где ересь провоцировала неконтролируемые реакции – народные возмущения или скорый суд, – инквизиция ввела процедуру, основанную на расследовании, на контроле правдивости

фактов, на поиске доказательств и признаний, опирающуюся на судей, которые противостояли страстям общественного мнения. Именно инквизиции было обязано своим появлением жюри, благодаря которому приговор исходил от совещания судей, а не от мнения одного судьи».

При этом, естественно, в своих истоках инквизиция была продуктом грубого, бесчувственного и невежественного мира. И нет ничего удивительного в том, что и сама она именно поэтому была грубой, бесчувственной и невежественной. Не более, однако, чем прочие институты того времени, так что ничья «мрачная слава» ничего особо не «затмила» и затмить не могла.

Итак, в христианских королевствах Пиренейского полуострова инквизиция была официально учреждена римской папой в первой половине XIII века, но сначала только в Арагоне. Поначалу она действовала бессистемно и неэффективно, а к началу XV века и вовсе практически бездействовала. В других местах — в

частности, в Кастилии, Леоне и Португалии — инквизиция вообще появилась только к 1376 году, то есть спустя полтора столетия после ее прихода, например, во Францию.

К XV веку так называемая старая инквизиция уже практически изжила себя, и причиной тут был вовсе не рост терпимости к инакомыслию. Просто светская власть уже значительно окрепла и не нуждалась более в серьезной поддержке со стороны Церкви. Вот тогда-то и состоялось второе рождение инквизиции. Новой инквизиции на Пиренейском полуострове, на землях королевы Изабеллы и короля Фердинанда...

При этом, и даже Хуан Антонио Льоренте особо подчеркивает это, «испанская инквизиция не являлась новшеством королей Кастилии Фердинанда и Изабеллы, а возникла в результате расширения и переустройства старого управления надзора за чистотой веры, известного еще с XIII века».

Жан Севиллья дополняет эту мысль сравнением: «Во Франции конец

инквизиции был связан со становлением государства. В Испании все было наоборот».

Мысль о том, что инквизиция существовала не пятнадцать-двадцать лет, а шесть веков, что было три совершенно разных инквизиции (средневековая, испанская и римская), смешение которых недопустимо, и что «нечистоплотно» обвинять людей XV века с морально-этических позиций людей XX века, чрезвычайно важна. Мы еще не раз вернемся к ней при оценке деятельности Томаса де Торквемада.

Объединение Кастилии и Арагона

Для укрепления порядка в стране Изабелла создала нечто вроде специальной полиции, поддерживаемой каждым городом или деревней. Она хотела очистить страну от захлестнувшей ее преступности, которая всегда растет в кризисных условиях. И она быстро добилась этого, но какой ценой! За малейшую кражу отрубали руку или казнили. И трупы оставались висеть на деревьях в наизгнание другим. Королева не упускала случая председательствовать на процессах то здесь, то там.

В это время королева Изабелла говорила, что для нее приятнее всего четыре вещи: воин на поле битвы, епископ в соборе, красивая дама в постели и вор на виселице.

Но все это она делала уже одна, так как Фердинанд в это время находился в Барселоне, где 19 января 1479 года скончался его отец – Хуан II Арагонский –

и нужно было позаботиться о получении причитавшегося ему трона.

В том же 1479 году Фердинанд стал королем, а Изабелла – королевой Арагона. С этого момента обе короны объединились в двоякую монархию.

Историк Кристиан Дюверже дает следующие пояснения: «Фердинанд... занял трон Арагона. Две короны соединились. Помимо собственно Арагона с центром в Сарагосе его Короне принадлежали Каталония – бывшее королевство Валенсия, Балеарские острова и Сицилия. Эти территории с миллионным населением присоединились к Кастилии, в которой в 1479 году проживало четыре миллиона человек, не считая жителей Наварры и Гранады. Новое образование на карте Европы, ставшее Испанией Фердинанда и Изабеллы, пока еще мало что представляло по сравнению с Францией с ее тринадцатью или четырнадцатью миллионами жителей. Но Испания могла соперничать с Северной Италией (5,5-6 миллионов человек), Англией (3 миллиона) или Нидерландами

(2,5-3 миллиона). Германия того времени демографически была незначительнее Португалии (около одного миллиона жителей).

Но хотя на бумаге Испания 1479 года, ставшая плодом удачного брака, наследства и победы в гражданской войне, обрела свое существование, она все еще была скорее абстракцией, нежели реальностью. И в Арагоне, и в Кастилии сохранялось собственное внутреннее устройство, и в пределах этих „границ“ каждая провинция стремилась подчеркнуть свою самобытность. В Кастилии сосуществовали Галисия, Астурия, Страна Басков, Леон, Эстремадура, Андалусия, Кордова, Хаэн, Мурсия и Толедо, которые составляли вокруг Бургоса, столицы Старой Кастилии, весьма неустойчивое образование. В Арагоне дела обстояли не лучше: каталонцы ревностно культивировали свой партикуляризм, тогда как в Валенсии, отличавшейся сильной концентрацией морисков^[21], витал

дух мятежа. К этому надо еще добавить независимую позицию и военную силу дворян, засевавших в своих поместьях, экономическую мощь духовно-рыцарских орденов, вольности, дарованные городам, университетские свободы и безнаказанность разбойников с большой дороги... Что же еще осталось от королевской власти?»

У М. В. Барро в очерке о Торквемаде читается: «Два самых больших королевства Испании соединились, таким образом, в одно политическое целое, хотя первое время номинально».

Этот же автор совершенно справедливо отмечает, что Томас де Торквемада — «главный виновник этой унии».

Тем не менее оба королевства еще определенное время продолжали сохранять автономию.

Историк Жан Севиллья по этому поводу пишет: «Кастилия и Арагон сохранили свои институты власти, свои деньги и свои языки (кастильский потом возьмет верх), и их короны оставались

раздельными до XVIII века. Личная уния
Изабеллы и Фердинанда, однако, стала
пусковым механизмом для образования
Испании. Именно Католические короли —
это название было им даровано папой
Александром VI — дали стране усиление
государства, внутренний мир, умиротворение
гвардии и новое социальное равновесие.
Это решающие вещи, без которых
продолжение испанской истории не могло
бы быть написано».

Таким образом, сам по себе брак
между Изабеллой и Фердинандом еще не
был рождением национального государства
Испании. И все же именно с этих пор
большая часть Пиренейского полуострова
оказалась объединена в двойную монархию с
двумя равноправными правителями (в 1474
году Изабелла и Фердинанд стали
королевой и королем Кастилии, а с 1479
года — королевой и королем Арагона и
Валенсии, а также соответственно
графиней и графом Барселонскими).

В этой двойной монархии Кастилия
была лидером: в ней проживало намного
больше жителей, на Кастилию

приходилось 65 процентов совместной территории, да и жила королевская чета почти исключительно в Кастилии (для управления арагонскими делами назначался вице-король или регент, а с 1494 года также особый совет при дворе).

Глава третья

Испанская инквизиция

Учреждение новой инквизиции в Севилье

Семнадцатого сентября 1480 года Изабелла и Фердинанд, будучи в Медина-дель-Кампо, назначили в качестве первых инквизиторов двух доминиканцев — Мигеля де Морильо и Хуана де Сан-Мартина (первый из них до этого был инквизитором в арагонской провинции Руссильон). Они начали исполнять свои обязанности именно в Севилье, где тарранская община не показывала должной лояльности по отношению к властям и угрожала восстанием. С этого момента инквизиция в двойной монархии начала быстро превращаться в мощную организацию с жесткой, почти военной дисциплиной. Очень скоро в каждой провинции были созданы трибуналы во главе с инквизиторами.

Активное участие в этом принимали Томас де Торквемада и Альфонсо де Охеда, приор доминиканского монастыря в Севилье. Как мы уже знаем, Альфонсо де

Охеда встретился с Узабеллой и Фердинандом и изложил перед ними проблему севильских тарранов, попросив принять соответствующие меры. В конечном итоге королевская пара обратилась к папе Сиксту IV с просьбой разрешить установление в их королевстве института инквизиции.

Мигель де Морильо и Хуан де Сан-Мартин приступили к активным действиям с 1 января 1481 года.

Инквизиционный трибунал сначала состоял из двух вышеназванных монахов-доминиканцев и их советника, которым стал Хуан Руйс де Медина, аббат церкви в Медина-дель-Рио-Секо, советник королевы, который позднее достиг званий епископа и посла в Риме. В качестве прокурора трибуналу был придан Хуан Лопес дель Барко, капеллан Узабеллы.

Эта организация скоро оказалась недостаточной, и взамен была создана целая система инквизиционных учреждений: центральный совет и четыре местных трибунала, число которых потом было увеличено до десяти.

Девятого октября 1480 года от имени
Изабеллы и Фердинанда всем
губернаторам был послан приказ снабдить
инквизиторов и их помощников дорожными
вещами и провизией, в которых они будут
нуждаться при своем проезде в Севилью.
Однако население Кастилии с таким
недовольством встретило учреждение
инквизиции, что, когда инквизиторы
прибыли в Севилью, им практически
ничего не удалось получить из того, что
было нужно для исполнения своих
обязанностей. В результате Изабелла и
Фердинанд, которые находились еще в
Медина-дель-Кампо, 27 декабря издали
новый приказ, чтобы власти Севильи и
епископы Кагиса помогли Мигелю де
Морильо и Хуану де Сан-Мартину
вступить в должность. После этого почти
все «новые христиане», как говорится «от
греха подальше», переселились с земель,
непосредственно принадлежавших
Изабелле Кастильской, на земли герцога
де Медина-Сидония, маркиза де Кагис,
графа д'Аркоса и некоторых других
частных владельцев. Все они были

объявлены новым трибуналом преступниками, уличенными в ереси, как пишет Хуан Антонио Льоренте, «в силу факта их желания безством избавиться от наблюдения и власти инквизиции».

Следует отметить, что, став королевой, Изабелла получила разоренную страну, где люди давно даже слово такое – «закон» – позабыли. Чтобы покончить с этим, молодой королеве пришлось и хитрить, и изворачиваться, и вступать в самые неожиданные союзы, и даже воевать. Изабелла приняла новый уголовный кодекс, крайне жестокий, и поручила эрмандагам [\[22\]](#) следить за его исполнением.

Результат превзошел все ожидания: в считанные месяцы прекратилась чеканка фальшивых монет, разбойников, нападавших на купцов, уничтожили, уровень городской преступности резко упал. Опираясь на эрмандагов, Изабелла одного за другим подчинила всех своевольных грандов, приказала скрыть более полусотни замков, запретила

строительство новых частных укреплений, вернула в казну все пожалования, сделанные ее сводным братом, наладила поступление налогов в центральную казну. Кастилия — страна замков (исп. castillos — замок) — перестала быть страной, где каждый замок был словно отдельным княжеством.

Но чем больше проблем решал «меч правосудия» деятельной Изабеллы, тем яснее за нити виделась самая главная — религиозная раздробленность всех королевств Пиренейского полуострова. Королеве именно потому так долго доказывали необходимость введения в стране инквизиционных трибуналов, что положение с марранами становилось просто невыносимым. Им принадлежала львиная доля богатств в стране, они занимали высшие посты (марранами были канцлер Луис де Сантанел, главный казначей Габриель Санчес, королевский камергер Хуан Кабреро и многие другие). Они перемешались со знатью, породнившись со всеми крупными аристократическими семьями, и, что

крайне неприятно, позволяли себе слишком много религиозных вольностей, уверовав в свою полную безнаказанность.

Марранская знать не признавала центральную власть. Ей не нужны были контроль, налогообложение, закон и порядок. Защитить же себя и свои интересы она могла легко, благодаря материальным средствам для этого у нее было предостаточно, а подчиняться ради абстрактного блага государства она не хотела.

Была и еще одна заинтересованная сторона, которая старалась держаться в тени, — это генуэзские банкиры. Пиренейский полуостров казался им перспективным рынком, но чтобы завладеть им, нужно было вытеснить всех возможных конкурентов. Оказав финансовую поддержку Изабелле и Фердинанду (а они, как известно, имели счета и одалживали деньги в банке Святого Георгия, основанном в Генуе в 1407 году), генуэзцы доказали, что без марранов можно обойтись. А ведь марранов зачастую терпели лишь потому, что они

служили «кошельком», выдавая судьбы налево и направо. Теперь, когда генуэзцы предложили более интересные условия, судьба марранов была решена.

Томас де Торквемада без устали убеждал Изабеллу и Фердинанда, что благочестие народа падает из-за соседства с иноверцами. Сам он был искренне убежден в том, что прежде всего нужно разобраться с врагами среди самих христиан. Он видел, что многие крещеные мавры и евреи продолжали тайно исповедовать веру своих отцов. С ними-то и должен был бороться инквизиционный трибунал.

Принято считать, что в этом деле Торквемада отличился страшной жестокостью, что вместе с бесконечным доверием, которое питали к нему король и королева, быстро превратило его в настоящего диктатора, перед которым трепетали все вокруг.

Изначально инквизиция, созданная Изабеллой и Фердинандом, не предназначалась для обращения в католичество исключительно евреев.

продолжавших тайно поклоняться своему богу. Однако местная знать всегда кичилась чистотой своего происхождения и ортодоксальностью веры, а посетившая Изабелла и Фердинанд легко дали себя убедить в том, что именно евреи представляют угрозу для Церкви и государства. Помимо этого, инквизиция использовалась с целью раздробления оппозиции. Изабелла и Фердинанд смогли применить инквизицию в качестве оружия против дерзких дворян и таким образом установить централизованную и абсолютную монархию. Также они использовали ее для осуществления контроля над местным духовенством.

Торквемада сыграл огромную роль в убеждении королевы Изабеллы в том, что на подвластных ей землях необходимо ввести инквизицию. В результате королева очень скоро именно ему предоставила все права для вершения справедливого священного суда.

Первые казни еретиков

Итак, как мы уже говорили, в 1480 году в Севилье был учрежден первый трибунал инквизиции, а в начале января 1481 года он, удобно обосновавшись в местном доминиканском монастыре Сан-Пабло, приступил к работе.

Прежде всего был обнародован приказ, касавшийся эмиграции «новых христиан». Герцогу де Медина-Сидония, маркизу де Кагис, графу д'Аркоса и прочим грандам Кастильского королевства повелевалось схватить безлецов в двухнедельный срок и доставить их под конвоем в Севилью. Тем же, кто не выполнит этого приказа, грозили как пособникам еретиков отлучением от Церкви, а также конфискацией имущества, потерей должностей и владетельных прав.

Хуан Антонио Льоренте рассказывает: «Число пленников вскоре сделалось столь значительным, что монастырь, назначенный инквизитором, не мог более их вместить, и трибунал

устроился в замке Триана, расположенном в предместье Севильи».

К тому времени среди «новых христиан» уже распространилась паника. Многие стали менять фамилии и места жительства, скрываясь у друзей или родственников. Другие спешно ликвидировали дела и спасались бегством за границу — во Францию, в Португалию и даже в Африку. Многие бежали в Рим и там искали правосудия.

Шестого января 1481 года состоялось первое аутодафе — живыми на костре были сожжены шесть человек.

Аутодафе — это слово не испанское, а португальское. В переводе «auto da fé» — это «акт веры». Под этим термином подразумевается торжественная церемония оглашения приговоров суда инквизиции лицам, уличенным в духовных преступлениях. Обычно ей предшествовали чтение кратко сформулированных обвинений, изложенных на местном языке, и вызов обвиняемых для того, чтобы те выслушали вердикт. Рано утром произносилась краткая проповедь или

увещание (наставление). Затем представители светской власти давали присягу, обещая, что они будут подчиняться инквизитору во всем, что касается искоренения ереси. Далее обыкновенно оглашались так называемые декреты милости, смягчавшие или отсрочивавшие наказания. Затем вновь перечислялись заблуждения виновных и оглашались наказания, вплоть до самых суровых, включавших пожизненное тюремное заключение или смертную казнь. Наконец, осужденные передавались в руки гражданских властей. Тех же, чье наказание не предусматривало лишения свободы, отпускали. А осужденных вели в тюрьму или на эшафот.

Термином «аутодафе» обозначали также акт исполнения приговора суда инквизиции, в частности, сожжение еретика на костре.

Как правило, массовые аутодафе проводились с большой пышностью и на них обязательно присутствовал или местный сеньор, или сам монарх.

Марселей Дефурно отмечает, что

«аутодафе было действительно торжественной церемонией, обычно объединявшейся с празднованием великого события». При этом он пишет: «Следует подчеркнуть, что аутодафе было достаточно редкой церемонией».

Первое аутодафе, как мы уже говорили, состоялось в Севилье в начале января. В том же месяце в Севилье имел место второе, не менее помпезное сожжение, во время которого огню было предано три человека.

Третье аутодафе состоялось в Севилье 26 марта того же года. На этот раз в пламени погибло семнадцать еретиков.

А уже к концу года первый священный трибунал мог похвастаться преданием казни 298 еретиков. Результатом этого стала не только страшная паника, но и целый ряд жалоб на действия трибунала, обращенных к римскому папе. Главным образом жалобы шли со стороны епископов.

Арестованных доставляли со всех концов Кастилии в Севилью, где их помещали в монастырях и в замке Триана.

переоборудованном под тюрьму.

Шли все более и более массовые казни. Тех из арестованных, кто отказывался признать себя виновным, отлучали от Церкви и посылали на костер. Те же, кто признавался во всем, отбывались поркой, тюремным заключением, конфискацией имущества и лишением всех прав.

Историк С. Г. Лозинский в своей «Истории папства» пишет: «Этот аутодафе, являвшееся огненным апофеозом религии и святой Церкви, было устроено по всем предписаниям папской буллы. Во главе процессии шел доминиканский приор Охеда, увидевший, наконец, осуществление своих давнишних мечтаний. В первый и в последний раз Охеда присутствовал на аутодафе. Через несколько дней он умер от чумы, унесшей в Севилье пятнадцать тысяч человек».

Вскоре, в связи с тем что деятельность трибунала инквизиции стала принимать регулярный характер, в Севилье было решено построить специальное сооружение для сожжения

еретиков. Сооружение это было названо «El Quemadero» (Кемагеро). Собственно, это было даже не сооружение, а целая площадь (и с n . quemadero — площадь огня), оборудованная для сожжения осужденных.

С. Г. Лозинский отмечает, что «площадь огня» была украшена статуями пророков, сделанными «на средства какого-то „великодушного“ жертвователя». Эти большие каменные статуи пророков использовались для сожжения: по одному осужденным, осужденных затуровывали в эти изваяния заживо, и они там погибали, поджариваясь от пламени общего костра, но другим — осужденных только привязывали к статуям, а не затуровывали внутри них.

Что же касается «„великодушного“ жертвователя», то им оказался ревностный католик Меса. Однако вскоре вскрылось, что сам Меса — «новый христианин», и он был немедленно арестован. В результате Меса был сожжен на том же Кемагеро, которое, не жалея средств, он так великолепно украсил статуями пророков.

Нравится это кому-то или нет, но Торквемада ничего не изобретал, и инквизицию создал, конечно же, не он. Инквизиция не была его детищем и существовала задолго до него. Первый указ против еретиков, например, был издан королем Арагона Педро II аж в 1197 году. Во Франции инквизиция начала работать в 1208 году, а в 1236 году появилось брeve (письменное послание) папы Григория IX, относящееся к введению инквизиции в Кастилии. В Барселоне в 1269 году по приговору местной инквизиции была лишена чести память виконта де Кастельбона и его дочери Эрмензинды, графини де Фүа (для этого их тела были вырыты из земли). В 1292 году появился на свет указ короля Арагона Хауме II, изгонявший еретиков из его государства.

Соответственно, и все методы, которые потом, при Торквемаде, использовались инквизицией, были опробованы на практике задолго до его возвышения. Даже пресловутую Келадеро изобрел не он, как утверждают некоторые, а севильский губернатор, которому не

хотелось возиться с отдельным костром для каждого грешника. На этот факт обращает внимание даже Хуан Антонио Льоренте, крайне негативно относящийся к Торквемаде. Он, в частности, пишет: «Большое количество осужденных, подвергавшихся сожжению, вынудило префекта Севильи построить на поле, называемом Таблага, постоянный каменный эшафот, который сохранился до наших дней под именем Кемагеро».

Таким образом (и об этом не стоит забывать), инквизиция на территории Пиренейского полуострова была учреждена еще в XIII веке, и до Торквемады она была не менее сурова к разного рода еретикам, отошедшим от веры и закоренелым в отступничестве.

Тем не менее М. В. Барро в своей очерке о Торквемаде утверждает: «Торквемаде справедливо приписывается открытие новой эры в инквизиционной практике. Торквемада довел эту практику до жестокости, из орудия охраны религиозных догматов сделал ее орудием религиозной нивелировки и первый придал

инквизиционному трибуналу
политический характер».

Довел... Пригнал... Даже если это и так, Торкветага аскетически служил высшим силам, которые не подчиняются ни королю, ни королеве, никому из живущих на земле. Огромнейшая власть неожиданно сама пришла к нему в руки, и он вобрал в себя всю строгость, на какую только была способна инквизиция. Он встал в один ряд с немногими избранными, чьи действия и поступки диктовались, как ему казалось, лишь небесными правилами, чья служба состояла в том, чтобы карать еретиков во имя Господа. В этом по крайней мере он был совершенно искренен.

Булла папы Сикста IV

В самом начале 1482 года папа Сикст IV написал Изабелле и Фердинанду жалобу на то, что инквизиторы Мигель де Морильо и Хуан де Сан-Мартин не следуют правилам закона, объявляя еретиками тех, кто или на самом деле не был даже в мыслях.

Хуан Антонио Льоренте по этому поводу пишет: «Его святейшество прибавлял, что он отпустил бы их от должности, если бы не имел уважения к королевскому декрету, который их поставил на место».

А 11 февраля 1482 года Сикст IV пошел еще дальше и назначил инквизиторами на территорию подконтрольную Изабелле и Фердинанду, еще семь монахов-доминиканцев, которым тут же были отправлены мандаты с предписанием немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. Среди вновь назначенных был и Томас де Торквемада, приор монастыря Санта-Крус

и исповедник королевской чести.

Как видим, Торквемада поначалу был «одним из» (были еще и Педро де Оканья, и Хуан де Сан-Доминго, и Родриго де Сегарра, и другие), но именно ему, как принято о нем говорить, «суждено было войти в историю и стать олицетворением испанской инквизиции во все самые мрачные проявления».

Хуан Антонио Льоренте по этому поводу пишет: «Для того чтобы судить, насколько учреждение инквизиции должно было не нравиться подданным Фердинанда, достаточно видеть оказанное ей сопротивление и даже преступления, совершенные с целью устранить ее в этом королевстве».

Хуан Антонио Льоренте. Для этого человека уже встречалось и встретится нам еще не раз, поэтому хотелось бы, пользуясь случаем, сказать несколько слов об этом авторе.

Он родился 30 марта 1756 года в Ринкон-дель-Сото. В 1778 году поступил в Валенсийский университет, а с 1789 года стал секретарем инквизиции в Магриде.

В 1808 году он присоединился к правительству короля Жозефа Бонапарта и добился упразднения инквизиции. В 1822 году он опубликовал двухтомный трактат «Политические портреты пап от святого Петра до Пия VII», за что был выслан из Франции. Умер Хуан Антонио Льоренте 5 февраля 1823 года в Мадриде.

Особую известность этот человек получил благодаря своей двухтомной книге «Критическая история испанской инквизиции», опубликованной в 1815-1817 годах. Фактически эта книга стала основным «источником» для многих последующих исследований, посвященных испанской инквизиции. Но тут важно отметить следующее: написал эту книгу дважды предатель – бывший инквизитор, подавшийся в еретики, и испанец, перешедший на сторону завоевателей-французов. Именно такой человек, в частности, дал «точную» оценку жертв инквизиции в Испании, именно он положил начало «черной легенде» испанской инквизиции.

Карл Йозеф фон Хефеле в своей книге

о кардинале Хименесе пишет о Хуане
Антонио Льоренте следующим образом:
«Спросим себя: человек, который
оплачивался тираническим
правительством, чтобы, искажая
историю, заглушить древнюю и святую
свободу отважного народа; человек,
показавший себя предателем родины и
продавшийся душой и телом иностранному
угнетателю; священник, ставший
инструментом насилия и разграбления по
отношению к Церкви... — имеет ли право
такой человек на наше доверие?
Заслуживает такой священник нашей
веры? Без сомнения, никто не остелится
дать утвердительный ответ».

В самом деле, книга Хуана Антонио
Льоренте получилась не просто
тенденциозной, она пропитана ненавистью
к инквизиции. Как говорится, это его
личное дело, а на вкус и цвет товарищей
нет. Тем не менее, если читать ее, не
обращая внимания на субъективные оценки
автора, — это весьма ценный документ.
Факты, приводимые автором (а они, как
известно, вещь упрямая), если их

рассматривать хладнокровно и
беспристрастно, очень интересны и
рисуют нам яркую картину
происходившего.

А происходило следующее. Испанская
инквизиция, как мы уже говорили, была
учреждена задолго до Торквемады — в
XIII веке. Конечно, до него она была не
столь сурова, но она и не бездействовала.

Все тот же Хуан Антонио Льоренте
пишет: «Я видел в 1813 году в Сарагосе
несколько описаний процессов того
времени, особенно одного, относящегося к
1482 году, против Франсиско де Клементе,
протонотария королевства. Мисер
Маненте, ассессор инквизиторов Уэски,
Барбастро и Лериды, приводит несколько
других в своей книге „Генеалогия новых
христиан Арагона“, написанной в 1507 году.
Можно было предполагать, что арагонцы,
привыкшие к этому трибуналу с давних
пор, без труда подчинятся его реформе и
новым уставам. Однако события показали
обратное.

Конфискация имущества не
производилась благодаря привилегиям.

которыми пользовалось население Арагона. Тайна, облакавшая имена и показания свидетелей, не была всеобщей, кроме случаев, когда на основании буллы папы Урбана IV от 28 июля 1262 года и угрожала смертная казнь. Эти условия давали возможность в достаточной степени предчувствовать тот ужас, который должно было внушить учреждение новых уставов».

Сказанное нуждается в пояснениях и дополнениях.

Термин «инквизиция», как мы уже говорили, происходит от латинского слова «inquisitio», производного от глагола «inquirere» (искать, расследовать). Соответственно, оно переводится как «розыск», «расследование».

Термин этот был широко распространен еще до возникновения средневековых церковных учреждений с таким названием, и означал он выяснение обстоятельств дела, расследование, что обычно достигалось путем допросов, часто с применением насильственных методов.

Термин «инквизиция» существовал

издавна, но до ХІІІІ века он не имел специального значения, и Церковь еще не пользовалась им для означения той сферы своей деятельности, которая имела целью преследование еретиков.

Как известно, раннее христианство страдало как от внешних врагов, так и от внутренних раздоров, опиравшихся на всевозможные теологические разногласия: различные толкования священных текстов, признание или непризнание тех или иных текстов священными и т. д. Уже начиная со ІІ века христианские авторитеты (епископы) стали обличать некоторых богословов как еретиков и определять доктрину христианства более ясно, стараясь избежать ошибок и разночтений.

Таким образом, зародыши инквизиции можно найти еще в первые века христианства, однако в то время епископский суд был прост и не отличался жестокостью. Самым сильным наказанием того времени было отлучение от Церкви.

Со времени признания христианства государственной религией Римской

империи к церковным наказаниям присоединились и гражданские. В 316 году император Константин Великий издал эдикт, присуждавший донатистов (последователей раскола в Северной Африке, названных так по имени епископа Карфагенского Доната) к конфискации имущества. Угроза смертной казны впервые была произнесена последним императором единой Римской империи Феодосием Великим в 382 году по отношению к манихеям (последователям составленного из вавилонско-халдейских, иудейских и иранских представлений о вере религиозного учения перса Мани), а через три года она была приведена в исполнение над Присциллианом и его сторонниками (в 385 году светский суд признал Присциллиана виновным в распространении пагубных учений, в ночных собраниях с участием непристойных женщин и в привычке толпиться в обнаженном виде, после чего он и шесть его ближайших сторонников были приговорены к смертной казни).

В капитуляриях Карла Великого

(747-814) встречаются предписания, обязывающие епископов следить за нравами и надлежащим исповеданием веры в их епархиях, а также искоренять языческие обычаи на саксонских границах. В 844 году Карл Лысый, первый король Западно-Франкского королевства (Франции), предписал епископам утверждать народ в вере посредством проповедей, а также расследовать и исправлять его заблуждения.

В IX-XI веках епископы достигли очень высокой степени могущества, и их деятельность стала отличаться повышенной энергией. Уже в эту эпоху Церковь начала гораздо охотнее обращаться к насильственным мерам против еретиков. Наиболее строгими наказаниями уже в ту пору стали конфискация имущества и сожжение на костре.

Слово «инквизиция», в техническом смысле, впервые было употреблено на Турском соборе католической церкви, имевшем место в 1163 году.

Особый церковный суд католической

церкви под названием «инквизиция» был создан в 1215 году папой Иннокентием III. Церковный трибунал, которому было поручено «обнаружение, наказание и предотвращение ересей», был учрежден в Южной Франции в 1229 году папой Григорием IX.

После этого основной задачей инквизиции стало определение, является ли обвиняемый виновным в ереси.

Тем же папой Григорием IX инквизиция была введена в Каталонию, а из Каталонии она быстро распространилась по всему Пиренейскому полуострову.

Таким образом, испанская инквизиция стала отголоском событий в Южной Франции (Крестовых походов против альбигойцев). Но на территории нынешней Испании она получила новую организацию и вскоре приобрела огромное политическое значение. Дело в том, что Пиренейский полуостров представлял собой наиболее благоприятные условия для развития инквизиции. Там шла многовековая борьба с таврами, исповедовавшими ислам (арабы

завоевали большую часть полуострова в 711 году), и это способствовало развитию в народе религиозного фанатизма. Ум-то с большим успехом и воспользовались водворившиеся здесь монахи-доминиканцы. Нехристиан, а именно мавров и евреев, было очень много на территориях, отвоеванных у мавров христианами-королями. Но главное заключалось не только в этом. Самое страшное было в том, что мавры и усвоившие их образованность евреи являлись наиболее просвещенными и зажиточными слоями населения. Как следствие, их богатство вызвало зависть простому народу и представляло огромный соблазн для правительства. В результате уже в конце XIV века масса мавров и евреев вынуждена была принять христианство, но многие и после того продолжали тайно исповедовать религию своих отцов.

Для оккупированной на много веков маврами территории это может показаться удивительным, но главным объектом гнева инквизиции на Пиренейском полуострове стала именно

«иудействующая ересь».

Например, в июне 1391 года перестала существовать самая многочисленная еврейская община – севильская. Более четырех тысяч евреев были убиты, около двадцати тысяч приняли христианскую веру. Насилия и убийства, происходившие под покровительством правительства и Церкви, охватили всю территорию нынешней Испании. Тринадцать лет происходили погромы и грабежи еврейских общин по всей территории полуострова. В 1391 году половина общин исчезла совсем, а другая стала состоять из «конверсов» – обращенных в христианство евреев.

В начале XV века на судьбу евреев огромное влияние оказала деятельность монаха-доминиканца Висенте Феррера, духовника короля Арагона и Валенсии Хуана I. Он три года ходил по городам и селам, проповедуя всеобщее крещение евреев и порождая в народе еще большую ненависть к ним. По его инициативе был принят Вальядолидский статут, очень сильно ограничивший права еврейского населения (евреям было запрещено менять

место жительства, работать хирургами и аптекарями, занимать государственные посты, нанимать христиан в услужение и т. д.). Отметим, что этот человек умер в 1419 году, то есть еще до рождения Томаса де Торквемада.

Папа Мартин V (1368-1431) в 1413-1414 годах крестил «по доброй воле» по меньшей мере три тысячи испанских евреев. Всего же в XV веке количество новообращенных, по мнению большинства исследователей, составило от двухсот до трехсот тысяч человек. Естественно, среди «конверсов» были люди, искренне принявшие христианскую веру, но существовали и такие, кто принял христианство лишь для вида, чтобы сохранить жизнь себе и своим близким.

Поначалу христиане достаточно благожелательно отнеслись к «новым христианам», на них даже не распространялись условия Вальядолидского статута. Они стали весьма влиятельным общественным слоем, и многие из них даже получили дворянские титулы. Но вскоре их верность религии

Христа все больше стала подвергаться сомнениям и возникли споры о «чистоте крови». В результате после 1449 года «новым христианам» было запрещено занимать муниципальные должности, а потом пошли разговоры и о полном их изгнании.

Итак, повторится еще раз: испанская инквизиция была учреждена задолго до Торквемады, и она отнюдь не бездействовала. Однако нельзя отрицать тот факт, что в период активной жизнедеятельности Торквемады, решительного сторонника искоренения «иудействующей» ереси, деятельность инквизиции стала более организованной, интенсивной и эффективной. Например, до 4 ноября 1481 года, то есть в течение первых десяти месяцев функционирования инквизиционного трибунала, в Севилье было сожжено 298 человек, а к пожизненному тюремному заключению приговорено 79 еретиков. Само собой разумеется, что имущество осужденных было конфисковано, и некоторые летописцы этих событий утверждают,

что «под двойной тяжестью — страха чумы и инквизиционного трибунала» — люди стали покидать гостеприимную Севилью.

Это, как говорится, факт исторический. Называются даже конкретные цифры, а это значит, что тысячи «новых христиан» действительно бежали из города, где в начале января 1481 года начал действовать первый в Кастилии трибунал инквизиции. Не стоит ли все это списывать на «зверства инквизиции»? Конечно же нет. Во-первых, в августе 1481 года в Севилье вспыхнула страшная эпидемия чумы, и «новым христианам» было разрешено покинуть город, оставив в залог все свое имущество (многие воспользовались этой возможностью и бежали в Северную Африку, Португалию и Италию). Во-вторых, именно в это время в Севилье было тайно начат сбор оружия, однако инквизиции удалось раскрыть этот заговор, и многие его участники понесли суровое наказание. Надо сказать, вполне заслуженное наказание, которое

заговорщики понесли бы и без всякой инквизиции, и не только в Севилье, но и в любом другом месте.

Так что вряд ли стоит сразу же делать заключение о том, что булла папы Сикста IV «способствовала превращению Испании в самую мрачную, невежественную страну, где еще в 20-х годах XIX века пылали костры во имя торжества „истинной“ католической веры», а действия инквизиции — это «преступные проявления фанатизма, приносившие в жертву тысячи людей».

Да, в первые десять месяцев функционирования новой инквизиции было сожжено 298 человек, а 79 человек было приговорено к пожизненному тюремному заключению. Да, имущество жертв поступало в распоряжение инквизиции, а десять процентов доставалось доносчикам. Но нет ни малейших оснований полагать, что Томас де Торквемада хотя бы раз в жизни присутствовал при казни. Если только в раннем детстве, когда мальчишкой он вполне мог увязаться за толпой, обожавшей подобные зрелища. Но

Во времена его юности в Кастилии казнили не еретиков. Сожжению заживо подвергали, например, за некоторые сексуальные преступления, в частности, за содомию во всех ее видах.

Глава четвертая

Генеральный инквизитор

Генеральный инквизитор Кастилии и Арагона

Если говорить о роли Торквемады, то тут важно было бы отметить один важный момент.

Артур Арну в своей «Истории инквизиции» пишет: «Наказать за отступление от истинной веры – вот тот повод, который послужил папе Сиксту IV и Фердинанду V, чтобы учредить в Испании новую инквизицию, которая отличалась от старой гораздо более умелой и однообразной организацией, но в особенности невероятным увеличением неистовых жестокостей».

Таким образом, главными сторонниками учреждения новой инквизиции на Пиренейском полуострове были король Фердинанд и папа Сикст IV. Что при этом двигало королем? Скорее всего, в нем преобладала банальная жадность, и в инквизиции он видел чрезвычайно удобный способ ограбления своих наиболее обеспеченных подданных.

Единственное препятствие, которое ему оставалось устранить, заключалось в его супруге-королеве, которая никак не решалась допустить инквизицию в свои собственные владения.

Артур Арну характеризует королеву Изабеллу так: «Чувство гуманности заставляло ее отрицательно относиться к кровавому трибуналу, жестокости которого уже успели привести в ужас всю Испанию, и ее природная честность внушала ей угрызения совести относительно конфискаций имущества, следовавших за каждым постановлением священной канцелярии».

Вот тут-то и вступил в дело Томас де Торквемада, которого королева обожала и к каждому слову которого она прислушивалась. Как пишет Артур Арну, он «разрешил, наконец, ее сомнения. Он доказал королеве, что религия предписывает ей способствовать инквизиции».

В феврале 1482 года, как мы уже говорили, папа Сикст IV назначил Торквемаду инквизитором. Но первым

инквизитором-доминиканцем испанского происхождения был вовсе не он.

Еще в середине XIII века папа Иннокентий IV адресовал частное брeve приорам доминиканских монастырей Мерида и Барселоны, чтобы они предоставили арагонскому королю Хайме I монахов своего ордена для исполнения обязанностей инквизиторов. Уми стали брат Педро де Тоненес и брат Педро де Кагирета. У потом испанцев (понятно, что под испанцами мы тут понимаем людей, живших на Пиренейском полуострове и разговаривавших на испанском языке^[23]) среди инквизиторов было немало.

Как мы уже знает, когда инквизиторы Мигель де Морильо и Хуан де Сан-Мартин начали исполнять свои обязанности в Севилье, репрессии стали множиться как снежный ком. В ответ тут же последовали жалобы на действия инквизиторов, обращенные к папе.

В результате в апреле 1482 года папа Сикст IV издал буллу, выражавшую

сожаление о том, что многие праведные христиане без каких-либо серьезных доказательств были брошены в тюрьмы, подвергнуты пыткам и лишены своего имущества. В том же документе папа сделал вывод о том, что «инквизицией уже некоторое время движет не ревностное служение вере и спасению душ, а жажда богатства».

В соответствии с этим все полномочия, данные инквизиции, были аннулированы, и папа потребовал, чтобы инквизиторы были поставлены под контроль местных епископов. Такие меры, разумеется, являлись дерзким вызовом монархии, и Изабелла с Фердинандом были этим сильно возмущены. Сделав вид, что сомневается в подлинности папской буллы, Фердинанд отослал Сиксту IV лукавое послание, которое заканчивалось следующими словами: «Доверьте нам заботу об этом вопросе».

Получив такой отпор, папа полностью капитулировал, и 2 августа 1483 года появилась новая булла, которая учреждала постоянный священный

трибунал инквизиции в Кастилии, вверив ему полномочия высшей инстанции инквизиции, которой должны были подчиняться все инквизиторы вообще и каждый из них в отдельности.

Для управления этим священным трибуналом была создана новая должность генерального (великого или верховного) инквизитора Кастильского королевства. Первым эту должность занял Томас де Торквемада, человек, который за ночь мог прочесть сотню донесений и доносов, а кутру уже знал, «куда повернуть жадную злобу Фердинанда и тщеславие Изабеллы».

По мнению историка Жана Севиллья, «„инквизитор“ – это слово, обремененное позором». При этом ряд специалистов отмечают незаурядные способности тех, кто исполнял эту роль. В частности, Бартоломе Беннассар пишет, что инквизиторы были «людьми удивительных интеллектуальных качеств», а инквизиция вела судопроизводство «очень точно и очень скрупулезно». Этот же автор утверждает, что инквизиция была «правосудием, которое практикуют

внимательное изучение свидетельств, которое осуществляет тщательную проверку, которое без скряжничества принимает отвод обвиняемыми подозреваемых свидетелей, которое очень редко прибегает к пыткам и которое соблюдает легальные нормы... Она была правосудием, озабоченным тем, чтобы обучать, объяснять обвиняемому, в чем он заблуждается, правосудием, которое внушает и советует, приговоры которого касаются только рецидивистов».

Как же отличается все вышесказанное от традиционных представлений о кровожадных и фанатичных инквизиторах, забавляющихся пытками и тысячами отправляющих ни в чем не повинных людей на костер...

А теперь еще раз обратим внимание на тот факт, как произошло назначение Торквемады. По правилам, пост генерального инквизитора должен был по представлению Изабеллы и Фердинанда занимать человек, назначаемый папой, но во всех своих действиях он должен был

быть подотчетен только королевской чете.

Жак Коллен де Планси в своем «Унфернальном словаре» по этому поводу пишет: «Когда Изабелла увидела, что инквизиция укрепляется, она попросила папу пригнать этому трибуналу такую форму, которая могла бы удовлетворить всех. Она попросила, чтобы суды, проходившие в Испании, стали окончательными и не требовали утверждения в Риме; одновременно она посетовала на то, что ее могут обвинить в том, что она в установлении инквизиции видит лишь возможность делить с инквизиторами имущество приговоренных. Папа Сикст IV утвердил всё, похвалил усердие королевы и стягнул угрызения ее совести относительно конфискаций. Булла от 2 августа 1483 года поставила в Испании великого генерального инквизитора, которому были подчинены все трибуналы священной канцелярии. Это место было отдано отцу Томасу де Торквемада, фанатику, с ужасной жестокостью способному, больше

чем кто-либо другой, осуществить замыслы Фердинанда и Изабеллы, приумножая конфискации и казни».

Итак, на должность генерального инквизитора Кастилии был назначен Томас де Торквемада. Произошло это в начале августа 1483 года при следующих обстоятельствах.

— Ты позволишь мне самой назначить человека на должность генерального инквизитора? — спросила как-то Изабелла.

Ее супруг Фердинанд расплылся в довольной улыбке:

— Конечно, моя дорогая!

— Я хочу, чтобы на этом месте оказался человек, не мягкий по характеру, а справедливый и трудолюбивый, обладающий к тому же широким кругозором. И я знаю такого человека, да и ты его прекрасно знаешь.

Фердинанд отлично понял, о ком идет речь, и еще раз довольно улыбнулся:

— Назначай, кого хочешь, моя дорогая.

Изабелла тут же послала за Томасом де Торквемада.

Ему было уже 63 года. Он любил

тишину своего монастыря, и только твердая уверенность в том, что его присутствие при королевском дворе необходимо, убедила его покинуть его.

Получив послание королевы, Торквемага босиком прошел все расстояние от Сеговии и, не дав себе отдохнуть, предстал перед королем и королевой.

Биограф Изабеллы Лоренс Шүновер пишет: «Фердинанда было нелегко заставить испытать благоговейный трепет: Торквемага обладал внешностью римского императора, а ноги у него были босы, как у нищего. Даже в Кастилии, стране катней и святых, Фердинанд никогда не встречал такое внешнее величие в сочетании с полным пренебрежением к самому себе. Хотя Торквемага вовсе не пытался продемонстрировать свою святость. Он не был одет в декоративные лохмотья, задубевшая кожа подошв его ног была чиста; казалось, он действительно старается выглядеть как можно лучше. Удивительным было для Фердинанда

услышать, как к королеве обращаются „моя принцесса“, как будто она была маленькой девочкой.

„Этот человек не будет взимать слишком много штрафов, — думал Фердинанд, глядя на него, — но те, которые взыщет, растащить не позволит. Это самый неподкупный человек из тех, которых я когда-либо видел“.

Тем временем Изабелла сообщила своему старому учителю, что хотела бы предложить ему только что учрежденный пост генерального инквизитора Кастилии.

— Боюсь, что люди не будут вас любить, — честно призналась она, — потому что мы, король и я, из-за быстрого роста преступлений, произошедшего во время войны, добавим к вашей юрисдикции и ряд чисто гражданских дел. Вероятно, некоторые нарушители закона, которые без жалоб приняли бы наказание из рук обычных судей, будут протестовать против того, что подобные дела станут рассматриваться церковным судом. Но, так или иначе, преступности должен быть нанесен решительный удар.

— Да, судьбы никогда не бывают любимы, брат Томас, — добавил Фердинанд.

— Мне совершенно безразлично, что весь мир будет думать обо мне, — отозвался Торквемада, — до тех пор, пока я выполняю свои обязанности».

Французский философ Жак Маритен в своей книге «Церковь Христа» пишет: «Святой престол сам назначил первого генерального инквизитора в Испании. Это был Торквемада, за которого попросили Изабелла и Фердинанд».

Историк Жан Севиллья уточняет: «Великий инквизитор был назначен с утверждением Святым престолом, но выбрал его глава государства. Испанская инквизиция — это механизм государства. Хотя они и были священниками, ее руководители были государственными служащими, назначавшимися королем и оплачивавшимися из королевской казны».

Можно сказать, это было назначение «по представлению».

А еще через два месяца, 14 октября 1483 года, власть Торквемады

распространилась и на Арагон,
королевство супруга Изабеллы
Кастильской.

С этого момента он стал
титловать себя так: «Мы, брат Томас
де Торквемада, монах ордена братьев
проповедников, приор монастыря Санта-
Крус в Сеговии, духовник короля и
королевы, наших государей, и генеральный
инквизитор во всех их королевствах и
владениях против еретической
испорченности, назначенный и
уполномоченный Святым апостолическим
престолом».

Таким образом, с осени 1483 года
Томас де Торквемада возглавил новую
инквизицию объединенного королевства.
Все инквизиционные трибуналы
королевства Изабеллы и Фердинанда были
теперь, по сути, сосредоточены в
юрисдикции одной администрации с
Торквемадой во главе. Таким образом, в
последующие полтора десятка лет
Торквемада, имя которого, по словам
Хуана Антонио Льоренте, «до тех пор
было известно не иначе как в числе многих

других имен», обладал властью и влиянием, которые могли поспорить с властью и влиянием самих монархов.

Считается, что именно с этого момента деятельность инквизиции приобрела необычайно жесткий характер, особенно в преследовании марранов, то есть евреев, принявших христианство, а также их потомков. Все попытки «новых христиан» щедрыми дарами стянуть отношение к себе успеха не имели.

При этом фанатичная преданность своей новой роли вынудила Торквемаду отказаться от предложенной должности епископа в Севилье, и до конца своей жизни он так и не сменил своего аскетического доминиканского облачения на пышные одеяния прелатов того времени. Кроме того, он остался строгим вегетарианцем.

Историк Жан Севилля пишет о Торквемаде: «Это был человек веры, неподкупный, незаинтересованный. Деньги, которые он собирал, он направлял на содержание монастырей. Сам же он одевался бедно, а жил аскетично».

Беатрис Леруа в своей книге

«Триумф католической Испании»
называет Торквемаду «ортодоксальным
доминиканцем», то есть человеком
последовательно и неуклонно
придерживающимся основ своего учения.
Словосочетание «ортодоксальный
доминиканец» звучит очень серьезно, ведь
доминиканцы, как известно, с самого
основания своей организации объявили себя
нищенствующим орденом, и на его членов
была возложена обязанность отказаться
от любого имущества и доходов, чтобы
жить одними подаяниями.

Аскетичность Торквемады
отмечается многими исследователями, а
поэтому весьма странным выглядит
следующее заявление И. Р. Гризуневича,
который в своей книге «Инквизиция»
пишет: «Торквемада отличался
жестокостью, коварством,
лживостью и колоссальной энергией,
что вместе с доверием, которое питали к
нему Изабелла и Фердинанд, превратило
его в подлинного диктатора Испании,
перед которым трепетали не только его
жертвы, но и его сторонники и

почитатели, ибо он, как и надлежит
„идеальному инквизитору“, любого, даже
самого правоверного католика, мог
заподозрить в ереси, заставить признать
себя виновным и бросить его в костер. Судья
по всему, Торкветага не любил людей, не
доверял им и, считая себя инструментом
Божественного провидения, со спокойной
совестью лишал их жизни. Хотя внешне
Торкветага отличался скромностью и
простотой нрава, но под этой лицемерной
оболочкой скрывались неограниченное
честолюбие, жажда славы и почестей,
неуемная страсть к власти».

Что тут скажешь. Жесткость
обычно легко принимается за жестокость.
Но при внешней схожести эти понятия
имеют существенное различие: жесткость
не попирает справедливость, а
жестокость исключает ее. Проблема тут
лишь в одном: в относительности понятия
«справедливость», а также в соотношении
понятий «справедливость» и «милосердие».

Колоссальная энергия... Доверие
Изабеллы и Фердинанда... Все это
бесспорно. Диктатор... Идеальный

инквизитор... Без сомнения. Не любил
людей... Не доверял им... Да, но о каких
людях идет речь? Если об иноверцах,
подорвавших основы христианства, то все
правильно. Ведь вера — это первое условие
в жизни того, кто посвятил себя
служению, а религии, в которых нуждается
вера, как известно, разобщают.

Что же касается «лицемерной
оболочки», «неограниченного честолюбия»,
«жажды славы» и т. п., то тут уместно
будет вспомнить следующие слова
американского педагога и психолога Дейла
Карнеги: «Помните, что несправедливая
критика часто является замаскированным
комплиментом. Не забывайте, что никто
не бьет мертвую собаку».

Короче говоря, советского разведчика-
нелегала и историка Иосифа
Ромуальдовича Григүлевича не зря
называют «мастером атеистической
пропаганды».

А вот Манюэль де Малиани в своей
«Политической истории современной
Испании» доходит до того, что
утверждает, будто Торквемада

«предавался таким страшным излешествам, что даже Александр VJ, сам гнусный Борджиа, выступил против подобных мерзостей, испугавшись возмущения, поднимавшегося со всех сторон». Впрочем, Манюэль де Малиани — это тот самый критик Торквемады, который с легкостью оперирует такими определениями, как «ненасытный палач», «ненавистное правление», «принес в жертву тысячи людей», «сжег все книги, которые стог» и т. д. и т. п. В этом смысле его и ему подобных тоже можно назвать «ортодоксальными» историками, причем в самом худшем смысле этого слова.

В том же 1483 году король Фердинанд учредил совет верховной и всеобщей инквизиции, и первым его главой стал генеральный инквизитор Томас де Торквемада.

Марселей Дефурно по этому поводу уточняет: «Верховный совет инквизиции, во главе которого находился генеральный инквизитор... был органом монархического правительства, как и все остальные советы (кастильский, финансовый,

колонизальный), которые окружали и правителя. Но из-за своей духовной функции он обладал особой независимостью». «Фердинанд создал королевский совет инквизиции с ужасным Торквемадой во главе, — читаем у Манюэля де Малиани, — чтобы объединить в руках этого монстра власть гражданскую и власть церковную».

Оставим оценки «ужасный» и «монстр» на совести этого автора, в остальном же он прав. Совет объединил в одних руках власть гражданскую и власть церковную. В его задачу входило и решение вопросов, связанных с конфискацией имущества еретиков. Этим было завершено создание Верховного трибунала святой инквизиции (по-испански Supremo Tribunal de la Santa Inquisition, сокращенно — Сунрема), деятельность которого продолжалась три с половиной столетия.

Важно отметить, что испанская инквизиция существенно отличалась от инквизиции Пиренейского полуострова (вспомним слова Жана Севилля о том,

что нет одной инквизиции, но есть три инквизиции: средневековая инквизиция, испанская инквизиция и римская инквизиция). Первая не была подконтрольна какому-либо светскому монарху, а была подотчетна только Церкви, вторая была подконтрольна Изабелле и Фердинанду. При этом Томас де Торквемада получил практически неограниченные полномочия в деле искоренения «еретической испорченности», то есть сознательного антикатолического отклонения от догматов веры.

М. В. Барро в своем очерке о Торквемаде констатирует: «Из рук папы он передал этот трибунал в руки короля и сделал судилище не столько помощником торжества веры, сколько орудием абсолютизма».

И. Р. Гризуневич в своей книге «Инквизиция» развивает эту мысль: «Королевская власть в Испании, открыв инквизиции надежное орудие подавления и устрашения своих противников, уже не расставалась с ней вплоть до середины

ХХХ века».

Лучшую кандидатуру на эту должность, которая в равной степени устраивала бы и Ватикан, и светский престол, сложно было подобрать. Торквемада в полной мере оправдал надежды папы, стремившегося любыми методами укрепить на Пиренейском полуострове влияние Римско-католической церкви, и удовлетворил ненасытные аппетиты короля Фердинанда путем конфискации имущества наиболее зажиточных феодалов и купцов в пользу государственной казны. Принято считать, что для этого генеральный инквизитор превратил Сунрету «в изощренную машину террора — в то, к чему инквизиция и стремилась со дня своего образования».

К этому последнему тезису мы еще вернемся, а пока же отметим, что, получив практически неограниченные полномочия, распространявшиеся на все сферы светской и религиозной жизни испанского общества, Томас де Торквемада в первую очередь приступил к реорганизации верховного трибунала. Он

поручил своим двум помощникам
составить подборку основных законов для
управления обновленным трибуналом,
которая учитывала бы «слабые места»
прошлой инквизиции.

Артур Арну в своей «Истории
инквизиции» пишет: «Новая инквизиция,
утвержденная Торквемадой, превзошла все,
что было до сих пор».

Естественно, назначение Торквемады
в областях, в которых инквизиция была
известна с XIII века, но к концу XV века,
в связи с развитием городов и ростом
самоуправления, пришла в упадок,
встретило сопротивление со стороны
местных кортесов^[24]. Только под большим
давлением Короны они согласились
распространить полномочия Торквемады
на свои территории, население которых
весьма враждебно встретило его
представителей и не скрывало своих
симпатий к жертвам Сунремы.

Начал Торквемада с того, что создал
четыре подчиненных трибунала – для
Севиля, Кордовы, Хаэна и Вилья-Реала,

называемого в настоящее время Сьюдад-Реаль. Четвертый трибунал был вскоре перенесен в Толедо. Затем Торквемада позволил доминиканцам приступить к исполнению своих обязанностей в различных епархиях Кастильской короны.

Эти монахи, получившие мандаты от Святого престола, подчинились приказаниям Торквемады не без сопротивления, мотивируя это тем, что они не были его уполномоченными. Торквемада, чтобы не повредить начатому ил делу, не решился тут же отправить их в отставку, но, будучи убежденным в необходимости единства понимания происходящего, приготовился обнародовать основные положения кодекса инквизиции, без которых, как он хорошо видел, нельзя было обойтись. В качестве помощников и советников он избрал Хуана Гутьерреса де Чавеса и Тристана де Медину.

Хуан Антонио Льоренте пишет: «Фердинанд, созвав в апреле 1484 года в Тарасоне кортесы Арагонского королевства, на тайном совете,

состоявшем из призванных им лиц, решил
вопрос о реформе. Вследствие этого
решения Томас де Торквемада назначил
инквизиторами Сарагосской епархии
брата Гаспара Хуглара, доминиканского
монаха, и доктора Педро де Арбуса де
Эпила, каноника митрополичьей церкви.

Королевский указ предписывал
провинциальным властям оказывать им
помощь, и 19 сентября того же года
магистрат, известный под названием
Большого законника Арагона
(Justitiamaior), и несколько других
должностных лиц обещали это под
присягой».

Заметим, что эта мера не только не
прекратила сопротивления, но, наоборот,
она его только усилила.

Кодекс инквизиции

В октябре 1484 года Торквемага назначил в Севилье общий съезд всех членов испанских инквизиционных трибуналов. Там же, в Севилье, был в конечном итоге выработан кодекс, регулировавший весь инквизиционный процесс. В его подготовке участвовали виднейшие богословы того времени, а также Торквемага и лично королева Изабелла с королем Фердинандом.

Двадцать девятого октября первый кодекс инквизиции был обнародован специальной хунтой, состоявшей из четырех инквизиторов, утвержденных Сунретой, двух помощников Торквемаги, а также королевских советников.

Сначала кодекс включал в себя 28 статей.

Первая статья определяла способ, которым учреждение трибунала будет оповещено в том месте, где он устанавливался.

Вторая статья предписывала

обнародование в местной церкви указа, сопровождаемого угрозою церковных кар тем, кто, совершив преступление ереси или вероотступничества, добровольно не донесет сам на себя до истечения дарованного льготного срока, а также тем, кто воспротивится выполнению мероприятий, предписанных трибуналом.

Третьей статьей была определена продолжительность так называемого «льготного срока» в один месяц. Это срок, данный еретикам для объявления самих себя, чтобы предупредить этим конфискацию их имущества (однако это не исключало денежного штрафа, к которому они могли быть приговорены).

В четвертой статье было сказано, чтобы добровольные признания, совершаемые во время месячного льготного срока, делались письменно, в присутствии инквизиторов и секретаря, да еще так, чтобы виновные давали ответы на все вопросы, обращенные к ним. Согласно этой статье, прежде всего виновный должен был назвать своих соучастников и тех, с вероотступничеством которых он знает.

Пятая статья запрещала давать тайно отпущение тому, кто сделает добровольное признание, за исключением единственного случая, когда никто не знает о его преступлении и следует опасаться его огласки.

Шестая статья устанавливала, что часть епитимьи того, кто пригласится с Церковью, должна состоять в лишении его возможности занимать почетные должности, а также использовать золото, серебро, жемчуг, шелк и тонкое полотно.

Седьмая статья налагала денежные штрафы на всех, кто сделал добровольное признание.

Восьмая статья гласила, что добровольно кающийся, который явится со своим признанием уже после истечения льготного срока, не может быть избавлен от конфискации своего имущества.

В девятой статье было сказано, что если лица моложе двадцати лет явятся, чтобы сознаться, по собственному желанию, но после истечения льготного срока, и если будет доказано, что они вовлечены в заблуждение своими

родителями, то достаточно наложить на них легкую епитимью (публичное ношение в течение года или двух лет санбенито и т. п.).

Десятая статья налагала на инквизиторов обязанность объявлять в их акте приречения время, когда приреченный впал в ересь, чтобы знать, какая часть его имущества принадлежит конфискации.

Одиннадцатая статья гласила, что если содержащийся в секретной тюрьме трибунала еретик, движимый истинным раскаянием, попросит отпущения, то ему можно его даровать, наложив на него в виде епитимьи кару пожизненного заключения.

Двенадцатой статьей утверждалось, что, если инквизиторы подумают, что в случае, указанном в предыдущей статье, признание кающегося притворно, они должны отказать ему в отпущении и объявить его лжекающимся.

Тринадцатой статьей было постановлено, что, если человек, получивший отпущение после своего

добровольного сознания, будет хвастать, что скрыл разные преступления, или из собранных сведений станет ясно, что он совершил их большее количество, чем то, в котором он покался, его следуют арестовать и судить как лжекающегося.

Четырнадцатая статья гласила, что если уличенный обвиняемый упорствует в своих отрицаниях даже после оглашения свидетельских показаний, то он должен быть осужден как нераскавшийся.

На основании пятнадцатой статьи, когда против отрицающего свое преступление обвиняемого существовала полувлика, он должен был подвергнуться пытке. Если во время пытки он признает себя виновным и затем подтвердит свое признание, то его наказывали как уличенного; если он отказывался от подтверждения, его подвергали вторично той же пытке или присуждали к чрезвычайному наказанию.

Шестнадцатой статьей было запрещено показывать обвиняемым полную копию свидетельских показаний; можно было только давать им понятие о том,

что на них было донесено, оставляя их в неведении об обстоятельствах, которые могли бы им помочь узнать свидетелей.

Семнадцатая статья предписывала инквизиторам лично допрашивать свидетелей, когда это для них не невозможно (эта статья была трудновыполнима, так как свидетели и судьи почти всегда находились в разных местах государства).

Восемнадцатая статья велела одному или двум инквизиторам присутствовать при пытке, которой должен подвергнуться подсудимый, кроме случая, когда, будучи заняты в другом месте, они должны обращаться к комиссару для получения показаний, если пытка все-таки должна быть применена.

На основании девятнадцатой статьи, если после вызова в суд согласно предписанным формам обвиняемый не явится, он должен быть осужден как уличенный еретик.

Двадцатая статья гласила, что, если доказано книгами или поведением умершего человека, что он был еретиком,

он должен быть сугим и осужден как таковой; его труп должен быть вырыт из земли, все его имущество конфисковано в пользу государства, в ущерб его законным наследникам.

Двадцать первой статьей инквизиторам было приказано распространить свою юрисдикцию на сеньориальных вассалов. Если сеньоры откажутся ее признать, то к ним следовало применить церковные кары и другие наказания.

В двадцать второй статье было сказано, что если человек, присужденный к выгаче в руки светского суда, оставляет несовершеннолетних детей, то имущество их даруется государством, в виде милостыни, небольшая часть конфискованного имущества их отца и что инквизиторы обязаны доверить надежным лицам заботу о их воспитании и христианском просвещении.

На основании двадцать третьей статьи, если еретик, приговоренный в течение льготного срока, без конфискации имущества, имел собственность,

происходящую от лица, которое было
присуждено к этой каре, то эта
собственность не должна была включаться
в закон прощения.

Двадцать четвертая статья
обязывала давать свободу христианским
рабам приреченного, когда не было
конфискации, ввиду того, что король
даровал свою милость только на этом
условии.

Двадцать пятой статьей
запрещалось инквизиторам и другим
лицам, причастным к трибуналу,
получать подарки под страхом верховного
отлучения и лишения должности,
присуждения к возврату и к штрафу в
размере двойной стоимости полученных
вещей.

Двадцать шестая статья предлагала
должностным лицам инквизиции жить
друг с другом в мире, без стремления к
превосходству, даже со стороны того, кто
облечен властью епархиального епископа; в
случае какого-либо раздора главному
инквизитору поручалось прекращать его
без огласки.

Двадцать седьмой статьей инквизиторам было рекомендовано старательно следить за своими подчиненными, чтобы они были точными в исполнении своих обязанностей.

Двадцать восьмая статья предоставляла мудрости инквизиторов рассмотрение и обсуждение всех пунктов, не предусмотренных в основных законах.

М. В. Барро в своем очерке о Торквемаде характеризует кодекс инквизиции следующим образом: «Первые три пункта говорили об устройстве трибуналов, о публикации приговоров против еретиков и отступников и назначали „отсрочку милосердия“ для желающих сознаться и обратиться. Шесть последних установили порядок чинопочитания среди инквизиторов, остальные девятнадцать охватили все случаи инквизиционного процесса. Кто сознается до срока, тот мог рассчитывать на помилование, если выдавал других еретиков. Начиная с одиннадцатого пункта, инструкция говорила о еретиках упорных. Если такой

еретик сознавался после долгого сидения в тюрьме, то его осуждали на вечное заключение».

О так называемой «отсрочке милосердия» (месячном сроке еретикам для добровольного объявления самих себя).

Ц. Р. Гризуневич в своей книге «Инквизиция» пишет следующее: «Всем „новым христианам“, повинным в отступничестве, за добровольную явку в священный трибунал, сознание и отречение было обещано прощение и сохранение имущества. Те, кто попался на эту удочку, должны были купить свое спасение ценой гнусного предательства, сообщая своим палачам имена, положение, местожительство и прочие приметы всех известных им „вероотступников“ или подозреваемых в вероотступничестве лиц. Эти показания, в конечном итоге, не спасали малодушных от костра, так как, расправившись с упорствующими вероотступниками, инквизиция расправлялась также с этими своими пособниками».

На самом деле инквизиция

действовала следующим образом. Инквизитор со своей свитой приезжал в тот или иной город или селение. Там он созывал всех жителей и местное духовенство и читал им проповедь о цели своего визита. Затем он приглашал откликнуться всех, кто желал покаяться в ереси. При этом еретикам давалось «льготное время» (тридцать дней), чтобы сознаться в грехе. Если они совершали это в указанный срок, их обычно принимали обратно в лоно Церкви, не накладывая более сурового наказания, чем епитимья.

При этом «принятый обратно» обязан был назвать имена и дать подробную информацию обо всех других известных ему еретиках. Как видим, инквизиция в конечном итоге вполне готова была быть снисходительной по отношению к одному грешнику при условии, что он выдает ей других.

По мнению противников Торквемады, основные положения кодекса инквизиции, который принято называть кодексом Торквемады (а он потом неоднократно дополнялся и корректировался), сводились

и следующему: инквизиция объявлялась «тайным судилищем, первой и последней инстанцией, рассматривавшей дела еретиков».

Например, уже цитировавшийся нами Манюэль де Малиани называет этот документ «кровавым кодексом», Бо-Лапорт в своей «Популярной истории протестантизма» — «ужасным кодексом», а Хосе Амадор де лос Риос в своей книге «Исторические, политические и литературные исследования о евреях в Испании» — «кодексом террора».

Решения инквизиции считались окончательными и пересмотру не подлежали. Лица, обвиненные ею в ереси и не признавшие себя виновными, подлежали отлучению от Церкви и передаче светским властям для принятия решения о сожжении. Обвиняемый в ереси мог спасти себя от смерти только путем полного признания своей вины, выдачи всех своих сообщников, отречения от еретических воззрений и беспрекословного подчинения воле трибунала.

Принято считать, что кодекс

Торквемада не устанавливал какого-либо срока для проведения следствия и суда над обвиняемым. Инквизиция была властна держать свои жертвы в предварительном заключении неограниченное время. В результате имели место случаи, когда узники топились в застенках инквизиции десятки лет до вынесения им приговора.

С другой стороны, нельзя не заметить, что кодекс серьезно ограничил произвол инквизиторов на местах и расширил права последственных. Например, под страхом лишения должности «инквизиторам и другим лицам, причастным к трибуналу», воспрещалось принимать от обвиняемых или их родственников любые подарки. Это означает, что Торквемада самым серьезным образом боролся со взяточничеством в подконтрольной ему организации.

Постановления об аресте и пытке, а также обвинительные заключения могли выноситься только коллегиально. Инквизиторы обязаны были «старательно следить за своими подчиненными, чтобы

они были точными в исполнении своих обязанностей».

Если оказывалось, что обвиняемый знаком с инквизитором и ему казалось, что арест связан с какими-то личными мотивами, дело немедленно передавалось в вышестоящую инстанцию.

Для свидетелей, давших ложные показания, предусматривалось суровое наказание, а любое решение суда могло быть обжаловано в Ватикане.

Двадцать вторая статья кодекса вообще выглядит очень гуманно, так как делает обязательным попечительство о несовершеннолетних детях осужденных (выдача им части конфискованного имущества, забота об их воспитании и христианском просвещении).

Кстати сказать, вопреки расхожему мнению, инквизиция и не старалась обязательно доводить дела еретиков до конца, не опробовав в течение долгого времени все остальные средства. Кодекс Торквемады предписывал инквизиторам побуждать родных и друзей обвиняемого, а также духовных лиц и всех граждан,

известных своей образованностью и благочестием, посещать его в тюрьме для беседы. Сами епископы и инквизиторы неоднократно убеждали заключенного принести покаяние и вернуться в лоно Церкви. Хотя некоторые «идейные» узники считали себя мучениками и сами желали, как можно скорее взойти на костер, инквизиторы на это обычно не соглашались. Наоборот, трибунал старался переубедить узника и уверить его в том, что, раскаявшись, он избежит смерти, если только повторно не впадет в ересь.

Ули взять, например, тринадцатую статью кодекса, в которой говорится о наказании того, кто, получив отпущение, начнет хвастаться, «что скрыл разные преступления». Гневный обличитель инквизиции Хуан Антонио Льоренте, служащий основным «источником» для многих последующих исследователей, считает, что эта статья «носит очевидный характер жестокости, потому что вполне возможно, что обвиняемый просто забыл многие из своих

презреших». Подобный довод звучит уже просто стихотворно: всегда и везде, если преступник что-то «просто забывал», это не избавляло, не избавляет и не будет избавлять его от ответственности.

Согласно кодексу Торквемады, генеральный инквизитор руководил деятельностью всех трибуналов. В распоряжение Супремь поступали все штрафы и конфискованное имущество. Потом треть уходила в казну государства, а все остальное составляло бюджет инквизиции.

Все слуги инквизиции должны были обладать «чистой кровью». Была разработана подробнейшая иерархия должностей и ответственных лиц.

В отличие от «старой» инквизиции инквизиция Торквемады зависела от королевской власти в гораздо большей степени, чем от римского папы. По этой причине она получила широчайшие полномочия главного защитника христианской веры на подвластной ей территории.

По кодексу Торквемады, тот, кто

сообщал информацию о еретиках, получал награду. С одной стороны, это породило волну доносов, подавляющее большинство которых было основано на вымыслах или неоправданных подозрениях. С другой стороны, в Австрии раскрываемость преступлений сейчас составляет 95 процентов, в Канаде — 80 процентов, в США — 75 процентов. Преступления здесь так хорошо раскрываются потому, что, если кто-то что-то видел, он обязательно позвонит в полицию. Что это, донос или гражданский долг честного человека?

Но при Торквемаде самым ценным, самым желанным способом выявления еретика считалось не обнаружение его с помощью «доброжелателей», а обеспечение добровольной явки в инквизицию для покаяния, отречения от своих заблуждений и осуждения их.

Конечно, раскаяние не исключало наказания. Но в качестве наказания применялся не только и не столько костер, но и, например, паломничество в святые места или публичное покаяние, а это уже не имеет отношения к пресловутым

аутодафе, не внушающим ничего, кроме ужаса.

Историк Жан Севиллья, сообщая о пытках, констатирует: «Говоря об этом, повторился, не нужно реагировать сентименталитетом XXJ века: в ту эпоху люди не оспаривали принцип пытки, которую любое гражданское правосудие в Европе считало нормальным способом проведения расследования. Испанская инквизиция использовала ее скупо. До 1500 года в трехстах процессах, которые были проведены трибуналом в Толедо, было зафиксировано всего пять или шесть случаев применения пытки; с 1480 по 1530 год в двух тысячах процессов в Валенсии — всего двенадцать случаев.

Те, кто признавал себя виновным, получали небольшие наказания: штрафы, наложения ареста на имущество или, гораздо чаще, религиозные покаяния... Более серьезная вина влекла за собой тюремное заключение. Но инквизиционные трибуналы не везде имели камеры, поэтому приговоренные часто отбывали заключение в своих домах, особенно это

касалось бедных и больных. В тюрьме, согласно инструкциям Торквемады, заключенные имели возможность заниматься своей профессиональной деятельностью. В субботу они могли выходить, чтобы проходить процедуру покаяния, а в воскресенье — чтобы участвовать в мессе. Самые большие сроки заключения никогда не превышали трех лет.

В еще более серьезных случаях практиковались галеры или смертные приговоры».

Что касается аутодафе, то у Жана Севилля мы читаем: «В противоположность французскому смыслу этого слова по-испански аутодафе — это был не костер. Это мероприятие проходило раз в год, и это был большой религиозный и народный праздник, который включал в себя молитву, мессу, проповедь, демонстрацию веры собравшихся, оглашение вынесенных приговоров, выражение раскаяния приговоренных. Лишь в конце самые упрямые передавались в руки светской власти, которая отправляла их

на костер».

Хуан Антонио Льоренте по поводу кодекса Торквемады пишет: «Будет ли мы рассматривать в отдельности двадцать восемь статей кодекса инквизиции или возьмем их в целом, мы видим, что судебные решения и приговоры зависят от способа, каким велось следствие, и от различного взгляда судей, высказывающихся за ересь или правоверие обвиняемого на основании выводов, аналогий и результатов, извлеченных из отдельных фактов или разговоров, переданных часто с большим или меньшим преувеличением и неверностью. Что можно было ожидать от таких людей, ставших распорядителями жизни и смерти себе подобных, видя их полное ослепление предубеждением против беззащитных обвиняемых? Бесхитростный человек должен был погибнуть, торжествовал только лицемер».

В свою очередь, У. Р. Гризүлевич в книге «Инквизиция» констатирует: «Торквемада был не только организатором террора, он являлся к тому же и его „теоретиком“. Под его

руководством был составлен кодекс инквизиции, включавший 28 статей („инструкций“)... В этом документе, датированном 1484 годом, были сформулированы директивы папского престола по преследованию еретиков и прошлый опыт инквизиционных трибуналов в Испании и других странах».

На основании этих и подобных ит заявлений и складывалось мнение о том, что повсеместное введение кодекса инквизиции быстро превратило Пиренейский полуостров в «настоящее царство террора».

С этим можно соглашаться или не соглашаться, но факт остается фактом — генеральный инквизитор рассчитывал на то, что жители объединенного королевства, стирившиеся с деятельностью Сунрелы, безропотно примут новый кодекс инквизиции, однако события стали развиваться по совершенно иному сценарию. Злоупотребления (а как же без них) ставленников Торквемады вызвали стихийные выступления в Арагонском королевстве. Несмотря на

неорганизованность сопротивления, его масштабы были таковы, что оно вскоре приняло чуть ли не общенациональный характер. Опираясь на светскую власть, инквизиторы жестоко подавляли любое выступление против Сунрелы, нередко репрессирова целые поселения.

Только за первые годы введения нового кодекса сотни несчастных были преданы огню. Аутодафе было поставлено на поток. Костры инквизиции запылали практически по всей территории нынешней Испании. Современники говорили, что, если бы собрать все костры вместе, не понадобилось бы солнце. Конечно, это всего лишь метафора, но она не была безосновательной. Малейшее подозрение в ереси считалось неоспоримым доказательством вины. Не будучи в силах выдержать изощренные пытки, обвиняемые были готовы не только признать любые обвинения в свой адрес, но и оговорить своих близких, лишь бы положить конец своим мучениям. Массовая истерия, доноительство и всеобщая подозрительность, словно тяжелый стог,

нависли над королевством Изабеллы и Фердинанда. Как принято говорить, «произвол религиозных фанатиков загел практически все пласты средневекового испанского общества, от бедных крестьян и городских ремесленников до старейших грандов, составлявших фундамент испанской аристократии».

В результате сотни арагонцев лишились своего имущества или сгинули в тайных тюрьмах инквизиции. Еще больше людей потеряли свои права, превратившись в подобие живых теней, жалкое существование которых сводилось к бесконечным покаяниям якобы в совершенных тяжких грехах.

О том, как реагировал на это Ватикан, рассказывает в своей книге «Инквизиция» И. Р. Гризуневич. Он пишет: «В 1484 году папа Сикст IV в личном послании Торквемаде, передавая похвалу в его адрес кардинала Борджиа (будущего Александра VI), присовокуплял от себя: „Мы слышали этот отзыв с большой радостью, и мы в восторге, что вы, обогатившие познаниями и облеченные

властью, направили свое усердие на предметы, возвеличивающие имя Господне и полезные истинной вере. Мы испрашиваем на вас Божье благословение и побуждаем вас, дорогой сын, продолжать с прежней энергией и неутомимостью способствовать укреплению и упрочению основ религии, и в этом деле вы всегда можете рассчитывать на нашу особую заботливость“.

Двойная игра папства по отношению к судьбе „новых христиан“ продолжалась до начала XVII века, когда папа Александр VII Борджиа, сам испанец по происхождению, получивший немало долю от награбленных испанскими конкистадорами сокровищ аборигенов, окончательно прекратил „вмешательство“ Рима в дела испанской инквизиции и запретил ее жертвам обращаться к нему с жалобами на нее. Благодаря этому решению испанская инквизиция получила право расправляться с кем угодно и какими угодно средствами».

Пока же до папы Александра VII было еще далеко.

В августе 1484 года умер папа Сикст IV и его место занял папа Иннокентий VIII (в миру — Джованни Баттиста Чибо). А уже 5 ноября 1484 года Иннокентий VIII издал буллу «Summis Desiderantis» (первые слова этой буллы), положившую начало «охоте на ведьм». В ней говорилось, что «многие лица обоего пола» впали «в плотский грех с демонами».

Набиравшие обороты приговоры инквизиции были весьма выгодны королю и королеве, и поэтому они требовали дальнейшего усиления репрессий. В ответ начались жалобы папе. Поначалу Сикст IV потребовал присутствия на судах епископов, чтобы убедиться, действительно ли там судят еретиков, но вскоре он отказался от этого требования. Более того, он лично похвалил Торквемаду за то, что тот «направлял свое рвение на дела, способствующие восхвалению Бога».

Перед Торквемадой при назначении на должность поставили определенную задачу: привести все трибуналы инквизиции к единому виду, организовать

их совместную работу, дать единообразное оформление всем этапам инквизиционного процесса и выстроить четкую иерархическую структуру. Задача эта, если разобраться, была чисто менеджерская. Но те, кто назначил Торквемагу, знали, кого назначать. Торквемага с поставленной задачей справился блестяще.

В результате машина новой инквизиции заработала с пугающей эффективностью.

А разгадка этой успешности была проста: Торквемага сам никогда не брал взятки и другим не позволял. И склонности к чинопочитанию он был лишен начисто. Титул, статус, должность преступника для него не имели ни малейшего значения. Перед лицом закона для него все были равны.

Таким образом, Торквемага не придумывал новых законов. Он всего лишь заставил работать старые.

Недовольство арагонских «новых христиан»

Наибольшим репрессиям инквизиции после прихода к власти папы Иннокентия VIII подверглись именно «новые христиане», обращенные в новую для себя веру под угрозой неминуемой расправы. Они-то в конечном итоге и встали во главе антиинквизиторского заговора, а после его разгрома именно они, сами того не желая, особенно усилили власть Торквемады.

Этому способствовало то обстоятельство, что многие из высших чиновников Изабеллы и Фердинанда были потомками «конверсов». Дело в том, что в борьбе с феодальной раздробленностью, желая сосредоточить власть в своих руках, Фердинанд вместо представителей высшей арагонской аристократии стал назначать на важные административные посты в королевском совете выходцев из низшего дворянства и богатых «новых христиан». Среди последних оказались

такие влиятельные вельможи, как
протонотарий (главный секретарь высшего
суда) дон Фелипе де Клементе,
королевский секретарь дон Луис Гонсалес,
главный казначей дон Габриэль Санчес и
вице-канцлер Арагона дон Альфонсо де ла
Кавальерия.

Еврейские корни этих людей подробно
исследуются в книге испанского историка
Лопеса Мартинеса «Кастильский иудаизм
и инквизиция времен правления Изабеллы
Католической».

В частности, род дона Альфонсо де
ла Кавальерия шел от некоего Юды де ла
Кавальерия, родившегося в Сарагосе в 1230
году. Среди его сыновей и внуков самыми
распространенными именами были
Соломон и Абрам. Обращение в
христианство членов этого рода
произошло в самом начале XV века с
изменением имен на типично
католические: например, Гаспар,
Фернандо и т. д. Дон Альфонсо де ла
Кавальерия был сыном Педро де ла
Кавальерия, то есть представлял собой аж
шестое поколение от Юды де ла

Кавальериа. По законам того времени он, естественно, не был евреем, но считался «конверсо», то есть потомком обращенных в христианство евреев.

В любом случае не были евреями и дон Фелипе де Клементе, и дон Луис Гонсалес, и дон Габриэль Санчес. Все они были потомками «конверсос», но при этом входили в свиту Фердинанда Арагонского и через своих сестер, племянниц, кузин и дочерей состояли в близком родстве со многими грандами королевства. Это делало их весьма влиятельными людьми и давало серьезные преимущества, позволившие им напрямую протестовать перед двором и Римом против введения новых порядков инквизиции.

В Арагоне, главным городом которого была Сарагоса, деятельность инквизиции неоднократно вызывала взрывы народного негодования. Особенно оно усилилось после назначения чрезмерно усердных в исполнении своих обязанностей Гаспара Хуглара и Педро де Арбүэса.

Опасаясь за свою судьбу, «новые христиане» решили не дожидаться, когда

за ними придут «черные монахи». Они
отправили ко двору римского папы
специальных послов, которые должны были
ходатайствовать перед Святым
престолом об ограничении полномочий
инквизиции.

В частности, они наивно полагали,
что смогут добиться от понтифика
изъятия из нового кодекса инквизиции
статей, касающихся конфискации
имущества, идущих вразрез со светскими
законами королевства. Как минимум они
надеялись приостановить на некоторое
время их исполнение. При этом «новые
христиане» рассчитывали на то, что
отмена конфискационных статей
неприменно приведет к развалу Сунрелы.

Аналогичное посольство было
отправлено ко двору Изабеллы и
Фердинанда, главных «заказчиков» новых
законов, от которых в неменьшей степени
зависела деятельность инквизиции в
Арагоне.

Местъ арагонских инквизиторов

Узнавъ о посольствах, отправленных въ Римъ и Магригъ, инквизиторы Арагона пришли въ неописѣемую ярость и незамедлили съ отщепеніемъ. В результатѣ Гаспаръ Хугларъ и Педро де Арбѹэс обвинили нѣсколькихъ влиятельныхъ «новыхъ христіанъ» въ тайномъ исповѣдованіи иудейства. Под пытками арестованные признали все предъявленные имъ обвиненія, по требованію инквизиторовъ давали разоблачительныя показанія противъ другихъ влиятельныхъ «конверсовъ».

Кругъ жертвъ разрастался, словно эпидемія страшной болѣзни.

Начались жестокия казни, и они вызывали еще большее возмущеніе и негодованіе среди арагонскихъ «новыхъ христіанъ», многіе изъ которыхъ, страшась разделить участь сосѣднихъ кастильскихъ «конверсовъ», ставшихъ жертвами инквизиціи, были готовы сняться съ мѣста, бросивъ все свое имѣщество.

Тем временем пришли первые письма от послов, отправленных в Мадрид. Известия были более чем удручающие. Генеральный инквизитор Томас де Торквемада настолько распространил свое влияние на тамошний двор, что наивно было бы полагать, будто на Изабеллу и Фердинанда могут возыметь действие какие-либо жалобы на действия подконтрольной Торквемаде инквизиции. Изабелла Кастильская просто обожала Торквемаду, и Фердинанд тоже находился под ее и его влиянием. Оба они видели в инквизиции тот самый механизм, который должен был всех их подданных обратить в «единое стадо» (в религиозном, конечно, отношении), подобно тому, как королевская власть уравнила всех в отношении политическом. Ко всему прочему, как мы уже говорили, новые инквизиционные законы были весьма кстати алчному Фердинанду, стремившемуся любыми путями прибрать к рукам огромные состояния многих «новых христиан» (по закону о конфискации ету доставалась третья часть отобранного

мущества и обыкновенно еще почти столько же, согласно праву сильного).

В то время как другие уполномоченные арагонских кортесов еще находились в Риге, Гаспар Хуглар и Педро де Арбүэс вместе с Хуаном де Гомедесом, генеральным викарием Сарагосы, осудили еще нескольких «новых христиан» как иудействующих еретиков, сопроводив это публичными и торжественными аутодафе.

Хуан Антонио Льоренте рассказывает: «Эти казни все более и более раздражали новохристиан Арагонского королевства, которые ожидали вскоре увидеть возобновление среди них сцен, происходивших в Кастилии, где трибунал, установленный всего три года назад, погубил уже под управлением фанатичных монахов и священников тысячи жертв».

Следует отметить, что Педро де Арбүэс, ставший председателем инквизиционного суда в Сарагосе, не уступал в активности и решимости самому Торквемаде.

Акции сопротивления в Арагоне

Как совершенно справедливо отмечает У. Р. Гризүлевич, «развязанный против „новых христиан“ террор не мог не вызвать и с их стороны соответствующей реакции».

Подданные Изабеллы и Фердинанда и не думали безропотно сносить все бесчинства инквизиции. Тут и там, в разных частях королевства, произвольно вспыхивали народные волнения. Ни один человек, какое бы высокое общественное положение он ни занимал, не мог себя чувствовать в полной безопасности, поскольку нередко были случаи, когда истинной причиной ареста обвиняемого в ереси могло послужить элементарное желание завладеть его имуществом. Более того, чем состоятельнее был тот или иной человек, тем больше у него имелось шансов оказаться в пыточных подвалах священного трибунала. Все это сделало инквизицию ненавистной во всех

уголках объединенного королевства.

Как следствие, в 1485 году в Арагоне вспыхнуло очередное восстание. В Теруэле, Валенсии, Лериде и особенно в Барселоне деятельность инквизиторов также вызвала достаточно активное сопротивление.

В некоторых источниках события 1485 года в Арагоне называются восстанием, в некоторых — заговором. Особой разницы между этими терминами нет, если не трактовать восстание только как открытую акцию сопротивления группы людей против власти, а заговор не ассоциировать только с существованием неизвестного или малозаметного тайного общества, созданного некоей группой людей с целью захвата власти. Впрочем, и то и другое имело место в Арагоне, поэтому использование обоих терминов вполне правомерно.

Акции сопротивления инквизиции в Арагоне возглавили молодые дворяне из лучших семей, занимавшие весьма высокие посты в королевстве. Считается, что все

они были «конверсос» по происхождению. Метод борьбы был выбран, видимо, привычный: устроить такой ответный террор, чтобы палачи-инквизиторы побоялись сунуться на чужую территорию.

Понимая, что Католические короли никогда не отменяют новых законов инквизиции, а римский папа подтвердит любое решение Изабеллы и Фердинанда, недовольные решили организовать тайный союз, целью которого стал заговор против инквизиции. По сути, это была тайная средневековая террористическая организация, ставившая перед собой единственную задачу — посеять ужас среди инквизиторов, а также тех, кто поддерживал инквизицию и был прямо заинтересован в ее существовании.

Кроме уже упомянутых вельмож в заговоре приняли участие и другие потомки «конверсос», а также возмущенные злоупотреблениями инквизиции старые арагонские гранды, например, такие крупные землевладельцы, как дон Хуан Хименес де Урреа, сеньор де Аранда, дон Лопе, его сын, а также дон

Бласко де Алагон, сеньор де Састаго. Во главе организации встал дон Хуан де Негро Санчес.

Убедившись в тщетности легальных попыток остановить бесчинства инквизиции, эти люди решили прибегнуть к индивидуальному террору, то есть расправиться с несколькими отдельными взятыми инквизиторами в наказание тем, кто придет на их место. Они наивно полагали, что смерть инквизиторов, чьи всемогущество и безнаказанность до сих пор не вызывали ни у кого сомнения, покажет истинные настроения, царившие в Арагоне и Кастилии. В свою очередь, террористические акции должны были послужить недвусмысленным предупреждением самому королю. Мол, если Фердинанд по своей воле не пожелает отказаться от своего первоначального намерения, его земли захлестнет волна восстаний, которые очень быстро поставят под угрозу само существование монархического абсолютизма.

Хуан Антонио Льоренте пишет: «Они были убеждены, что после этого события

более не будет сомнений насчет народного настроения, что никто не дерзнет стать инквизитором и что сам король откажется от своего первоначального намерения из боязни мятежных движений, могущих разразиться в Кастилии и Арагоне».

Для начала заговорщики, понимавшие, что ни одна тайная организация не может результативно функционировать без стабильной материальной базы, обошли всех до единого арагонских марранов и евреев. С каждого была взята определенная сумма — как говорится, на «благое дело». По мнению Хуана Антонио Льоренте, это было сделано «с целью вовлечь в заговор всех новохристиан». фактически подобным добровольно-принудительным налогом были обложены все арагонцы, имевшие хоть какую-то долю еврейской крови.

Этот метод называется круговой порукой, то есть групповой солидарной ответственностью, когда все отвечают за действия и обязательства одного или нескольких лиц. Этот метод был

эффективен во все времена, позволяя
заговорщикам создать для себя
максимально глубокий социальный тыл.

Убийство инквизитора Арагона Negro de Арбүэса

Заговорщиками был составлен подробный перечень потенциальных жертв, которых следовало устранить в первую очередь и в самое ближайшее время. Разумеется, этот «черный список» возглавили инквизиторы Сарагосской епархии, всеми ненавистные Negro de Арбүэс и Гаспар Хүглар.

Всего с арагонских тарранов и евреев собрали огромную по тем временам сумму — десять тысяч реалов. Эта сумма была передана дону Бласко де Алагону. Ему же было поручено найти исполнителей.

Дон Бласко де Алагон на часть этих денег снарядил отряд наемников, и тот после короткой подготовки напал на двух инквизиторов. Но это авантюрное нападение, как и следовало ожидать, закончилось неудачно: эскорт инквизиторов — а их сопровождали вооруженные ополченцы из местной эрмандасы — разогнал недостаточно

мотивированных наемников.

Основная проблема, с которой пришлось столкнуться дону Бласко де Алагону, состояла в том, что среди дворян очень трудно было найти людей, готовых совершить убийство исподтишка. Подобное, как нетрудно догадаться, противоречило понятиям рыцарского кодекса чести. А среди всякого сброды найти нужных для осуществления задуманного людей было вообще нереально.

В итоге ему все же удалось уговорить некоего арагонского дворянина, которого звали дон Хуан де ла Абадуа и который имел родство по женской линии с обращенными в христианство евреями. Он взялся организовать то, что сейчас назвали бы террористической группой. Проще говоря, это был отряд наемных убийц, который должен был подготовить и осуществить покушение на инквизитора Педро де Арбуэса. В этот отряд, кроме самого дона Хуана де ла Абадуа, вошли еще несколько арагонских дворян со своими слугами, в частности, дон Хуан де Педро Санчес, дон Хуан де Эсперангедо и Вигаль

д'Урансо, слуга последнего, уроженец французской Гаскони.

Все они были весьма опытными людьми, настоящими воинами-профессионалами, прошедшими большую часть жизни в нескончаемых межгоусобных войнах. Естественно, они прекрасно владели различными видами оружия, техникой осады крепостных стен, неожиданных вылазок, сдерживания лобовой атаки противника и заходов с фланга, но в качестве наемных убийц они, что тоже естественно, были полными дилетантами.

Ко всему прочему, после первой попытки покушения Педро де Арбүэс стал предпринимать особые меры предосторожности. Он практически нигде не появлялся один. Его постоянно сопровождал большой отряд закованных в железо, хорошо вооруженных телохранителей. Более того, опасаясь неожиданного удара, главный инквизитор Сарагосской епархии стал носить под черным монашеским балахоном кольчугу, а также стальной шлем, который был

скрыт под плотным матерчатым колпаком. Любая попытка приблизиться к инквизитору решительно пресекалась его охраной.

Заговорщики стали подумывать о том, чтобы под покровом ночи попытаться проникнуть в спальню главного палача инквизиции. Однако ночью его дом охранялся еще тщательнее, чем днем. От этого плана, как и от других, пришлось отказаться.

Тогда один из руководителей заговорщиков — дон Хуан де Педро Санчес — убедил остальных отложить намеченную акцию на неопределенный срок. Однако члены тайного союза не отказались от своего намерения путем террора изгнать инквизицию из Сарагосской епархии. Учтя прежние ошибки, заговорщики начали более тщательно готовить покушение. Круглыми сутками дом инквизитора Педро де Арбуса находился под неусыпным наблюдением. Ни одно его передвижение не ускользало от заговорщиков. В конце каждого дня подробный отчет поступал к руководителю отряда наемных убийц.

Хуану де ла Абадиа, а затем ложился на стол к Хуану де Негро Санчесу. В конце концов слабое звено в охране инквизитора было найдено.

Заговорщики обратили внимание на то, что единственным местом, где можно было приблизиться к инквизитору, могла стать церковь, в которой Негро де Арбүэс появлялся каждый день. Во время молитвы он фактически находился без охраны, поскольку в те времена в храм запрещалось проносить оружие. Инквизитор это правило строго соблюдал, и его телохранители всегда оставались у входа в церковь. В итоге, взвесив все шансы на успех, Хуан де Негро Санчес решил, что настало время для решительного удара.

Этот удар должны были нанести Хуан де Эсперангео, Вигаль д'Урансо, Матео Рам, Тристан де Леонис, Антонио Гран и Бернардо Леофанте.

Поздним вечером, 15 сентября 1485 года, Негро де Арбүэс, как обычно, держа в руках большой посох и фонарь, вошел в церковь. В это время внутри главного зала, за одной из колонн, его уже

пожигали убийцы. Ничего не подозревавший инквизитор спокойно приставил свой посох к колонне и, поставив на каменный пол фонарь, преклонив колени, стал читать вечернюю молитву. Было за одиннадцать вечера, то время, когда прихожане уже разошлись, погасли свечи и лишь каноники в алтарной части церкви тихими голосами читали молитвы. В этот момент из-за колонны быстро вышли вооруженные убийцы. Первым выстрелом сдал с себя Хуан де Эсперангео. Его удар пришелся в левую руку инквизитора.

Как мы уже знаем, Педро де Арбүэс, чтобы обезопасить себя от возможных ударов убийц, носил под одеждой кольчугу и стальной шлем.

Заранее предупрежденные об этом Хуаном де ла Абадия нападшие намеренно старались наносить удары в незащищенные части тела своей жертвы. Обескураженный неожиданным нападением, Педро де Арбүэс отчаянно закричал, взывая о помощи, и попытался подняться с колен, однако в этот момент к нему подскочил

второй убийца. Это был Вигаль д'Урансо, французский слуга дона Хуана де Эсперангео. Целясь в незащищенную шею, он ударил наотмашь, стараясь разом снести ненавистную инквизиторскую голову. Однако в последнее мгновение Педро де Арбүэс успел отклониться и клинок шпаги лишь чиркнул по его затылку. Тем не менее эта рана оказалась потом решающей: она получилась настолько глубокой и серьезной, что стала причиной смерти инквизитора.

Сразу после этого телохранители инквизитора вбежали в церковь, но, на горе убийц, не растерзали их на месте, а, легко ранив, захватили и препроводили в подземные казематы тайной тюрьмы инквизиции.

Здесь непосредственными исполнителям заговора придется пройти через все круги ада. Им будут гробить кости в «испанском сапоге», пытать водой и огнем, подвешивать на дыбе, лишать сна.

А пока же, после двух дней предсмертной агонии, 17 сентября 1485

года, Negro de Арбүэс скончался в страшных мучениях.

Слүх о его смерти распространился по городу үже накануне. Но произведенное этим впечатление весьма отличалось от того, на что рассчитывали заговорщики. Оказалось, что они недооценили своих противников и совершенно не знали своего народа, на чью поддержку они так полагались. Народ не только не поддержал их, но и, как только слүх о смерти инквизитора распространился по Арагону, начал совершать погромы, жертвами которых стали «проклятые тарраны», осквернившие католический храм.

Как вудил, чистокровные испанцы бросились мстить за смерть Negro de Арбүэса (и это в стране, где, как утверждается, инквизицию ненавидели все от мала до велика). Народ возмүтило и само убийство инквизитора, и то, что убийство было совершено в храме. От этого, как от факела, вспыхнуло давнее раздражение, которое вызывали богатые «новые христиане», презиравшие навязанную им силой религию.

Толпа — это страшная сила.

Французский психолог Гюстав Ле Бон пишет: «Под словом „толпа“ подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причём чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты».

«Коллективной душой» легко управлять. Толпа с готовностью откликается на любой призыв. Недаром же известный классик манипуляции народным

сознанием любил говорить, что «идеи становятся силой, когда они овладевают массами».

Почему же все истинные христиане были так убеждены в том, что убийство инквизитора было совершено именно «конверсом»?

Дело в том, что инквизиторы и верховная власть умышленно представили убийство Негро де Арбуэса иудейским заговором против католической церкви. Толпе свойственны глупость и легкомыслие, благодаря которым она, замороженная красивыми словами, позволяет вести себя куда угодно. Нехитрая идея о том, что во всем виноваты евреи, осквернившие храм, легко овладела темными массами и мгновенно стала силой. В результате чистокровные христиане, собравшись в озверевшую толпу, стали атаковать дома всех, кто имел в своем роду хоть какие-то еврейские корни. Всеобщее возбуждение было столь сильно, что оно могло иметь самые ужасные последствия, если бы молодой архиепископ Сарагосы Альфонсо

Арагонский, незаконнорожденный сын (бастард) короля Фердинанда, не сел на коня и не сдержал толпу, пообещав ей, что преступники будут обнаружены и казнены смертью, которую они заслужили. Он заверил народ, решивший вершить «правосудие» самостоятельно, что на этот раз «проклятые марраны» не смогут избежать наказания, привычно раздавая взятки. Таким образом, Альфонсо Арагонский сумел отговорить людей от продолжения погромов и бойни, в сравнении с которой французская Варфоломеевская ночь показалась бы лишь малозначительным историческим инцидентом.

Пока Альфонсо Арагонский утихомиривал толпу, Изабелла и Фердинанд позвали к себе Торквемаду. Он был принят или даже не в тайном кабинете, а в спальне. Он вошел туда и среди бархатных занавесей увидел ее и его величества, сидевших за столиком у слоновой кости.

— Педро де Арбуэс... — тихо сказала королева.

– Да, – сурово ответил Торкветага. –
Мы уже принимаем меры.
– Они прятались в боковой пристройке, – дрожащим от гнева голосом произнес Фердинанд. – В храме было темно... И вот, убедившись в его беззащитности, они напали на него. Арбүэса не спасли ни кольчуга, ни стальной шлем...

– Это лжтеж... – вновь тихо сказала королева.

Фердинанд не дал ей договорить:

– Угодно ли дело наше Господу, если в центре города, в храме...

Теперь уже Торкветага не дал королю закончить начатую фразу.

– Не будьте слабы духом, мой господин, – сказал он. – Убили нашего человека, но уже на другой день народ был готов так же поступить с его убийцами. Единственное, что сплачивает чернь, – это общие ненависть и насилие.

– Мы считаем, – сказала Изабелла, – что нужно сурово покарать негодяев, остелившихся поднять руку на Божьих избранников.

Посмотрев на королеву, Торквелада ответил:

— Я сегодня же высылаю в Сарагосу трех своих людей: отца Хуана Колвера, магистра Алонсо де Аларкона и отца Педро де Монтерубио. Полагаю, такие меры не встретят возражений с вашей стороны?

— Мы одобряем ваш выбор, — взволнованно кивнул Фердинанд. — Но послужит ли все это делу объединения королевств?

Торквелада усмехнулся:

— А разве не на крови Юлия Цезаря и Цицерона построил свою империю великий Октавиан?

— Мы слышали, что множество людей по подозрению в соучастии уже брошены в тюрьму, уже начались пытки, — вновь вступила в разговор королева.

— Эра милосердия и снисхождения к врагам окончена! И окончена она не нами...

Томас де Торквелада знал, что говорил. Устав инквизиции предписывал следователям применять пытку в отношении подозреваемых лишь один раз,

однако даже эти талые права
последственных теперь грубо и цинично
нарушались. В противном случае у
молодых дворян-заговорщиков, людей
сильных и телом и духом, был бы шанс
если не оправдаться, то как минимум
спассти других организаторов и
участников заговора. Теперь все было по-
другому. Эра снисхождения к врагам ушла
в прошлое, а когда следователи уставали
(ведь тоже не железные), они не
прекращали пытку, а просто на время
приостанавливали ее, чтобы отдохнуть и
набраться новых сил.

Под изуверскими пытками первым
«сломался» Вигаль д'Урансо. Взятен на
обещание прекратить пытки и получить
помилование он вызвался рассказать о
заговоре и тайном союзе все, что было ему
известно. Таким образом, нити всего
заговора очень скоро оказались в руках
инквизиторов.

Вигаль д'Урансо раскрыл
инквизиторам имя руководителя тайного
союза, Хуана де Педро Санчеса, который
накануне ареста успел со своей семьей

бежать в соседнюю Францию. Отчаявшись
добиться его выдачи, 30 июня 1486 года
инквизиторы предали символическому
сожжению его набитое соломой чучело.
Остальных участников заговора — тех,
кому не удалось вовремя покинуть пределы
Испании, постигла куда более страшная
участь.

Важно отметить, что людей
арестовывали как мятежников, а не как
еретиков. Король Фердинанд в конечном
итоге рассудил, что сопротивление его
воле достойно кары в большей степени,
нежели осквернение храма. Наказание было
таким, что многие приговоренные,
думается, предпочли бы костер.

Публичной епитимье и пожизненному
заключению подверглись сотни
представителей испанской знати городов
Сарагоса, Калатаюд, Барбастро, Уэска и
Тарасона. Среди них оказались и дон
Бласко де Алагон, непосредственно
стоявший за убийством Педро де Арбуэса,
и главный казначей короля Фердинанда
Габриель Санчес, и королевский секретарь
дон Луис Гонсалес, и вице-канцлер Арагона

дон Альфонсо де ла Кавальерия, принадлежавший к одной из знатных фамилий Сарагосы и пользовавшийся большим расположением короля, и протонотарий Арагона (главный секретарь высшей судебной инстанции) дон Фелипе де Клементе. Многие из осужденных на пожизненное заключение от полученных во время пыток увечий умерли вскоре после вынесенного приговора.

Хуана де Эсперангео и других главных участников убийства Педро де Арбуэса перед казнью привязали к лошадам и протащили по улицам Сарагосы. Судьи приговорил их к медленной показательной смерти в наизгание тем, кто в будущем решится покушаться на святыню инквизицию. Перед смертью приговоренным отрубили руки и лишь затем повесили. Как правило, жертвы палачей испускали дух задолго до того, как их головы просовывали в петлю. Затем тела казненных четвертовали, то есть разрубили на несколько частей и, насадив на кол, выставили на основных дорогах, ведущих в город.

Единственным из арестованных, кому удалось избежать столь страшной участи, стал Хуан де ла Абадиа. За несколько часов до начала показательной казни, оставшись на какое-то время без пристотра надзирателей, он повесился в тюремной камере. Тем не менее палачи нагрудали на его трупом. Его тело выволокли на эшафот и подвергли тем же издевательствам, какие было суждено перенести перед смертью его товарищам.

Что касается Вигалья д'Урансо, то потилование, обещанное ему за предательство, ограничилось лишь следующей «великой милостью» — в отличие от других приговоренных ему отрубили руки уже после того, как он испустил дух.

Таким образом, заговор был подавлен с максимальной жестокостью.

Воспользовавшись этим, король Фердинанд сумел еще более укрепить свою власть в Арагоне, избавившись от всех неугодных ему людей. Под предлогом борьбы с «коварными заговорщиками» практически всю испанскую знать

пропустили через страшное сиденье
трибунала инквизиции. При этом
достаточным доказательством соучастия
в преступлении была просто дружба с
подозреваемым в заговоре или, что
считалось еще более страшным, оказание
помощи беглецам.

Например, дон Хаиме Диез де Окс
Арменгарис, сеньор города Кадрейты,
знаменитый рыцарь Наварры и предок
герцогов де Альбукерке по женской линии,
был присужден к публичной епитимье за
то, что укрыл на одну ночь в своем доме
Гаспара де Санта-Крус, Гарсию де Мороса
и Мартина де Сантанхела, которых
происходившее вынудило покинуть
Сарагосу.

То же наказание постигло некоторых
знаменитых рыцарей города Туделы,
принявших Хуана де Негро Санчеса и
других беглецов.

Судьба тех, кому все же удалось
бежать, сложилась не более счастливо.
Например, тот же Гаспар де Санта-Крус,
бежавший во Францию, в Тулузу,
странным образом умер вскоре после того,

как его чучело было публично сожжено в Сарагосе. Потом по приказанию инквизиции был арестован один из его сыновей, способствовавший бегству отца. Он подвергся публичному наказанию и был присужден взять копию приговора над его отцом, поехать в Тулузу, передать там этот документ местным монахам-доминиканцам с просьбой, чтобы труп его отца был вырыт для сожжения, и затем вернуться в Сарагосу для передачи инквизиторам подробного протокола этой экзекуции.

От гнева инквизиции не могло спасти даже королевское происхождение. Доказательством может служить тот факт, что лишь за нарек в пособничество бегству нескольких заговорщиков родной племянник Фердинанда Арагонского, дон Хаиме Наваррский, сын Элеоноры, королевы Наваррской, и Гастона де Фуа, оказался в пыточных подвалах инквизиции. А ведь это был наследник наваррского престола. По словам Хуана Антонио Льоренте, инфант «был заключен в тюрьму инквизиции в Сарагосе, из которой

он вышел только для того, чтобы подвергнуться публичной епитимье».

Заметим, что этот вполне достойный человек был нелюбим королем Фердинандом, и инквизиторы знали это, когда принимали решение посягнуть на его свободу.

Примеры творившихся расправ можно было бы приводить еще очень долго. Но дело тут не в конкретных фамилиях пострадавших испанских грандов и не в описаниях наказаний. Главное состоит в том, что убийство инквизитора Педро де Арбүэса оказалось весьма выгодно Фердинанду Арагонскому, который благодаря ему сумел укрепить свою власть и устранить всех своих противников.

М. В. Барро в своем очерке о Торквемаде пишет: «С развязкой этой трагедии, несомненно, связано имя Торквемады. Как великий инквизитор, он, конечно, принимал живейшее участие в жестокостях, которые были ответом на убийство Арбүэса».

Святая инквизиция равным образом сумела извлечь выгоду из этого убийства

для исполнения своих намерений. Под
благовидным предлогом защиты
католической веры она еще более упрочила
свои позиции. Тем не менее с тех пор
Томас де Торквемада, которого враги
ненавидели намного сильнее, чем его
подчиненных вместе взятых, повсюду стал
ходить только с хорошо вооруженным
эскортом.

Что же касается погибшего Педро де
Арбүэса, то Фердинанд не пожалел денег
на пышные похороны и торжественные
церемонии. Давно не видела Сарагоса
такого прекрасного обряда погребения.
Тело инквизитора отпевали неделю.

Как мученик за святую веру, Педро де
Арбүэс был в 1664 году причислен папой
Александром VII к лику блаженных, а в
1867 году канонизирован.

Ему воздвигли великолепную
каменную гробницу, на которой высекли
надпись. В ней, помимо всего прочего,
Педро де Арбүэс называется «сильнейшим
католком», который своей силой «удаляет
отсюда всех евреев», а также
утверждается, что на нем «Бог основал

свое дело», то есть инквизицию.

В часовне, построенной в честь Педро де Арбуэса рядом с его гробницей, видна надпись, в которой инквизитор называется духовником (confessori) королевы Изабеллы, хотя на самом деле он им не был. Столь странное утверждение можно объяснить тем, что оба государя, чтобы сделать инквизиторов более почтенными, сочли уместным даровать им звание, связанное с почестями, которыми пользовались настоящие королевские духовники. А в эпитафии, выбитой на камне, который был положен на месте погребения инквизитора тогда, как после беатификации его прах был перенесен в часовню, он назван «за свою ревность возненавиденным евреями и ими убитым».

В 1486 году папа Иннокентий VIII еще более расширил полномочия Торквемады, назначив его на должность генерального инквизитора Каталонии и Валенсии. Фактически с этого момента Торквемада стал главой инквизиции всей Испании. «Неохваченным» оставался лишь так называемый Гранадский эмират

(Reino de Granada) – последнее исламское
государственное образование на
территории Пиренейского полуострова.

Конец Гранадского эмирата

Прежде чем рассказать о завоевании Гранады, хотелось бы напомнить, что Пиренейский полуостров был оккупирован маврами, то есть мусульманами из западной части Северной Африки (арабами и берберами), еще в VIII веке.

Историк Кристиан Дюверже по этому поводу пишет: «В XI веке началась Реконкиста — освободительная война, которую повели наследники христиан-вестготов. Именно в этой борьбе снискал себе славу знаменитый Сиг — Родриго Диас де Бивар. В XIII веке после решительной победы христиан при Лас-Навас-де-Толоса в 1212 году мусульмане вынуждены были отступить, удержавшись только в королевстве Гранада в южной части полуострова.

С этого времени христианских правителей не оставляла мечта о единой Испании. Но до единства было еще далеко. Пиренейский полуостров оказался разделенным на три основных блока —

Португалию на западе, примерно в тех границах, что она занимает и теперь; Кастилию в центре; и Арагон на востоке».

Следует также напомнить, что мусульманская оккупация нынешней Испании проходила в жутких условиях и по самым жестоким законам «войны с неверными», не располагавшим к милосердию.

Территория Гранадского эмирата включала в себя высокогорную область Сьерра-Невада и все средиземноморское побережье от Веры до Гибралтара.

Эмират был основан в XIII веке в оккупированной арабами части Иберии в результате стычки, возникшей с распадом державы Альмохадов. В 1232 году султан Мухаммед-Абү-Абдалла-аль-Хатар овладел городом Хаэн, а затем был признан в округах городов Баса, Гүадис и Гранада. В Гранаде в 1238 году он установил местопребывание своего двора и основал, таким образом, Гранадский эмират.

Когда в ходе Реконкисты (исп. Reconquista – отвоевание), то есть в

процессе отвоевания христианами земель на Пиренейском полуострове, занятых мавританскими королевствами, Кастилия овладела Кордовой — главным городом мусульман полуострова — и рядом других более мелких опорных городов, Мухаммед Абд-Абдалла-аль-Хатар в 1246 году был вынужден уступить Хаэн, а затем своими войсками помог христианам взять Севилью. Взятые христиане пообещали оставить его владения в покое. Наступило длительное перемирие, и Реконкиста вступила в вялотекущую фазу, но кроме Гранадского эмирата у мусульман не осталось больше владений на полуострове.

Гранада не зря слыва самой процветающей провинцией Испании. Ее экономическому благополучию способствовали многие условия: в ее горах добывались полезные ископаемые, ее порты были самыми крупными и важными на полуострове, поля и пастбища никогда не страдали от засухи, а люди, ее населявшие, умели не только не разбазаривать, но и приумножать богатства, доставшиеся им от предков.

Самая Гранада, столица эмираата, была самым красивым городом Испании. Обнесенная высокими каменными стенами со множеством башен и бойниц, она казалась неприступнейшей из крепостей, когда-либо возводившихся на Пиренейском полуострове, но мавры гордились не только бастионами Гранады. Большинство ее домов было украшено затейливыми восточными орнаментами, а их покрытые настоящим кровельным железом крыши сверкали при свете солнца и звезд, точно выполненные из чистого серебра.

Самым красивым строением Гранады по праву считался высившийся на вершине холма величественный дворец Альгамбра. Окруженный глубоким рвом с двумя подъемными мостами, он не только радовал глаз своими изящными колоннадами, не только улажал знатных мавров своими роскошными бассейнами и банями, но и в случае опасности мог укрыть почти всех жителей столицы и сорокатысячную армию ее защитников.

И вот теперь наступило время

окончательно избавить землю Испании от мусульман, на много столетий обосновавшихся на юге полуострова в районе Гранады.

Этот город был захвачен маврами в 711 году, и его стали называть на арабский манер — Шьбира.

В XV веке в Гранадском эмирате проживало три миллиона человек, мирных и терпимых. Но это лишь теперь они стали такими. Под давлением обстоятельств эмират — этот последний мавританский анклав на полуострове — вынужден был идти на компромиссы: его глава в свое время даже признал себя вассалом короля Кастилии и платил ему дань. Впрочем, все это было лишь жалким подобием мира и добрососедства. В 1476 году, воспользовавшись гражданской войной, которая исключала ответный удар кастильских войск, тогдашний султан Абу аль-Хасан вдруг отказался платить дань. Потом, обнаглев от безнаказанности, он в декабре 1481 года совершил набег на маленький христианский городок Захара, уведя, как это всегда бывало, всех его

жителей для продажи в рабство. Подобное уже не могло остаться без достойного ответа...

Однако пока прервем наш рассказ и порассуждаем на тему, что представляла собой территория Пиренейского полуострова под мусульманским игом. Это очень важно для понимания того, что происходило в начале 90-х годов XV века.

Историк Жан Севиллья пишет: «Когда описывают мусульманскую Испанию как модель мирного сосуществования между религиями — это похоже на небывицу».

Мануэла Марен, говоря об отношении мусульман к местному населению в Аль-Андалусе^[25], еще более категорична: «Легенда пропитала собой политические выступления и стала риторическим аргументом, удобным для того, чтобы утверждать, что характер отношения к другим культурам был благотворным. Но этот миф функционирует лишь потому, что сегодня в этом есть необходимость».

Так что же имело место на самом

геле?

У Жана Севиллья читает: «Если была христианская Реконкиста, это значит, что до этого было мусульманское завоевание. Реконкиста представляет собой очень долгое предприятие (семь веков), отмеченное в обоих лагерях чередованием наступлений и отступлений. Это долгая и очень сложная история, в которой территориальные и политические мотивы значили не меньше религиозных факторов. На всем своем протяжении, как и на Востоке во время Крестовых походов, она представляла собой войны между христианами, войны между мусульманами, между мусульманами, союзными с христианами, и наоборот. Детальное изучение Реконкисты требует хронологического подхода и углубления в нюансы. Если же давать картину крупными мазками, это было не просто противостояние между исламом и христианством».

Жозеф Перес констатирует: «Нужно отказаться от идеи об Испании, где представители трех религий —

христиане, мусульмане и евреи — жили во взаимопонимании во время первых веков мусульманского владычества, а потом в христианской Испании XII и XIII веков».

По поводу последней историк Жан Севилля пишет: «Как это не удалось с евреями, политика ассимиляции путем массового обращения в христианство не удалась и с мусульманами. Невозможно насиловать разум: никто не отречется от своей культуры и своей веры по принуждению. Это великий урок. Однако судить за это только христианскую Испанию — это значит совершать большую ошибку. В ту эпоху ни одна мусульманская страна не относилась толерантно к христианам на своей территории. Точно так же обстоит дело и в XXI веке в большом числе мусульманских стран».

А пока же Изабелла и Фердинанд задались целью полностью покорить Гранаду. Мобилизовав по тем временам огромное войско в десять тысяч конных рыцарей и сорок тысяч пехотинцев, а также подготовив мощную артиллерию,

они с 1482 года предприняли несколько военных походов на эмират.

Последний удар был нанесен в 1491 году.

В течение зимы 1490/91 года король Фердинанд занимался тщательными приготовлениями к решающей кампании, которая должна была решить судьбу Гранады. Поскольку речь шла о торжестве христианской веры, король решил, что ее враги сами должны нести расходы на эту войну. Поэтому налоги были усилены, в том числе на иудеев и синагоги.

Одиннадцатого апреля 1491 года Изабелла и Фердинанд отбыли на гранадскую границу, чтобы торжественно начать осаду Гранады и не отступить от задуманного до тех пор, пока католический штандарт не будет реять на башнях Альгамбры. Многие гранды королевства, особенно из областей, удаленных от Гранады, предвизя, что это будет утомительная осада, требующая более терпения и бдительности, чем воинских подвигов, отправили под Гранаду только своих вассалов. Однако все ведущие

полководцы Католических королей
последовали за своими сюзеренами. Тут
были и маркиз Кагуса Родриго Понсе де
Леон, и граф де Урена, и дон Алонсо де
Агилар, и его брат Гонсалво де Кордова, и
Диего Кастрильо, магистр ордена
Калатравы, и многие другие.

Армия короля Фердинанда
продвигалась по горным долинам и 23
апреля достигла деревни Лос-Огхос-де-
Хескар, что буквально в двух шагах от
Гранады. Солдаты были взволнованны; все
чувствовали, что наступает время
решающего сражения.

Эмир Боабдил собрал свой совет в
Альгамбре. Из окон дворца он уже видел
облака пыли, поднятые христианскими
войсками. Среди членов совета царили
испуг и замешательство. Многие
рекомендовали Боабдилу положиться на
великодушные христианских монархов.

Жан Пьер Клари де Флориан в книге
«Гонсалво де Кордова, или Отвоеванная
Гранада», впервые опубликованной в 1791
году, пишет: «Мусульмане оставались
лишь в Гранаде. Там еще правил Боабдил;

этот несчастный правитель, ожесточенный неудачами, повернул свою ярость против своих же подданных, которыми он правил, как тиран. Монархи Кастилии и Арагона, несмотря на якобы союз с этим слабым человеком, потребовали от него передачи им его столицы... Боабдил был возмущен подобным вероломством. Но было не до жалоб; нужно было сражаться или прекращать править. Маврский правитель принял самое благородное решение: он приказал защищаться. Фердинанд во главе армии в шестьдесят тысяч человек, элиты двух королевств, 9 мая 1491 года приступил к осаде Гранады».

Напомним, что в то время Гранадой управлял насридский правитель Мохаммад XII, или Абү-Абдаллах (отсюда и произошло имя Боабдил, более известное европейцам), сын коварного Абү аль-Хасана, последний мусульманский халиф на территории нынешней Испании (он стал халифом Гранады после того, как в 1482 году при поддержке амбициозной матери изгнал собственного отца).

В течение весны Гранада была
плотно осаждена. В нескольких
километрах от города был сооружен
мощный укрепленный лагерь под названием
Санта-Фе (исп. Santa Fe - святая вера).
Король Фердинанд, поднапоревший в
военных делах, окружил его глубокими
рвами и сильными стенами. Лагерь имел
четырехугольную форму. Он, подобно
городу, был разделен на улицы и кварталы,
а войска располагались в палатках. Когда
обустройство лагеря было закончено,
королева Изабелла прибыла под Гранаду,
чтобы лично присутствовать при осаде.

Хотя Гранада и была теперь
отрезана от внешней помощи, тем не
менее ее мощные башни и толстые стены,
казалось, могли бросить вызов любому, кто
попытается на них напасть. В последнем
оплоте мавров собрались остатки войск со
всего эмирата. Фердинанд видел, что
любая попытка взять город штурмом
будет рискованной, очень кровавой, а то и
вовсе безнадежной. И тогда он решил
задушить Гранаду голодом. Для этой цели
его армия razорила окружающую долину и

сожгла все деревни, от поступления продовольствия из которых зависел город. Разведывательные отряды христиан заняли перевалы в горах южнее Гранады и перехватывали все конвои. Положение посаженных мусульман стало практически безнадежным.

Жан Пьер Клари де флориан описывает Гранаду следующим образом: «Этот большой город был защищен мощными стенами, тысячей тридцатью башнями и множеством укреплений, нагроможденных одно на другое. Несмотря на кровопролитные гражданские войны, он еще насчитывал более двухсот тысяч жителей. Это было все, что осталось от храбрых воинов, оторванных от их родины, от их религии и их законов, и все они собрались за его стенами. Отчаяние угваивало их силы».

Встревоженный подобным положением Боабдил вновь созвал совет, который собрался в большом зале Альгамбры. Боабдил потребовал от участников совета четко сказать, есть ли силы к дальнейшему сопротивлению.

Ответ был один: «Надо сдаваться».

После этого Боабдил вступил в переговоры с Изабеллой и Фердинандом.

Доминиканский монах Антонио Азапига^[26] в «Хронике завоевания Гранады» пишет: «Вся Гранада с трепетом ждала результата этих переговоров. После продолжительных дебатов было решено, что Католические короли не будут предпринимать никаких атак в течение семидесяти дней, но после истечения этого срока город должен быть сдан».

В результате Гранада капитулировала.

Антонио Азапига в своей «Хронике завоевания Гранады» пишет: «Капитуляция Гранады была подписана 25 ноября 1491 года, и она положила конец военным действиям, которые шли в течение многих лет».

А на шестой день нового, 1492 года королева Изабелла и ее венценосный супруг победителями торжественно въехали в город, последний бастион мусульманской религии на испанской земле. Они были

уверены в том, что католицизм отныне стал прочным фундаментом их власти. Рядом с ними ехал и Томас де Торквемада, но для него эта победа была неполной. С таврами-то наконец разделались, но вот не желающие принимать христианство евреи еще остались, в том числе и в Гранаде...

И все же произошедшее никак нельзя было недооценивать. Капитуляция Гранады имела огромное значение, так как этим был положен конец правлению мусульман на Пиренейском полуострове, и сделано это было лишь спустя 781 год после незабываемого трагического поражения Родериха^[27], последнего короля вестготов, на берегах Гвадалеты.

Капитуляция Гранады ознаменовала завершение бесконечно долгого и трудного процесса Реконкисты Пиренейского полуострова христианским миром. Это был поистине выдающийся успех. Теперь с таврами на христианской территории было покончено и было устранено самое серьезное препятствие на пути

государственной целостности на
полуострове (с завоеванием Гранады
Испания получила практически такую же
территорию, какую занимает в наши дни).

По условиям капитуляции город
должен был быть сдан со всеми его
воротами, башнями и крепостями. Все
христианские пленники эмира Боабдила
должны были быть освобождены без выкупа.

Королеву Изабеллу и Торквемаду
принято называть религиозными
фанатиками. Но это явно несправедливо.
Настоящие религиозные фанатики на их
месте утопили бы Гранаду в крови
неверных, которые и сами никогда не
отличались особым милосердием по
отношению к христианам. Более того, не
стоит забывать, что описываемые
события происходили в XV веке, а тогда
любое проявление милосердия
воспринималось как свидетельство
слабости духа. Изабелла и ее наставник,
казалось бы, не должны были мучиться
вопросами совести...

Через 300 лет в аналогичной
ситуации «просвященный и глубоко

тиролюбивый» Наполеон Бонапарт в ходе Египетской экспедиции приказал расстрелять всех взятых в плен арабов — защитников Яффы. Его нынешние почитатели утверждают, что такова была «трагическая реальность», что, «когда ведешь войну, надо иметь в себе силы перебарывать свои чувства»...

И как же поступил с побежденными мусульманами генеральный инквизитор, который, согласно принятому мнению, был «жесток, как повелитель ада»? Как же поступила его духовная ученица?

Их решение было поистине открывающим «новый период слепого фанатизма, насилия и террора». Урония тут вполне уместна, так как сам Боабдил и члены его совета обязаны были всего лишь принести присягу Кастильской короне, а всем жителям Гранады следовало стать подданными Католических королей. До выполнения этих условий 500 заложников из самых знатных семейств были отправлены в Санта-Фе.

Таковы были основные условия капитуляции Гранады. Были и другие

статьи, тайные, которые касались семейства Боабдила. Эти статьи сохраняли бывшему эмиру, его жене, матери, братьям и прочим родственникам все принадлежавшее имущество с правом продажи кому угодно и при любых обстоятельствах. Кроме того, Боабдилу и его потомкам оставили во владение несколько городов к востоку от Сьерра-Невады, а еще он должен был получить 30 тысяч мараведи (золотых монет, чеканившихся в Испании и Португалии в XII-XIII веках по образцу золотого арабского динара).

Антонио Азапига рассказывает: «Мавры Гранады должны были стать подданными испанских монархов, сохранив имущество, оружие и лошадей, уступив только артиллерию. Им сохраняли... управление кади^[28], который должен был отчитываться перед христианским губернатором».

Историк Кристиан Дюверже пишет: «Жители Гранады могли по выбору или свободно выехать в Магриб со всеми

ценностями или остаться в городе».

При этом, по словам Антонио Азапиды, тем, кто решил уехать в Африку, «обеспечивался бесплатный пропуск с иммунитетом до любого порта, который они выберут».

Условия капитуляции были подписаны в Санта-фе Изабеллой и Фердинандом, а после этого Боабдил собрал свой совет и сообщил, что эти статьи – лучшее, что можно было получить от христиан.

Как видите, плененным мусульманам и лично Боабдилу было сохранено самое главное – жизнь. Более того, первоначально договор о капитуляции гарантировал вполне лояльное отношение к побежденным маврам при условии, что они будут исправно платить налоги и добровольно обратятся в христианство.

Историк Жан Севилля приводит весьма интересные данные: «В ходе Реконкисты мусульмане остались на христианской территории. Их было 30 тысяч в Арагоне, 50 тысяч – в королевстве Валенсия (оно зависело от Арагонской короны), 25 тысяч – в Кастилии. В 1492

году падение Гранады увеличило до 200 тысяч число мавров, оказавшихся под юрисдикцией королевы Изабеллы и короля Фердинанда. Это было бедное население – мелкие ремесленники и сельскохозяйственные рабочие. Мудехары^[29] остались свободными и могли практиковать свою религию... Но в целях достижения духовного единства Испании, при поддержке Церкви, Католические короли повели политику конверсии. После 1492 года двое из членов семьи Боабдила были обращены в католицизм. Считаясь инфантами Гранады, слившиеся с высшей испанской аристократией, они стали ярыми сторонниками Короны. Расизм – в том смысле, в котором мы это подразумеваем, – в этом деле отсутствовал. Епископ Гранады выучил арабский и стал обучать ему свое духовенство. Он издавал официальные вероисповедные документы на арабском и на кастильском».

Проблема заключается лишь в том, что условия договора в конечном итоге не

были в полной мере соблюдены. Но вот по чьей вине это произошло?

Хуан Антонио Льоренте по этому поводу рассказывает: «Огромное множество мавров приняло христианскую веру притворно или совершенно поверхностно; в основе их обращения в новую религию лежало желание снискать уважение победителей; крестившись, они вновь стали исповедовать магометанство».

Жан Пьер Клари де Флориан констатирует: «Такой была капитуляция, условия которой испанцы соблюдали плохо».

Да, соблюдали плохо. Но почему? Побегденного эмира Боабдила со всеми его многочисленными родственниками направили в долину Нурхена, где ему выделили маленькую, но плодородную территорию, включая несколько небольших городков в районе Альпыхарра. Здесь, окруженный послушными вассалами, преданными друзьями и любящим семейством, Боабдил начал новую жизнь, размеренную и спокойную.

Однако все попытки склонить Боабдила к отречению от ислама и принятию христианства оказались безуспешными. Это его упрямство и нежелание соблюдать достигнутые договоренности еще больше усилили недоверие к нему со стороны Изабеллы и Фердинанда, которые, зная о коварстве мусульман, не могли чувствовать себя полными властителями обретенных земель, пока на них проживал тот, кто мог бы попытаться восстановить свои права на трон. Поэтому стесненного эмира окружили шпионами, которые сообщали Католическим королям и Торквемаде обо всех словах и действиях Боабдила.

В конце августа 1493 года умерла жена Боабдила. После этого он, по словам Кристиана Дюверже, «немедленно продал Короне свои крошечные владения в Альнұхарре и перебрался в Марокко. Его примеру последовала вся мусульманская элита Гранады».

Лишь после этого, когда основной отток прекратился, в 1499 году все гарантии терпимости по отношению к

мусульманам были отменены, а ислам запрещен.

Принято считать, что Изабелла и Фердинанд пообещали, что в течение сорока лет инквизиция не будет вмешиваться в дела гранадских «новых христиан» (принявших крещение мавров называли морисками). Однако она все-таки была учреждена в Гранаде, и произошло это под тем предлогом, что туда скрылось очень много евреев, подозревавшихся в вероотступничестве. В результате к 1502 году все не принявшие крещения были высланы с этой территории.

Живший в XVIII веке доктор теологии Николя Бержье констатирует: «После завоевания Гранады инквизиция развернулась в Испании с такой силой и суровостью, какой никогда не имели обычные трибуналы».

Глава пятая

Изгнание евреев

Подготовка к изгнанию

Агелина Рюкүа в своей книге «Средневековая Испания» отмечает: «В Средние века религия была эквивалентом закона (люди жили по законам Магомета, по еврейским или по христианским законам), она лишь в XX веке стала явлением культуры».

Это очень важное замечание, ибо тот, кто не соблюдает закон, — преступник, а с преступниками нужно бороться.

По словам Кристиана Дюверже, «католическая религия станет для Фердинанда и Изабеллы средством реализации политики объединения».

Этот историк подчеркивает: «Фердинанду и Изабелле был брошен вызов: им предстояло объединить страну, раздробленную противоречивым ходом истории и средневековой политической организацией. Изабелла приняла простое решение: цементом единства Испании станет религия».

Следует уже привыкнуть к тому, что, когда говорят «Изабелла приняла решение», нужно понимать так: Изабелла под воздействием Торквемады приняла решение. Королева — и мы это уже не раз отмечали — с детства находилась под сильнейшим влиянием своего духовника, и именно Торквемада предложил ей чистоту веры в качестве национальной идеи, которая должна была объединить страну.

После капитуляции Гранады, когда было покончено со сторонниками ислама, Торквемада сразу же повел речь о том, что в Кастилии и по всей Испании множество лжеобращенных иудеев, глумятся над доверчивыми христианами, что можно объяснить лишь слабостью веры, унаследованной христианами отцов. Он объявил, что само Провидение привело его на пост защитника истинной веры, избрало его орудием Божественного правосудия на земле и он не даст себя провести уловками, которыми так легко дурачат маловерных.

Теперь Торквемада был уверен в том,

что настало время покончить с коварными еретиками-евреями. Для этого он придумал то, что потом было практически повторено в СССР в XX веке. Торквемада инициировал «дело о евреях-отравителях». Его агентом была найдена пропитанная ядом облатка – круглый листок из пресного теста, который кладут в рот католику во время причащения. Как было сказано, именно так евреи собирались отравить правоверных христиан. Кто, когда и как нашел эту облатку, почему именно таким диким способом планировалось отравление? Эти и прочие подобные вопросы никого уже не интересовали. О чем тут говорить – евреи должны или честно и искренне креститься, или убраться из страны.

Надо сказать, что подготовка к изгнанию евреев началась задолго до 1492 года. Достаточно вспомнить, что еще в 1490 году было инициировано так называемое дело «святого думя из Ла-Гвардии» (El Santo Neco de La Guardia).

А было так. Агенты Торквемады вышли на след ритуального убийства

пятилетнего христианского ребенка в
городке Ла-Гуардиа под Толедо. После чего
в 1491 году в Кастилии прошел
инквизиционный процесс, в результате
которого несколько евреев и «конверсов»
были признаны виновными в этом ужасном
преступлении и сожжены.

Без всякого сомнения, это было самое
знаменитое из подобных дел на
Пиренейском полуострове и, принято
считать, прекрасно срежиссированный
инквизицией повод к изгнанию евреев.

А началось все с ареста в июне 1490
года в Асторге некоего «конверсо» Бенито
Гарсиа из Ла-Гуардии по обвинению в
приверженности иудаизму и контактах с
иудеями. Его доставили на допрос к Педро
де Виллага, главному викарию Асторги.
Во время допроса Бенито Гарсиа среди
своих сообщников назвал некоего Юсефа
Франко из соседнего городка. Тому, в свою
очередь, были инкриминированы
свержение «новых христиан» в иудаизм и
участие в ритуальном убийстве
христианского мальчика, якобы
совершенном в Ла-Гуардии. В результате

по обвинению в ереси и преступлениях против католической веры арестовали целую группу людей, как евреев, так и «конверсов». При этом выдвинутые изначально обвинения были довольно расплывчатыми, и облик преступления сформировался лишь в ходе расследования.

Совершенно очевидно, что в ходе расследования последственные, стремясь получить более мягкий приговор, частично признавали выдвинутые обвинения, но при этом основную вину пытались возложить друг на друга. Инквизиторов это не смущало, и через несколько месяцев «напряженной работы» дело приобрело следующие очертания. В Страстную пятницу 1488 года пять евреев и шесть «новых христиан» собрались в пещере недалеко от Ла-Гардии. Там они распяли пятилетнего христианского мальчика. А до этого они высекли его, заставили нести крест и подвергли тем же страданиям, какие описаны в Новом Завете применительно к Иисусу Христу. После всего этого они вырвали у ребенка сердце и совершили над ним магический

обряд, с целью изготовления той самой
ядовитой облатки, при помощи которой
они хотели отравить запасы воды
христианского населения.

Конечно же, изуверский обряд не
увенчался успехом, однако
ответственность за колдовской замысел
была возложена на двух докторов-евреев
(один из них на момент следствия уже
умер, а другой жил в Саморе, довольно
далеко от Толедо). Примечательно, что
первого не осудили постертно, как это
было принято в инквизиторской практике,
а второго даже не стали искать, что
дает отличный повод считать дело
полностью сфабрикованным. Не было
найдено и следов жертвы. Так сказать, «за
давностью событий» этот очень важный
вопрос так и оставили открытым. Было
лишь объявлено, что в тот год в
окрестностях Ла-Гуардии пропало
несколько детей...

Двадцать седьмого августа 1490 года
Томас де Торквемада отдал приказ
доставить обвиняемых в Авилу для суда.
Для ведения процесса он назначил

инквизиторов Педро де Виллага, Хуана Лопеса де Сигаль и брата Фернандо де Санто-Доминго.

Шестнадцатого ноября 1491 года основных обвиняемых (восемь человек) сожгли на костре в городе Авила, а их жертва была провозглашена святой.

Считается, что это дело, получившее в исторической литературе название «кровавый навет», было начато по специальному распоряжению генерального инквизитора Торквемады. Якобы сам Торквемада был готов заняться им лично, «если бы не другие неотложные обязанности», в результате чего он поручил его трем другим инквизиторам.

Большинство историков сходятся во мнении, что вся эта история со «святым дитя из Ла-Гуардии» была плодом политической мысли Томаса де Торквемада: генеральный инквизитор якобы задумал использовать безотказное средство воздействия на общественное мнение. Он будто бы хотел оправдать деятельность инквизиции, придав ей роль защитника истинных христиан от

коварства «новых христиан», действовавших заодно со своими бывшими единоверцами. Якобы все это было задумано Торквемадой для того, чтобы оправдать грядущее изгнание евреев — в глазах как всего общества, так и, возможно, самих Католических королей. Однако ничему этому нет документальных подтверждений. Более того, например, в декрете об изгнании евреев, изданном Изабеллой и Фердинандом всего через несколько месяцев после завершения дела о ритуальном убийстве «святого младенца из Ла-Гвардии», оно вовсе не упоминалось среди еврейских прегрешений.

А вот мнение об этом деле исследователя испанского еврейства Уцхака Бера: «Ясно одно: убийство в ритуальных или магических целях — преступление, абсолютно несовместимое с установками еврея... Совершенно очевидно, что обвинение выросло из антисемитской литературы предыдущего века, а не из признаний арестованных... Нельзя даже допустить мысли о том, чтобы евреи

стали использовать христианские культовые предметы или согласились на участие „конверсов“, которых не считали иудеями и которые не были даже обрезаны... Нет ни тени сомнения: обвинения в распятии ребенка и колдовстве были изобретениями антисемитской пропаганды».

Следует отметить, что подобная точка зрения была и продолжает быть канонической для большинства исследователей.

В частности, С. Г. Лозинский в своей «Истории инквизиции в Испании» пишет: «Широкое развитие инквизиции сделалось возможным в Испании лишь благодаря долгой и упорной церковной пропаганде. Энергичные преследования еретиков и неустанная деятельность католических проповедников превратили испанцев, всегда относившихся с большой веротерпимостью к иноверцам, в народ фанатический, самый неверотерпимый. Венцом всех клевет и инсинуаций по адресу евреев был инсценированный великим инквизитором Торквемадой

процесс святого гитяти из Ла-Гуардии...
Процесс этот вызвал в испанском обществе сильное негодование против евреев и мавров и сыграл, без сомнения, крупную роль в решении царственной четы раз и навсегда освободить страну от еретической заразы».

Джеймс Рестон в книге «Нсы Господни: Колумб, инквизиция и поражение мавров» утверждает, что все это «было инсценировано испанской инквизицией как повод для изгнания евреев».

В 1490-1491 годах произошло еще одно важное событие, которое может быть трактовано как подготовка к изгнанию евреев из королевства Изабеллы и Фердинанда: Торквемада велел сжечь несколько иудейских Библий и еще более шести тысяч книг на аутодафе в Саламанке, на площади Святого Стефана, под предлогом того, что они были «заражены заблуждениями иудаизма или пропитаны колдовством, магией, волшебством и другими суевериями».

Хуан Антонио Льоренте, бывший секретарь инквизиции в Мадриде, по

этому поводу сожалеет: «Сколько ценных произведений при этом погибло! Единственным их преступлением было то, что их не могли понять».

Далее этот автор, страдающий, как отмечают многие исследователи, «некоторыми преувеличениями», констатирует: «Нылкое усердие Торквемады не ограничивалось преследованием людей; он знал и книги».

Примерно то же самое пишет в своей «Истории инквизиции» и Артур Арну: «Торквемада понял, что недостаточно преследовать людей и что его работа будет более успешной, если он сумеет в корне убить всякую интеллектуальную деятельность. Поэтому книги сделались объектом его особого наблюдения».

По мнению этого историка, Церковь «никогда не признавала свободы мысли и не уважала плодов ее независимой работы. Это шло бы вразрез с самыми основными ее принципами, во имя которых она существует, ибо она является блюстительницей абсолютной истины. Разве человечеству недостаточно этой

истины?»

Таким образом, Церковь взяла на себя функции цензоров, составляя список запрещенных книг, и была обязана следить за тем, чтобы ничто ее одобрения ничего не было напечатано. Костры разжигались не только для еретиков. Книжки тоже гибли в торжественных аутодафе. По словам Хуана Антонио Льоренте, инквизиторы «постоянно находили средства для цензуры книг». При этом они «не только не сообразовывались ни с папской буллой, ни с королевскими указами, они даже пренебрегали обращением к епархиальному епископу. Совет инквизиции решал все самодично, следуя оценкам богословов, называемых квалификаторами, которые, в общем, были люди предубежденные».

Но придумал все это не Торквемада. Сожжение еретических книг и задолго до него происходило публично с целью продемонстрировать отрицательное отношение Церкви к сжигаемой литературе.

Из всего этого Артур Арну делает

следующий вывод: «Торквемада вовсе не сам изобрел преследование книг, так же как не он изобрел все остальные преследования. Он только углубил и усилил его — вот и все».

При этом, осуждая деятельность Торквемады, тот же Артюр Арну заявляет: «В 1490 году в Саламанке были сожжены Библии как зараженные иудейским духом. Вскоре после этого еще шесть тысяч томов погибло в огне. Та же участь постигла всю библиотеку дона Энрике Арагонского, принца королевской крови».

М. В. Барро в своем очерке о Торквемаде также утверждает, что великий инквизитор «уничтожил всю библиотеку королевского принца Генриха Арагонского».

Примерно то же самое пишет и Леонар Галлуа в своей книге «Краткая история инквизиции в Испании», изданной в 1823 году: «Наглость Торквемады пошла так далеко, что он обрек на уничтожение всю библиотеку дона Энрике Арагонского, принца королевской крови, охватив таким

образом своим вандалским преследованием литературы, науки и искусство».

До чего же все-таки доходит ненависть к Торквемаде! До чего же доводят некоторых его критиков, устоявшиеся за много веков стереотипы! Ему приписывают всё – даже то, к чему он не имел ни малейшего отношения...

Поясним: дон Энрике (а не Генрих – он же все-таки был испанцем) Арагонский был выдающимся поэтом и ученым. Он много занимался астрологией и алхимией и в конце жизни, удаленный от двора, жил в своем имении. После его смерти его богатая библиотека была сожжена по приказу короля. Все это так... Но произошло это в 1434 году, когда Торквемаде было всего 14 лет!

Даже признанный критик испанской инквизиции Хуан Антонио Льоренте признает, что совсем другой человек, «другой дотиниканец по имени Лопе де Барриентос, духовник кастильского короля Хуана II, подверг уничтожению библиотеку дона Энрике Арагонского.

маркиза де Вильены, принца королевской
крови, невзирая на высокое положение
этого вельможи, который был
родственником короля».

Как бы то ни было, еретические
книги сжигались и при Торквемаге. В
связи с этим Артюр Арну констатирует:
«Это было просто концом нравственности
и интеллекта. Земля превращалась в
огромный монастырь, предающийся
огуряющим обрядам ложного и
извращенного благочестия».

Принято считать, что усердие в
уничтожении «зараженных заблуждениями
иудаизма» книг при Торквемаге дошло до
последних границ если не вандализма, то
грубости и жестокости. Если на заре
инквизиции роль цензоров исполняли
епископы, то Торквемага предельно
упростил эту процедуру, и при нем книги
жгли, не подвергая их серьезному
рассмотрению.

El Decreto de la Alhambra

А завершилась вся эта подготовка тем, что в самом конце марта 1492 года в прекрасном гранадском дворце Альгамбра Изабеллой и Фердинандом был подписан печально знаменитый декрет об изгнании евреев с территории их королевства, получивший название по месту подписания — «El Decreto de la Alhambra» или «Edicto de Granada».

Текст этого документа выглядит так:

«От короля Фердинанда и королевы Изабеллы, милостью Божьей, короля и королевы Кастилии, Леона, Арагона и других владений Короны — принцу Хуану, герцогам, маркизам, графам, святым орденам, настоятелям монастырей, командорам, сеньорам замков, рыцарям и всем евреям, мусульманам и

женщинам всех возрастов, а также всем прочим, кого это письмо может касаться, — пусть здоровье и милость пребудут с вами.

Вы хорошо знаете, что на наших территориях живут некоторые плохие христиане, практикующие иудаизм и виновные в отступничестве от нашей Святой Католической Веры, и многие из них контактируют с христианами. Поэтому в 1480 году мы распорядились, чтобы евреи были отделены в городах и населенных пунктах наших владений, чтобы им были выделены отдельные кварталы, и все это в надежде на то, что подобное разделение решит проблему. И мы приказали, чтобы в этой области была создана Инквизиция; и двенадцать лет все это функционировало, и Инквизиция

нашла много виновных. Кроме того, мы проинформированы Инквизицией и из других источников, что большой ущерб, наносимый христианам, продолжает иметь место, и это связано с тем, что они ведут разговоры и контактируют с евреями, а эти евреи всеми средствами стараются опрокинуть нашу Святую Католическую Веру, пытаясь отвернуть верных христиан от их верований.

Эти евреи просвещают христиан по поводу церемоний и правил их законов, по поводу обрезания их детей, дают им свои книги с молитвами, предписывающие дни воздержания, обучают их истории своих законов, объявляют, когда ждать Пасху и как ее отмечать, дают им тацу и другие ритуальные блюда, рассказывают о том,

каких продуктов следует избегать, а также требуют соблюдения Закона Моисея, утверждая, что не существует других законов и другой истины. Из всего вышеизложенного становится ясно, что деятельность подобных евреев, а также всех, кто был обращен ими, наносит большой ущерб нашей Святой Католической Вере.

Так как мы знаем, что лучшим лекарством от подобного зла является разрыв любых контактов между евреями и христианами, а также их высылка из всех мест, находящихся в наших владениях, мы это и делаем, отдавая соответствующий приказ вышеназванным евреям всех городов, деревень и местечек Андалусии, где они нанесли наибольший ущерб. Мы уверены, что этого будет достаточно и

для других городов, деревень и местечек наших владений. Так как мы проинформированы о том, что правосудие, осуществленное над некоторыми евреями, признанными виновными в вышеназванных преступлениях против нашей Святой Католической Веры, не стало достаточным лекарством, способным исправить подобное посрамление и оскорбление христианской веры и религии; так как каждый день появляется все увеличивающееся количество вышеназванных евреев, которые продолжают совершать свои преступления; так как нет больше места оскорблениям нашей Святой Веры, нашей Святой Матери Церкви следует исправить положение, ибо наша человеческая слабость может привести к тому, что мы

склонимся перед дьявольскими
происками, непрерывно нас
атакующими, если главная
причина этого не будет
удалена, то есть если
вышеназванные евреи не будут
изгнаны из королевства. Когда
серьезное и отвратительное
преступление совершается
членами какой-либо группы,
разумно уничтожать всю
группу, чтобы маленькие
отвечали за больших, один — за
другого; чтобы те, кто
нарушает добрую и честную
жизнь городов и деревень, кто
привносит заразу, были изгнаны
из гущи народа, равно как и те,
кто наносит вред и имеет в
мыслях серьезные преступления
разного рода, какими бы
опасными они ни были.

Исходя из этого, по совету
видных людей и рыцарей нашего
королевства, а также знающих
людей из нашего Высшего

Совета, после длительных
обсуждений, было принято
решение о том, что все евреи и
еврейки должны покинуть наши
королевства и что им не
разрешается когда-либо
вернуться.

Кроме того, мы
приказываем настоящим
указом, чтобы все евреи и
еврейки всех возрастов, живущие
в наших владениях, уезжали с их
детьми, их слугами и
родителями, большими и
маленькими, каков бы ни был их
возраст, до конца июля этого
года и чтобы они не смели
возвращаться на наши земли без
специального на то разрешения.
Любой еврей, который не
подчинится настоящему указу и
вернется в наши королевства и
владения, будет наказан
смертью и конфискацией всего
имущества.

Также мы приказывает,

чтобы никто, каким бы ни был его пост или положение в обществе, не прятал, не охранял и не защищал еврея или еврейку, будь то публично или тайно, начиная с конца июля и далее ни в своем доме, ни в каком другом месте — и все это под угрозой наказания в виде потери имуществ, вассалов, крепостей и наследственных привилегий.

Чтобы вышеназванные евреи могли продать свои хозяйства и свое имущество в течение указанного периода времени, мы предусматриваем на время гарантии нашей королевской защиты, чтобы до конца июля месяца все могли продать и обменять свое имущество, мебель и прочие предметы свободно и так, как им хочется. В течение этого периода времени никто не имеет права наносить им вред, причинять ущерб им лично и их

имущество, а любого, кто нарушит эту нашу королевскую гарантию, ждет наказание.

Мы разрешаем вышеозванным евреям и еврейкам забрать свое имущество за пределы наших владений, будь то морским или сухопутным путем, при условии, что не будет увезено ни золото, ни серебро, ни чеканные монеты, ни другие предметы, запрещенные законами королевства.

Таким образом, мы приказываем всем советникам, судьям, рыцарям, герольдам, официальным лицам, дворянам города Бургоса и других городов и деревень наших владений, а также всем вассалам и подданным, чтобы они соблюдали и подчинялись этому письму и всему, что оно содержит, чтобы они использовали все средства на его

выполнение пог угрозою
наказания со стороны нашей
милости и конфискации всего
имущества в пользу нашего
королевского дома.

С целью привлечь
внимание всех, чтобы никто не
мог проигнорировать
настоящий указ, мы
приказываем, чтобы он был
оглашен на всех площадях и
местах сбора людей всех
городов; чтобы во всех городах
и деревнях его прочтение
сопровождалось барабанным
боем и присутствием писарей;
чтобы никто не делал
противоположного тому, что
предписано, пог угрозою
наказания нашей милостью и
конфискации имущества.

Прочитано в городе
Гранаде тридцать первого
марта 1492 года от Рождества
Господа нашего Иисуса Христа.

Подписано, я, король, я,

королева. Хуан де Колома, секретарь короля и королевы, написавший вышеизложенное по приказу наших Величеств».

Луи Буарго в книге «Очерк об истории арабов и мавров в Испании» по этому поводу пишет: «Едва обосновавшись в Альгамбре, Изабелла и Фердинанд первым делом подписали известный декрет от 31 марта 1492 года, который предписывал полное изгнание евреев, декрет, строгое выполнение которого лишило состояний более пятидесяти тысяч предприимчивых и богатых семей».

Произошло все это в следующем контексте событий.

Дискриминационные акты против «конверсов» всегда вызывали широкую полетику. Католическое духовенство вновь приобретенных братьев во Христе особой любовью не жаловало. Тем не менее среди выступивших против дискриминации «новых христиан» были кардинал Хуан де Торквемада и епископ Бургоса Алонсо де Картахена.

Многие из «новых христиан» стали добрыми католиками (кстати сказать, именно этих вероотступников называли «марранами» — грязными свиньями — их бывшие единоверцы), но многие, и это тоже факт исторический, продолжали тайно соблюдать еврейские обычаи. Подобная «фига в кармане» жестоко каралась, но чем суровее делались репрессии, тем хитрее иudeи прятали от посторонних глаз веру своих отцов.

Историк Жан Севиллья пишет: «Парадокс: испанская инквизиция обосновалась в Кастилии, католическом королевстве, обладавшем традициями религиозного сосуществования. Альфонсо VIII (1126-1157), король Кастилии и Леона, назывался „императором трех религий“... Мудехары и мусульмане, жившие на христианской территории, были свободны в своей религии. То же самое касалось и евреев».

Жозеф Перес добавляет к этому: «В христианской Испании к ним относились более чем терпимо; они жили легально, и их признавали».

Лишь потом евреев, как ты уже говорили, вдруг начали обвинять в подстрекательстве к вероотступничеству тех, кто стал христианином. Им стали приписывать преступления, совершенные не только против христиан, но и против святой католической веры в целом, а также против спокойствия государства. Вдруг вспомнили законы, изданные в 1255 году королем Альфонсо X Мудрым, в которых якобы говорилось об обычае евреев похищать христианских детей и распинать их в Великую пятницу, то есть в пятницу Страстной недели, которая посвящена воспоминанию крестной смерти Иисуса Христа, и все это — для осквернения всего того, что связано с ним.

Историк Жан Севиллья констатирует: «Несмотря на то, что монархи охраняли евреев, религиозный антииудаизм развивался. В народных кругах он питался фальшивыми обвинениями в ритуальных убийствах и прочити профанациями».

В качестве примера подобных фальшивых обвинений можно привести

историю святого Доминика де Валья, ребенка из Сарагосы, который был распят в 1250 году. На самом деле слух об этом распятии был вызван заявлением некоего перешедшего в христианство еврея Авраама, который утверждал, что убил с ритуальной целью мальчика, якобы родившегося с короной на голове и с крестом в правой руке. Этот Авраам был явно не в полной мере нормальным человеком.

Конечно же, все это было полным бредом. Безусловно, всегда и везде находились отдельные люди с больной психикой, маньяки и садисты. Существовали они и среди евреев. Но столь массовых легенд о ритуальном употреблении евреями крови христианских детей до этого не было никогда. И почему именно евреями? А разве в этом не обвиняли различных еретиков из христиан, в частности катаров, веривших «в двух богов – одного доброго, а второго злого», и вальденсов, ратовавших за ликвидацию частной собственности и апостолическую

бедность...

Ссылки же на законы короля Альфонсо X Мудрого вообще не имели под собой оснований. Это так называемые Законы семи частей вошли в силу лишь в 1348 году, а это был год черной смерти, то есть страшной чумы, унесшей сотни тысяч жизней. Неужели и в этом были тоже виноваты евреи? Самое смешное (если в данном контексте применено это слово) состоит в том, что в своде законов короля Альфонсо действительно имеется особый раздел о евреях, но в нем сказано: «Хотя евреи отвергают Христа, тем не менее им следует терпеть в христианских государствах, дабы все помнили, что они происходят от племени, распявшего Христа. Так как евреи лишь терпят, они должны вести себя тихо, не проповедовать публично своей веры и не пытаться обращать кого-либо в иудейство».

И всё. Плюс то, что для евреев был введен ряд ограничений в правах, включая необходимость исполнения постановления об обязательном ношении отличительного знака в виде особого головного убора. И

какие тут похищения христианских детей, какие ритуальные убийства...

Но так называемая молва с готовностью подхватывала весь этот бред. Она всегда была такой. Еще Вергилий (а он умер в 19 году до н. э.) говорил, что молва растет по бере своему распространения. Слухи вообще летят со скоростью света. Особенно темные слухи. Любимая поговорка тех, кто их распространяет: «Дыма без огня не бывает». А потом начинается так называемый «испорченный телефон», это когда самый нелепый слух уже не может распознать даже сам его автор.

Вот и в королевстве Изабеллы и Фердинанда вдруг стали ходить разговоры о краже некоей священной гостии в Севовии в 1406 году и об издевательствах евреев над ней. Чтобы было понятно, гостия, или хостия (от латинского «hostia» — жертва), — это евхаристический (то есть обрядный, главнейший, признаваемый всеми христианами) хлеб, выпеченный из пресного теста, который используется во время литургии для таинства

евхаристии. В русскоязычных источниках гостию иногда называют облатками.

Говорили также о заговоре, организованном в Толедо в 1445 году. Там якобы евреи хотели учинить пороховые взрывы на улицах города во время процессии в праздник Святого таинства. С готовностью подхватывали разговоры и о заговоре в Таваре, местечке между Саторой и Бенавенте, где якобы видели, как евреи разбрасывали железные капканы по улицам, по которым жители должны были бежать среди пожара, охватившего их дома. Чего только не говорили! Вспоминали мученическую смерть неких детей, похищенных и утерцвленных евреями подобно Сыну Божьему. Называли даже конкретные места, где это происходило: в 1452 году – в Вальядолиде, в 1454 году – на земле маркиза д'Альтарса близ Саторы, в 1468 году – в Сепульведе и т. д. Припоминали издевательства над крестом в 1488 году где-то между деревнями Касар и Гранадинья, похищение пятилетнего ребенка из Ла-Гуардии и его распятие в 1490 году. К этим обвинениям

толва прибавляла еще и другие — в том же роде и даже еще более ужасные. Обвиняли врачей и аптекарей из числа евреев в злоупотреблении профессией. Они якобы умышленно причиняли смерть множеству христиан.

Даже смерть короля Энрике III приписывали его врачу Майру. Этот король Кастилии и Леона умер в Толедо в 1406 году, не дожив даже до двадцати восьми лет. Народ очень любил его, и очень скоро все как-то забыли, что он с детства сильно болел и даже был прозван Энрике III Болезненным (Enrique III Enfermo). Конечно же, во всем были виноваты евреи.

Историк Жан Севилля делает вывод: «Каждый раз евреи были козлами отпущения».

А вот Жозеф Перес дает этому вполне логичное объяснение: «В гораздо большей степени, чем религиозная пропаганда и расовая ненависть, поворачивали народную жестокость против евреев экономические трудности».

Историк Леон Поляков в своей

«История антисемитизма» утверждает, что процесс этот шел «не от Католических королей и не от Церкви, а от общественного мнения».

Фернан Брогель также констатирует, что инквизиция воплощала в себе «глубокое желание толпы».

Однако он же особо подчеркивает, что говорить о том, что Испания была страной расизма, неразумно.

А вот мнение Жозефа Переса: «Когда говорят о нетерпимости, пусть будет так, но не о геноциде, так как этот термин подразумевает желание уничтожить весь народ. Очевидно, что не таким было намерение Католических королей».

Жан Севиллья пишет: «Пятнадцатый век в Испании соответствовал расцвету народного антисемитизма во всей сложности его социальных и религиозных составляющих... До 1520 года инквизиторские трибуналы интересовались практически одними лишь обращенными евреями. Но о расизме XX

века с его трагической танией
уничтожения тут не может быть и речи.
Король Фердинанд, равно как и
Торквелага, имел еврейских предков. В
момент, когда была создана инквизиция,
евреи, верные своей вере, могли ничего не
бояться: не будучи крещеными, они не
могли быть обвинены в ереси».

И все же этот же автор признает:
«Не без оснований старые христиане
подозревали некоторых „конверсов“ в
тайном иудаизме».

Возьмем, например, уже описанное
нами «ритуальное убийство» иудеями
«святого дитя из Ла-Гвардии». Очень
похоже на то, что вся эта легенда
является фантазией на тему уже
известной нам истории убийства
инквизитора Педро де Арбуэса,
совершенного в 1485 году. Видимо, в
документах XV века было несколько
отличных друг от друга описаний этого
громкого события. Не исключено, что одна
из версий была потом расценена
историками инквизиции как якобы «еще
одно убийство» некоего христианского

мальчика. Кстати сказать, обвиняемые по
этому делу были казнены, а в
обвинительном заключении акценты были
расставлены так, чтобы возбудить в
народе чувство ненависти к евреям и
положить конец сомнениям относительно
законности процесса. Почему это было
сделано? Видимо, потому, что как в самой
Ла-Гуардии, так и в других местах ходили
слухи о том, что этот процесс был
основан на одних лишь предположениях и
пустых вымыслах.

Очевидно, что это «убийство» и
прочие «преступления» евреев послужили
для инквизиции лишь поводом к началу
решиительных действий, направленных
против них.

Хуан Антонио Льоренте по этому
поводу пишет: «Я не знаю, какого доверия
заслуживают приводившиеся
доказательства этих преступлений. Но
если даже допустить, что имелись
основания считать их истинными, то
отсюда никоим образом не вытекала
необходимость изгнания всех евреев из
королевства. Религия и политика

обязывали обращаться с ними с кротостью
и отдавать их хорошему поведению
уважение, в котором не отказывали
христианам, и карать лишь тех, кто был
виновен в каком-нибудь преступлении, как
в таком случае поступили бы с испанцами,
изобличенными в убийстве или каком-либо
другом преступлении».

Тридцать серебряников от Цихака Абраванеля

Евреи знали об угрожающей им опасности. Будучи убеждены, что для ее предотвращения достаточно предложить Цаберле и Фердинанду деньги, они обязались доставить 30 тысяч дукатов, как говорится, «на государственные расходы». Кроме того, евреи взяли на себя обязанность не давать никакого повода к тревоге правительства и следовать предписаниям закона, то есть жить в отдельных от христиан кварталах, возвращаться до наступления ночи в свои дома и воздерживаться от некоторых профессий, предоставленных только христианам.

С этим они отправили делегата к королю и королеве. Им стал дон Абраванель, он же Цихак бен Цехуда, родившийся в 1437 году в Лиссабоне. Он пришел во дворец Алькасар с прошением о высочайшей аудиенции. На вопрос о причинах он объяснил, что должен

информировать короля и королеву об очень важных государственных делах. После долгого ожидания он получил ответ: ему предписано явиться для доклада в ближайшую субботу.

Дону Абраванелю было 55 лет. Он был известным философом, одним из первых еврейских ученых того времени и комментатором Торы, которого по глубине суждений ставили рядом со Спинозой. Помимо этого, он был приемником своего отца на постах государственного финансиста и казначея португальского короля. В 1483 году его обвинили в поддержке мятежа дворян против короля, и он был вынужден бежать в Кастилию, где его приняли на службу в качестве королевского откупщика. Ныне он был одним из наиболее доверенных советников королевской четы, и его мнение ценилось при дворе. Отметим и такой факт: за выдающиеся заслуги в пополнении королевской казны ему было даровано дворянское звание.

В назначенный час дон Абраванель явился на прием к Изабелле и Фердинанду.

Он был бледен, и от его всегдашней уверенности в себе не было и следа. Он низко поклонился, затем преклонил колени:

- Ваши величества!

- Встаньте! - милостиво тахнул рукой Фердинанд. - Вы ведь наш откупщик.

Дон Абраванель послушно встал.

- Ну? - произнесла Узабелла.

- Ваше решение... - Откупщик запнулся. - Я понимаю, какие

государственные резоны его вызвали...

Конечно, если исчезнут все евреи, у тарранов не будет ни соблазна, ни возможностей тайно приобщаться к иудаизму. Но изгнание - это же ужасно!

Это настоящая трагедия для огромного числа людей, так верно служивших вашим величествам!

- Какая трагедия? - сделал удивленное лицо, пожал плечами Фердинанд. - Всё прекрасно устраивается, все будут довольны и счастливы...

Дон Абраванель на мгновение опешил. Но в ту же секунду он понял, что

последует дальше. Между тем королева продолжила слова своего супруга:

— Достаточно нашим подданным иудеям перейти в христианскую веру, и они смогут, как прежде, жить в своих домах и достойно трудиться на благо Короны.

— Увы, — печально возразил дон Абраванель, — это слишком непросто, а порой и невозможно. Вера предков сидит в нашем народе слишком глубоко. И это трудно понять. Представьте себе, что католику предложили бы стать иудеем. Разве он согласится на подобный шаг?

— Как вы смеете такое говорить?! — в гневе вскочил Фердинанд. — Сравнить единственно возможный путь служения Господу нашему с какими-то еретическими течениями!

— Это не мои слова, — пытаюсь загладить свою оплошность, быстро проговорил откупщик. — Это сравнение принадлежит одному из севильских праввинов. Он мудрый человек. И поэтому собрал с евреев Кастилии и Арагона некоторую сумму, чтобы преподнести ее в

дар вашим величеством. Это будет лишь скромным напоминанием о том, что мои соплеменники любят вас и вы всегда можете на них рассчитывать... В будущем... Они надеются также, что вы пересмотрите свое решение и дадите им возможность остаться в стране, где они и их семьи живут с незапамятных времен.

— Сколько? — коротко бросил Фердинанд.

— Тридцать тысяч дукатов.

Что касается Фердинанда, то он весьма обрадовался сделанному предложению. Тридцать тысяч дукатов! Эти слова, как сладчайшая, райская музыка, прозвучали в его ушах. И все, что за это требовалось, — не подписывать эдикт, который предложил Торквелага. Но вот Узабелла? Фердинанд вопросительно взглянул на жену. Та почти неслышимо кивнула.

— Он действительно неглуп, этот ваш раввин, — сказал король. — Я вижу, что вы и впрямь желаете блага нашему государству. Мы обдумаем ваше предложение.

– У дагит знать о нашем решении, –
добавила королева.

Дон Абраванель со слезами
благодарности посмотрел на монархов.
Когда он вышел, Фердинанд хмыкнул:

– Совсем неплохо придумано, я уже
вижу блеск монет в наших сундуках. Хотя
я бы с удовольствием разогнал упрямых
соплеменников нашего откупщика.

На следующее утро Изабелла и
Фердинанд послали за доном Абраванелем.
Тот тут же явился, предвкусывая победу.

Но, на его беду, «доброжелатели» уже
успели доложить о произошедшем
Торквемаде.

– Святейший приор, – сказали ему, – в
королевских покоях побывал
представитель иудеев. Он предложил
монархам тридцать тысяч дукатов – в
обмен на право остаться на своих местах.

Торквемада побледнел. Затем он
схватил распятие и бросился во дворец.

Оттолкнув дворецкого, он ворвался в
зал, где за столом сидели Изабелла и
Фердинанд, а рядом, склонив голову, уже
стоял дон Абраванель. В руках

Фердинанда находилась бумага, на которой нужно было лишь поставить подписи.

Король поднял голову и с изумлением уставился на запыхавшегося Торквемаду.

— Что это значит? — спросил он.

Великий инквизитор приблизился к королевской чете и почтительно сказал:

— Раг видеть ваши величества в добром здравии и заботах о процветании государства.

— Мы тоже рады приветствовать вас, — сказал Фердинанд. — Но что привело во дворец такого высокого гостя, да еще так рано утром?

— Слухи, всего лишь слухи, — развел руками Торквемада. — Хотя должен заметить, что это недобрые слухи.

— Новый заговор тарранов? — озабоченно отозвалась Изабелла.

— Да, заговор. И самое гнусное заключается в том, что он направлен против вас, наших высокочтимых властителей.

— Как?! — в один голос воскликнули Изабелла и Фердинанд.

— Евреи обливают грязью ваши величества. Они решили откупиться от вас и считают, что вы пойдете на такое предательство перед Всевышним и католической церковью.

— Речь идет о деньгах? — осторожно задал вопрос Фердинанд.

— У немалых деньгах... Говорят о тридцати тысячах дукатов.

— Ого! — делано удивился Фердинанд и тут же задумчиво добавил: — Это было бы солидное пополнение для нашей казны. А она сейчас истощена войной. Мы изгнали врагов, но победа потребовала немалых денег...

Великий инквизитор в упор посмотрел на короля, а потом вдруг закричал:

— Ангелы на небесах нынче оплакивают нашу горькую судьбу! Хотите знать почему? А вот почему! Цуга Искариот продал своего господина за тридцать серебряников. А ваши величества готовы теперь продать его за тридцать тысяч монет!

Сказав это, Торквелада поднял

распятие высоко над головой и, запрокинув голову, возвел взгляд к потолку.

— О, Пресвятая Матерь Божья, Царица Небесная! Недостойны мы твоего святого покровительства и заступничества. Ты подарила нам величайшую из побед. Так взгляни же вниз, на эту грешную землю! Богородица, посмотри на нас, неблагодарных, и, прошу тебя, отними у нас наше бывшее величие. Мы получили от тебя все дары, о которых мечтали и молились, а в благодарность надругались над святым именем Господним.

После этого он бросил распятие на стол и с презрением посмотрел на Узабеллу и Фердинанда.

— Продайте и это. Здесь изображен наш распятый Спаситель, за него вы получите еще несколько серебряных монет. Но не думайте, что я приму участие в столь позорной сделке!

С этими словами Торкветада резко повернулся и вышел.

Узабелла и Фердинанд переглянулись, затем одновременно уставились на

распятие, лежавшее на столе. Оба они
грозили от страха.

Они уже осознали свою вину и боялись,
что после смерти их не простят за
предательство, которое они чуть было не
совершили. Наконец, Изабелла сказала
грожащему и белому как полотно гонимому
Абраванелю:

— Прошу вас, оставьте нас. Приор
прав. Декрету будет дана сила.

О том, что было дальше, Хуан
Антонио Льоренте рассказывает
следующее: «Фанатизм доминиканца
произвел внезапный поворот в душе
Фердинанда и Изабеллы. 31 марта 1492
года они издали декрет, которым все
евреи, мужского и женского пола,
обязывались покинуть Испанию до 31 июля
того же года под угрозой смерти и потери
имущества. Декрет запрещал христианам
укрывать кого-либо в своих домах после
этого срока под угрозой тех же наказаний.
Евреям было разрешено продавать свои
земельные угодья, брать с собой движимое
имущество и другие вещи, кроме золота и
серебра, вместо которых они должны были

получать векселя или незапрещенные
товары».

Епископ Валентин Флешье в своей
«Истории кардинала Хименеса» пишет о
Торквемаде: «Этот лев религии убедил
обоих, что испорченность нравов и
свободомыслие с каждым днем
возрастают, что соседство христиан с
евреями и маврами вредит благочестию
народа».

Мишель Мюрр констатирует:
«Торквемада стал главным
подстрекателем в деле изгнания евреев из
Испании, решение о чем было принято
Католическими королями 31 марта 1492
года».

Таким образом, соблазнительное
предложение евреев было отклонено, а их
попытки щедрыми дарами стянуть
отношение Изабеллы и Фердинанда не
удались. При этом изгнание не принявших
крещение евреев из страны официально
мотивировалось необходимостью уберечь
от их влияния души христиан и «новых
христиан». Авторы указа прекрасно
понимали, что, пока евреи будут

оставаться в королевстве, они будут
влиять на десятки тысяч обращенных в
христианство собратьев (марранов),
побуждая тех в тайне сохранять верность
иудаизму.

Жорж Бернар Деннен в своей книге
«Евреи в Средние века», изданной в
Брюсселе в 1844 году, пишет: «Напрасно
Абраванель искал денег, чтобы
попытаться стягнуть короля и королеву и
заставить их отменить их суровый указ,
напрасно он собирал деньги и предлагал их
от имени своей нации Фердинанду,
которому они были так нужны: декрет об
изгнании был утвержден без малейших
изменений, и сам Абраванель, как и все
высокопоставленные евреи, был включен в
общую проскрипцию».

Как мы уже знаем, согласно декрету,
евреям надлежало или принять крещение,
или в четырехмесячный срок покинуть
страну. При этом и запрещалось
вывозить золото и серебро, и несчастные
люди вынуждены были продавать дома,
виноградники, скот за бесценок, чтобы
тут же обратить выручку в разрешенный

для вывоза товар.

Более того, как пишет в книге «Евреи Запада» Артур Бёньо, «Торквемада считал необходимым превзойти жесткость короля, запретив христианам контактировать с евреями по истечении отведенных им четырех месяцев».

Это отмечает и Хосе Амадор де лос Риос в своей книге «Исторические, политические и литературные исследования о евреях в Испании»: «В апреле месяце он издал второй указ, запрещающий всем христианам любую торговлю, любое общение с евреями после истечения отведенных им четырех месяцев».

Аптекарь Сатаны

А 25 июля 1492 года скончался папа Иннокентий VIII, и на его место 12 августа был избран Родриго ди Борджиа (или де Борха), взявший себе имя Александр VI.

Этот человек родился в 1431 году в местечке Хатива, что неподалеку от Валенсии. Его мать Изабелла была сестрой кардинала Альфонсо ди Борджиа, и свой окончательный выбор профессии Родриго сделал, когда этот его дядя в апреле 1455 года стал папой Каликстом III. Высокопоставленный дядя отправил Родриго изучать право в Болонский университет, а вскоре, в 1456 году, сделал его кардиналом, несмотря на то, что ему было лишь 25 лет.

Еще через год Родриго ди Борджиа стал вице-канцлером римской церкви. Несмотря на то, что столь быстрая карьера была следствием высокого положения дяди, Родриго ди Борджиа показал себя умелым администратором.

Личный аскетизм и обширные владения (он был архиепископом, епископом и аббатом во многих областях Италии и Испании) позволили ему стать одним из богатейших людей своего времени. Таким образом, его выбор на пост папы был вполне ожидаем.

Несмотря на столь высокое положение в церковной иерархии, Александр VI еще при жизни был заклеймлен как «чужовище разврата». Даже официальной историей католической церкви он характеризуется как «самая мрачная фигура папства», а его понтификат назван «несчастьем для Церкви». Кроме того, папа Александр VI имел во времена правления прозвище Антекать Сатаны, связанное с его умением изготавливать смертоносные напитки.

Александр VI имел многочисленное внебрачное потомство. Еще в бытность кардиналом он в своем дворце сожительствовал со множеством женщин, и от одной из них — Ваноццы деи Каттанеи — имел трех сыновей, из которых наиболее известен Чезаре ди

Борджиа, а также дочь Лукрецию. Другой его возлюбленной была Джулия Фарнезе.

Судьба Александра VI сложилась трагически. Однажды вместе с несколькими кардиналами он обедал в гостях на вилле. С наступлением сумерек папа имел неосторожность выйти на свежий воздух, где он подхватил лихорадку и 18 августа 1503 года умер. Судя по тому, как раздұлся и быстро разложился его труп, некоторые современники предположили, что папа был отравлен. Поговаривали, что он по ошибке выпил отравленного вина, приготовленного его сыном для хозяина виллы.

Также по ошибке отравился и его сын Чезаре, но ему повезло больше: благодаря толлостости и здоровому организму ему удалось не поддаться действию отравы и выздороветь.

Следует отметить, что отношения папы Александра VI и Томаса де Торквемада, что называется, не сложились. Конечно, эти люди являлись полными противоположностями и просто вынуждены были терпеть друг друга. При

этот Александр VI — знаменитый
развратник из семейства Борджиа — все
время пытался убедить короля
Фердинанда обзвать Торквемаду,
которого он считал чересчур ретивым
борцом за веру.

Изгнание евреев

Историк Жан Севиллья пишет: «1492 год – в испанской истории это стыковая дата. 2 января падение Гранады положило конец последнему мусульманскому государству на полуострове. 31 марта был подписан декрет об изгнании евреев из королевства. 3 августа во главе трех каравелл Христофор Колумб снялся с якоря, чтобы отправиться на запад. Политическое единство, религиозное единство, экспансия на запад: это была переориентация силовых линий иберийской цивилизации». В 1992 году, в год пятисотлетия открытия Америки, год 1492-й был подвергнут осуждению. События были соединены одной нитью: католическая нетерпимость по отношению к другим культурам. «В 1492 году, – заявил Жак Аттали, – Европа закрылась к востоку и повернулась к западу, постаравшись избавиться от всего, что не было христианским».

Последствия указа от 31 марта 1492

года были ужасными. Королевство
Изабеллы и Фердинанда покинуло, по
одним данным, более четверти миллиона
человек, по другим – от 50 до 150 тысяч.

Историк и теолог Хуан де Мариана,
умерший в Толедо в 1624 году, говорит об
одном миллионе семистах тысячах
человек, но эта цифра представляется
чрезмерно завышенной. Ряд историков
называет цифру, вдвое меньшую, – 800
тысяч человек.

Историк Жан Севиллья задается
вопросом и сам же на него отвечает:
«Сколько их было? Согласно источникам,
цифры варьируются от 100 тысяч в XIII
веке и 200 тысяч в XIV веке. Визуальное
многолюдство: экономически мощное и
очень организованное, оно было
сконцентрировано в определенных районах.
Будучи крестьянами, ремесленниками,
торговцами или врачами, евреи были
также негодичантами и кредиторами. В
королевской администрации они управляли
финансами и собирали налоги. Эти
последние функции делали их
непопулярными, и эта непопулярность

нарасталла с течением времени».

Жорж Бернар Деннен в своей книге «Евреи в Средние века» пишет: «Торквемада добавил жесткости в указ, отданный в Кастилии, Леоне, Андалусии и в Толедо, приказав не принимать беженцев и даже не контактировать с ними. В Арагоне, Валенсии и Каталонии этот безжалостный гонитель приказал произвести перепись имущества евреев, чтобы было понятно, что можно передать сеньорам и монастырям в качестве компенсации за потери от отъезда их арендаторов. Так, сорванные со своих мест евреи должны еще были возмещать убытки тем, с кем их насильственно разлучали.

Это было всеобщее отчаяние, и повсюду перед глазами христиан представляли душераздирающие сцены, в которых лишь Торквемада мог оставаться равнодушным...

Одни говорят о ста семидесяти тысячах человек, другие — даже о четырехстах тысячах изгнанных Фердинандом и Торквемадой: в одной лишь

Гранаде 1500 семей было эвакуировано по приказу короля, чтобы завладеть их богатствами. Евреи с севера Испании бежали в Наварру и Бискайю; говорят, что 80 тысяч перебрались в Португалию. Огромная масса погрузилась на корабли в Кадисе и в портах Каталонии и Валенсии, чтобы уехать в Африку и в Левант».

И. Р. Гризуневич в своей книге «Инквизиция» констатирует: «Точных данных о количестве иудеев, покинувших страну или принявших христианство после королевского указа 1492 года, нет. Разные источники указывают, что из Испании было изгнано от 105 до 800 тысяч иудеев и приняло христианство около 50 тысяч».

Ныне считается, что примерно от 50 до 150 тысяч евреев предпочли «конверсию», а от 150 до 200 тысяч – изгнание.

Согласно указу, всякий еврей, в течение четырех месяцев не крестившийся или не покинувший страну, объявлялся вне закона.

Евреи Кастилии и Арагона были потрясены и бросились распродавать свое

имущество. Но покупатели-христиане, знавшие указ во всех деталях, забирали еврейское имущество лишь за символическую плату. Например, хороший дом шел за осла, виноградник — за кусок ткани...

Так десятки тысяч евреев покинули страну, где они прожили сотни лет, где были когда-то полноправными гражданами.

Часть беженцев оказалась в Северной Италии, некоторое их количество на короткий срок нашло приют в Наварре. Большая группа евреев, в которой был и дон Абраванель, поселилась в Южной Италии (он прибыл в Неаполь, а потом перебрался в Венецию, где и умер в 1508 году). Кому-то повезло осесть в соседней Португалии. Но основная масса, понадеявшись на давние связи с маврами, направилась в Северную Африку, и немало евреев poleglo в дороге, не выдержав тягот пути. К тому же мавританские разбойники, понимая, что евреи беззащитны, сразу забыли о былой дружбе. Вместо этого они грабили беженцев, даже

вспарывали животы женщинам, надеясь найти у них в желудках проглоченное золото — иначе его никак нельзя было вывезти из страны. Затем разбойники выбрасывали людей — живых и мертвых — за борт.

Многие уверены, что ответственность за это тоже лежит на Торквемаде. Он отлично понимал, какая участь ждет евреев, но все же настоял на исполнении указа.

С другой стороны — и этот факт нельзя не отметить, — ничего нового Торквемада не придумал. Как пишет американский исследователь Альфред Хиятт, он «лишь обновил старый инструмент, положенный под сукно, и перенес ставку в Испанию».

В самом деле, евреев регулярно изгоняли, наверное, из любой европейской страны. И до Торквемады, и после него (в 1080, 1147, 1306, 1394 и 1591 годах — из Франции, в 1188, 1198, 1290 и 1510 годах — из Англии, в 1360 году — из Венгрии, в 1407 году — из Польши и т. д.). Отличие заключалось лишь в том, что при

Торквемаге альтернативой изгнанию было крещение. Грубо говоря, крестись — и оставайся. Торквемага специально посылал своих доминиканцев в еврейские кварталы, чтобы объяснить, что он желает не столько изгнания иудеев, сколько их обращения в христианство. Крестившиеся иудеи получали право остаться в королевстве. Как пишет Хуан Антонио Льоренте, «многие евреи крестились из-за страха и карьеризма, ибо, крестившись, они получали доступ к высоким должностям. Многие из крестившихся евреев раскаялись в этом и вернулись к иудаизму, исповедуя его тайно, а внешне прикидываясь христианами». Как бы то ни было, они по крайней мере остались живы, и им не пришлось продавать за бесценок свои дома и земли.

Положение отвергших крещение и изгнанных поистине достойно сожаления. Толпы мужчин, женщин и детей были похожи на отступающее в беспорядке войско. У части из них были лошади или ослы, но очень многим пришлось идти пешком.

Часть изгнанных евреев, как мы уже говорили, отправилась в соседнюю Португалию, так как король Жуан II, сын умершего в 1481 году Афонсу V и Изабеллы Португальской, за определенную плату разрешил им безопасный проезд в Северную Африку.

Однако потом произошла катастрофа: среди изгнанников вспыхнула эпидемия, и правительство Португалии потребовало, чтобы они покинули страну. Португальцы предоставили евреям корабли, но соседние страны, опасаясь эпидемии, не позволяли им приближаться к своим берегам. Владельцы кораблей и моряки использовали бедственное положение беженцев для наживы: отбирали деньги, имущество и даже женщин и девочек. Наконец, после многих недель страданий оставшиеся в живых прибыли в Марокко.

Но немало евреев осталось в Португалии, пропустив все сроки отъезда (о том, что станет с ними, будет рассказано ниже).

Другая часть изгнанников

направилась из королевства Изабеллы и Фердинанда в Неаполь, и во время этого путешествия среди них многие заразились чумой и умерли. Были и такие, которые добрались до Генуи, где, впрочем, им было запрещено задерживаться, потому что по закону ни один иудей не должен был там оставаться больше трех дней.

Поистине печальной была участь этих людей, решивших сохранить свою веру и отправившихся в опасное путешествие к новым землям.

Но это массовое изгнание ударило не только по евреям. Королевство Изабеллы и Фердинанда опустело, потеряло значительную часть наиболее трудолюбивых и искусных «мастеров генежных дел», что привело его к некоторому экономическому упадку. Считается также, что указ от 31 марта 1492 года уничтожил интеллектуальную элиту страны, представленную преимущественно евреями.

Можно долго спорить, насколько страшно отразилось изгнание евреев на культуре и экономике королевства

Изабеллы и Фердинанда. Например, есть мнение, что практически никак, ведь большинство евреев все-таки обратились в христианство и остались в стране. Другие эмигрировали в соседние страны и крестились там. Ко всему прочему, буквально на следующий день после изгнания евреев Изабелла и Фердинанд уже были заняты подготовкой морской экспедиции Христофора Колумба. А 3 августа 1492 года корабли «Нинья», «Пинта» и «Санта-Мария» под командованием последнего (по некоторым сведениям, он происходил из семьи крещеных евреев с острова Мальорка) отплыли на запад, чтобы пересечь Атлантический океан в поисках нового пути в Индию. Колумбу, которому 30 апреля 1492 года королевская чета пожаловала дворянский титул, и в голову не приходило, что между Пиренейским полуостровом и берегами Индии лежит новый, неизвестный континент! Но его экспедиция в определенном смысле послужила началом новой эпохи: новые земли, открытые Колумбом, надолго

решили экономические проблемы страны,
ныне известной как Испания.

Борьба Торквемады с епископами

Леонар Галлуа в своей книге «Краткая история инквизиции в Испании» пишет: «Принести в жертву евреев и мавров – этого было недостаточно для фанатика Торквемады; его дерзость дошла до того, что он стал судить епископов Сеговии и Калахорры, которые пользовались всеобщим уважением, а все их преступления состояли лишь в том, что они были обращенными в христианство евреями».

В самом деле, папская булла от 25 сентября 1487 года лишила митрополитов права принимать апелляции на приговоры епархиальных епископов и их викариев (наместников, не имеющих своей епархии) и облекла этим правом генерального инквизитора. По словам Хуана Антонио Льоренте, «эта новая привилегия внушила столько тщеславия Торквемаде и его полномоченным, что с этого времени они стали считать себя выше епископов».

Более того, Торквемага даже позволил себе судить за ересь самих епископов, которые, по определению Хуана Антонио Льоренте, «в делах веры являются законными и компетентными судьями по божественному праву, и никто, даже папа, не может отнять у них того, что они получили от Святого Духа».

Тем не менее Торквемага первым подал пример привлечения к суду епископов. Не довольствуясь получением от Сикста IV бреве от 25 мая 1483 года, запрещавшего епископам, происходившим от еврейских предков, братья за расследование дел инквизиции, он решил привлечь к суду двух епископов.

Его жертвами стали дон Хуан Ариас де Авила, епископ Сеговии, и дон Педро де Аранга, епископ Калахорры. Торквемага известил о своем решении папу, который написал ему 25 сентября 1487 года, что один из его предшественников, Бонифаций VIII, запретил прежним инквизиторам судить епископов, архиепископов и кардиналов. А посету он посоветовал Торквемаге сообразовываться в своих

действиях с этим законом.

Но Торквемада все равно начал тайно следить за епископами. Ему несвойственно было уклоняться от своих обязанностей. Всегда, в любом деле, он любил изучить все до мелочей, каждую деталь, лично следил за разбором дела, за вопросами и показаниями, и все для того, чтобы составить себе твердое представление и принять в соответствии с ним непреклонное окончательное решение. Именно поэтому Торквемада распорядился вести слежку.

Папа со своей стороны с радостью увидел, что рождается благоприятный предлог для того, чтобы вмешаться в испанские дела. И он послал в королевство Изабеллы и Фердинанда своего чрезвычайного нунция (посланника) Антонио Паллавичини, епископа Турне, достигшего затем звания кардинала.

Прибыв в Испанию, Антонио Паллавичини получил информацию и соединил ее с известием, что в руках у Торквемады. После этого он вернулся в Рим, где шел процесс двух епископов.

которых напал вызвал туга для
предъявления обвинения, и они должны
были предпринять защиту.

Дон Хуан Ариас де Авила был сыном
Диего Ариаса де Авила, еврея по
происхождению, который крестился после
одной из проповедей знаменитого богослова
и проповедника Висенте Феррера,
умершего в 1419 году. После этого он стал
главным счетоводом (contador mayor)
королей Хуана II и Энрике IV. Последний
возвел его в дворянское достоинство, дав
ему во владение замок Пуньонростро близ
Сеговии и некоторые другие местности, а
также титул гранда Испании.

По словам Хуана Антонио Льоренте,
«все это нисколько не импонировало
Торквемаде».

По приказу генерального инквизитора
были произведены дознания, из которых
можно было заключить, что Диего Ариас
де Авила умер в ереси иудаизма. Цель
Торквемады состояла в осуждении его
памяти, в конфискации имущества, в
извлечении из могилы останков и в
сожжении их вместе с его изображением.

Так как в подобных делах вызываются на суд дети покойного, дон Хуан Ариас де Авила был обязан явиться для защиты своего отца и себя. В 1490 году он отправился в Рим, несмотря на свой преклонный возраст, после тридцатилетнего служения на епископской кафедре Сеговии. Он был очень хорошо принят папой Александром VI, который в 1494 году даже избрал его для сопровождения своего племянника, кардинала Монреальского, в Неаполь, куда тот отправлялся для коронации короля Фердинанда II. Дон Хуан Ариас де Авила вернулся в Рим и умер там 28 октября 1497 года, оправдав память своего отца и не дав возможности Торквемаде произвести покушение на его собственную свободу.

Дон Педро де Аранга, епископ Калахорры, не был так счастлив. Он приходился сыном Гонсало Алонсо, еврею, крестившемуся во времена все того же знаменитого Висенте Феррера. Гонсало Алонсо имел удовольствие видеть назначение епископата двох своих

сыновей. Его второй сын стал епископом Бургоса, потом архиепископом Монреалья на Сицилии, а Педро де Аранга был назначен епископом Калахорры в 1478 году.

И все-таки в 1488 году он явился предметом тайного следствия, руководимого Торквемадой, целью которого было доказать, что Гонсало Алонсо умер иудействующим еретиком.

Хуан Антонио Льоренте по этому поводу пишет: «Достаточно было, чтобы какой-либо обращенный еврей умер богатым и счастливым — тотчас пытались породить сомнения в его правоверности. Зложелательство по отношению к потомкам евреев было так же велико, как и стремление их преследовать и обогащать государственную казну их достоянием».

Леонар Галлуа в «Краткой истории инквизиции в Испании» развивает эту мысль: «Достаточно было, чтобы какой-то обращенный еврей оставил после себя богатство, как тут же инквизиция начинала использовать все возможные средства, чтобы доказать, что он был

иудеи-еретиком, чтобы опозорить его
память, конфисковать его имущество,
экзугулировать его останки, чтобы
придать их костру, а также лишить его
детей всех отличий. Такова была цель
Торквемады в отношении этих двух
прелатов».

Дело Гонсало Алонсо великих
инквизиторы Вальядолида и епархиальный
епископ (им был тогда епископ Паленсии).
Но дон Педро де Аранга побывал в Риме и
получил от папы Александра VI бреше от
13 августа 1493 года, которым это дело
передавалось в руки дон-а Иньиго Манрике
де Лара, епископа Кордовы, и Хуана де Сан-
Хуана, приора бенедиктинского монастыря
в Вальядолиде. Они должны были
произнести приговор по делу Гонсало
Алонсо и велеть исполнить его, причем
инквизиторы и епархиальный епископ не
имели права этому противодействовать
или апеллировать против вынесенного
приговора. Последствия этого решения
были благоприятны для Гонсало Алонсо.

Его сын, дон Педро де Аранга, достиг
такой степени уважения со стороны папы,

что был назначен главным тажордомом
панского двора. А в 1494 году папа
отправил его в Венецию в качестве посла.
Но даже эта исключительная милость не
остановила пыла инквизиции, которая
продолжала начатый против него процесс.

Дон Педро де Аранга представил сто
одного свидетеля, но так неудачно, что
каждый имел что-либо показать против
него в том или другом пункте. Судьи
сделали доклад папе 14 сентября 1498 года,
за два дня до смерти Торквемады, и
верховный первосвященник присудил
епископа к лишению должности и к
бенефиций, к снятию епископского сана и к
возвращению в состояние мирянина. Он был
заключен в замок Сант-Анджело и умер
там некоторое время спустя.

Леонар Галлуа в своей «Краткой
истории инквизиции в Испании»
констатирует: «Почти всегда интриги
обеспечивали инквизиторам успех в их
начинаниях; кроме того, они не боялись
предпринимать несправедливые действия
каждый раз, когда это было выгодно их
геспотизму».

А вот мнение Хуана Антонио Льоренте по этому поводу: «Несмотря на это формальное осуждение, я не думаю, чтобы дон Педро де Аранда был повинен в преступлении, в котором его обвиняли, потому что мне кажется невероятным, как он мог, в противном случае, так долго пользоваться репутацией хорошего католика и исключительным образом стяжать такое всеобщее уважение, что королева Изабелла назначила его председателем совета Кастилии. Его работа по созыву синодального съезда в епархии доказывает ревность Аранды к чистоте веры и догмата».

Реакция папы Александра VJ

Жесткость и решительность Торквемады поразили даже папу Александра VJ, но, боясь поссориться с Изабеллой и Фердинандом, он до поры до времени не принимал никаких мер, хотя получал регулярные жалобы на действия инквизиции в их королевстве.

Как видим, Торквемага сделал инквизицию такой, какой она стала, и никто, даже очень могущественный, даже Александр VJ, не мог остановить его. И все потому, что генеральный инквизитор был более грозным ревнителем веры, чем сам римский папа.

Тем не менее Александр VJ, встревоженный действиями Торквемады, предложил Изабелле и Фердинанду назначить ему «в помощь» других инквизиторов. В трудную минуту помощь ценнее золота. Но помощь — понятие растяжимое, как, впрочем, и благодарность за нее. В данном случае «помощь» Александра VJ подразумевала

его желание хоть как-то ослабить
единоличную власть генерального
инквизитора.

Манюэль де Малиани в
«Политической истории современной
Испании» утверждает, что Александр VI
(которого он, кстати, называет «гнусным
Борджиа»), «испугавшись возмущения,
поднявшегося со всех сторон, хотел
лишить генерального инквизитора данной
ему власти».

Но успех этой попытки был
незначительный, Торквемада удержал свои
позиции.

В книге Вилльяма Прескотта
«История правления Фердинанда и
Изабеллы Католической» сказано:
«Напрасно Александр VI, чтобы стянуть
неустовство, которое Торквемада пытал с
усердием, придал ему в 1494 году четырех
коадьюторов, с мнением которых он
должен был считаться; они ничему не
могли помешать, и великий инквизитор
продолжал до самого конца своей карьеры,
без сомнений и без советов с кем-либо,
идти по страшной и опустошенной дороге,

которая, окружая его бесконечным ужасом, не вызывала у него при этом ни малейшего сожаления».

В конечном итоге, как пишет в своей «Истории Испании» Альфонс Рабб, «нападение Александра VI признал за генеральным инквизитором чрезвычайные и неограниченные права».

Но Торквемада действительно уже был стар и очень болен (все-таки 74 года!). Назначение четырех заместителей, получивших право обжаловать его решения, было воспринято им как оскорбление.

Он и в самом деле смертельно устал. Он стал плохо спать, иногда мог заснуть, обессиленный, лишь на рассвете: многолетняя борьба, насилие, совершаемое над собой, породили сумрачные видения во сне. Запас сил, поддерживавшийся силой духа и верой, практически иссяк, а усталая сединами голова, словно налитая свинцом, отказывалась работать так же быстро и эффективно, как раньше.

Торквемада вдруг понял, что ему не

доверяют, обиделся и демонстративно ушел от дел.

Он больше ни разу не переступил порог королевского дворца.

Он действительно ушел в отставку сам (его никто не изгонял) и провел еще несколько лет своей жизни — очень преклонные годы — в столь привычном ему аскетизме монастырской жизни.

Что за этим стояло? Трудно сказать. Некоторые биографы считают, что его «стали преследовать тени его жертв».

Как бы то ни было, 23 июня 1494 года папа Александр VI опубликовал указ, в котором говорилось, что, ввиду преклонного возраста Торквемады и его различных недомоганий, он назначает еще четырех инквизиторов для ведения дел совместно с ним.

Этими инквизиторами стали дон Мартин Понсе де Леон, архиепископ Мессины в Сицилии, пребывавший в Кастилии, дон Иньиго Манрике де Лара, епископ Кордовы, дон Франсиско Санчес де ла Фунте, епископ Авилы, а также дон

Альфонсо Сүарес де Фүэнтельсас, епископ Мондоньего.

Каждый из них был уполномочен напай делать единолично все, что он сочтет нужным, и заканчивать дела, начатые другими, потому что все они были облечены одинаковой властью.

Из этих четырех человек один, а именно Уньго Манрике де Лара, пребывал в своей епархии в Кордове, не следуя за королевским двором, и поэтому точно неизвестно, исполнял ли он обязанности инквизитора. Дон Альфонсо Сүарес де Фүэнтельсас, по-видимому, вскоре отказался от этого назначения. Лишь епископ Авилы и архиепископ Мессины тотчас после своего назначения вступили в должность.

Частная армия Торквемады

Принято считать, что Торквемада все ненавидели и боялись. А он, в свою очередь, стал опасаться ненависти окружающих. Общество жило в ужасе. Но в ужасе жил и Торквемада. В старости у него даже якобы развилась мания преследования.

Генрих Грец в «Истории евреев» пишет: «Торквемада не мог не понимать, что его жестокость привлекает к нему всеобщую ненависть, и он постоянно боялся за свою жизнь. На столе у него всегда находился рог единорога, который, согласно суевериям того времени, мог нейтрализовать действие ядов. Когда он выходил, его сопровождала гвардия, составленная из пятидесяти всадников и двух сотен пехотинцев».

На самом деле все это не совсем так.

Торквемада до самой смерти пользовался любовью в народе. Эскорт охранников был навязан ему королевой Изабеллой, напуганной восстанием в

Сарагосе. Охрана раздражала Торквемагу. А простой народ считал его человеком очень милосердным. Нетерпимым к греху — да. Но добрым и честным и законопослушным людям. Самое малое 60 лет после его смерти, несмотря на ошибки его преемников, Торквемагу в Кастилии почитали едва ли не как святого.

В самом деле, Торквемага был человеком абсолютно безупречным в личной жизни. Его нельзя было подкупить, он не имел слабостей, которыми его можно было шантажировать. Он не отличался даже тщеславием. Среди придворных Торквемага терялся. Он никогда не считал себя важной политической фигурой, он просто добросовестно исполнял свои обязанности.

Королева Изабелла сама попросила его принять соответствующие меры предосторожности. И это было мудрое решение. Ведь те люди, чьих родных и любимых сожгли на кострах инквизиции, кому пришлось многое претерпеть из-за генерального инквизитора, вполне могли попытаться лишить его жизни.

Он и сам ждал отравления. Он был готов к нему. В те времена это было обычным делом. Каждое блюдо перед подачей на стол пробовалось в его присутствии.

Об охране в 250 человек говорят многие историки. В Средние века 250 человек — это была почти армия. Частная армия Томаса де Торквемада. Эта кавалькада отныне всегда следовала за ним, распуская выбежавших на дорогу любопытных мальчишек и топча в дорожной пыли зазевавшихся кур.

Глава шестая
Тяжелая болезнь
Последние проекты

Монастырь Святого Томаса

Позднее Торквемага угодился в монастырь Святого Томаса в Авила, который был построен при самом непосредственном его участии. Там он снова начал вести жизнь простого брата-монаха, продолжая по мере сил исполнять обязанности генерального инквизитора и размышлять о дальнейшем реформировании инквизиции.

Чем же он гордился больше — тем, что основал монастырь Святого Томаса, или тем, что он — генеральный инквизитор?

Скорее всего, второе теперь стало для него просто «титлом», потому что он все больше старел и страшно страдал от приступов подагры.

Великий испанский драматург Феликс Лопе де Вега, живший в XVI-XVII веках, писал: «Тот, кто больше не полезен, забыт и сердцу не любезен». Прекрасно понимал это и Торквемага. Память она вообще похожа на медную

доску, покрытую буквами, и время незаметно и неизбежно стирает их. Особенно это относится к так называемой памяти народной. А вот монастырь — он навсегда останется памятником, воздвигнутым в его честь, и никто не сможет это отрицать.

Монастырь Святого Томаса был построен в 1482 году. Наго было видеть, с каким наслаждением Торквемага изучал проекты монастыря, наблюдал за его строительством, гордился его красотой, вознесшимися сводами и резными украшениями, отличающимися непревзойденным мастерством тех, кто их изготовил. Он так любил лицезреть холодные, молчаливые стены монастыря. Это успокаивало его, придавало ему сил. Торквемага любил, приложившись к шершавым камням лбом, разговаривать с ними. Говорят, что стены имеют уши. Эх, если бы у них были еще язык и глаза...

А с недавних пор монастырь стал местом погребения Хуана Арагонского, единственного сына Изабеллы и Фердинанда, умершего 4 октября 1497 года.

в Саламанке в возрасте всего девятнадцати лет. Для него флорентийским мастером Доменико ди Сандро Фанчелли был сооружен огромный белоснежный саркофаг.

К гробнице часто приезжала поплакать и потолиться королева Изабелла, любил тихо размышлять возле нее и Торкветага. Тогда, думая о памяти люгской, он, конечно же, не мог и предположить, что уже стал и на века останется в ней фигурой нарицательной, тотальной и во многом легендарной.

Брак дочери Изабеллы и Фердинанда

Двадцать третьего августа 1498 года в Сарагосе умерла Изабелла-младшая, или Изабелла Астурийская, дочь королевы Изабеллы и короля Фердинанда. Девушке едва исполнилось 27 лет. Умерла она королевой Португалии, и ее корона тоже заслуга Торквемады.

Сначала, 3 ноября 1490 года, она была выдана замуж за инфанта Афонсу Португальского, единственного сына короля Жуана II и внука короля Афонсу V. Инфант родился 18 мая 1475 года, то есть был почти на пять лет младше Изабеллы. К несчастью, он погиб 31 июля 1491 года, упав с лошади и разбившись.

После этого Изабелла-младшая вернулась на родину, а стареющий Торквемада, понимавший всю важность союза с Португалией, принялся за организацию ее нового брака. В качестве объекта его усилий был выбран Мануэль Португальский (родился 31 мая 1469 года).

Король Португалии Жуан II,
прозванный Совершенным, после
трагической гибели своего любимого сына
и наследника стал жить очень уединенно,
почти не приезжал в столицу и на целые
недели запирался в отдаленных замках.
Здоровье его стало слабеть день ото дня.
Осенью 1495 года он поехал лечиться на
минеральные источники в Моншике и по
дороге умер. Произошло это 25 октября
1495 года в замке Алвор.

После этого на португальский трон
взошел Мануэль I Счастливый, сын
герцога де Визеу (второго сына короля
Дуарти, младшего брата короля Афонсу
V) и инфанты Беатрисы (дочери короля
Жуана I), ставший наследником после
гибели юного принца Афонсу.

Это был тот самый король Мануэль
Португальский, который в декабре 1496
года издал декрет об изгнании евреев из
своей страны.

Как ни странно, но эти два события
(женитьба короля и изгнание евреев) были
тесно связаны друг с другом, и об этом
стоит рассказать подробнее.

Возможный брак Изабеллы-младшей и короля Мануэля Торквемада обсуждал с Франсиско Хименесом, юристом, получившим образование в одном из лучших учебных заведений Европы – в Саламанкском университете.

Этот человек тоже был священником, архиепископом Толедским, а также доверенным лицом королевы Изабеллы (в 1507 году он станет великим инквизитором).

– Принцесса не очень-то хочет снова отправляться в Португалию, – задумчиво сказал Торквемада.

– И это вполне понятно, – заметил Франсиско Хименес.

– А я вот отказываюсь это понимать, – холодно возразил Торквемада. – Ведь совершенно очевидно, что вступить в союз с Португалией – это ее долг.

– Удивительно, что этого не случилось раньше, – поддакнул ему Хименес. – Ведь несчастный Афонсу погиб уже пять лет назад.

– Совершенно ясно, – продолжил

Торквемага, — что молодая Узабелла должна быть отправлена в Португалию в качестве невесты короля Мануэля. Но при одном условии...

— Условии?

— Когда мы изгнали евреев из нашего королевства, многие из них нашли убежище в соседней Португалии...

Внезапно Торквемага помрачнел, а в его глазах загорелся не предвещающий ничего хорошего огонь. Казалось, что только глаза и были живы на его уже давно неподвижном лице.

— Я желаю, чтобы этих иудействующих еретиков изгнали и из Португалии тоже!

— Но не в нашей власти диктовать королю Мануэлю политику по отношению к евреям, — заметил Хименес.

— Это так! — победоносно воскликнул Торквемага. — Однако мы можем включить это в условие его брака с Узабеллой. Мануэль жаждет жениться на ней. Для него это не просто великолепный брак... Это союз с богатым и влиятельным соседом... Молодой король весьма

чувствителен. Вспомните о его терпимом отношении к евреям, о его странных мыслях. Ему, видите ли, хотелось бы, чтобы все люди в его стране следовали своей собственной вере. Вы же понимаете, что это невозможно! А Мануэль — он просто несчастный, не осознающий своего долга по отношению к христианству, забывший о цене крови Иисуса Христа, пролитой на голгофском кресте за каждого из нас. Он, видите ли, желает свободы мысли в Португалии. Свобода для греха — вот что это такое! Он, видите ли, желает править «с терпимостью». Легко быть терпимым к чужим убеждениям, если у тебя самого их нет...

И напрасно противилась Изабелла-младшая, в XV веке редкая женщина имела право голоса. Когда она узнала о планах Торквемады, она посмотрела на мать, но тут же поняла, что та уже приняла решение и сделать это ее вынудил ее духовник. Он ведь и раньше неоднократно принимал решения за королеву.

Рядом с этими людьми принцесса чувствовала себя совершенно беспомощной. Они спрашивали о ее согласии, но оно или было ни к чему.

— Я не могу поехать в Португалию, — еще раз попыталась возразить она.

Торквемада поднялся. Это было совсем не то, что он хотел услышать.

— Делать то, что идет на пользу королевству, — это долг дочери королевского дома, — произнес он. — Угешен тот, кто говорит: «Я не хочу этого». Так нельзя. Это ваш долг, и вы должны исполнить его, иначе вы подвергнете опасности свою душу.

Королева Изабелла стиренно молчала. Торквемада был прав. У этого человека было более развито чувство долга, чем у нее. И она ничего не могла поделать с тем, что ее любовь к семье часто становилась между ней и ее долгом.

Она должна быть на его стороне. Вот и Фердинанд тоже считает, что этот брак необходим, а выдвигаемое условие очень помогло бы католической церкви.

И тогда Изабелла обратилась к

дочери, и в ее голосе зазвучали суровые нотки:

— Перестань вести себя словно талое дитя. Ты уже взрослая женщина и дочь королевского дома. И ты согласишься на этот брак, ибо на днях я отправлю к Мануэлю курьера с донесением.

Лицо Торкветады выразило одобрение. Однако он не улыбнулся. Он вообще крайне редко улыбался.

Бракосочетание Изабеллы Астурийской и короля Мануэля Португальского совершилось в 1497 году. Изабелла и Фердинанд ликовали: их дочь, Изабелла-младшая, стала-таки королевой Португалии.

Подписанный брачный договор требовал от Мануэля изгнания евреев из Португалии, что и было незамедлительно исполнено.

Король издал декрет об изгнании, а вслед за этим — об обязательном крещении еврейских детей в возрасте от четырех до четырнадцати, а потом и до двадцати лет.

Мануэль объявил, что дает евреям на

решение этих вопросов десять месяцев. Он надеялся, что те, кто уже пережил одно жестокое изгнание, все же предпочтут креститься. Но он ошибся. Почти все португальские евреи и изгнанники из соседнего королевства остались верны Святой Торе. Разгневанный Мануэль Португальский издал новый декрет, который обязывал крестить все еврейское население страны.

Настал назначенный день, и снова евреи собрались в путь. Но последовало указание о том, что изгнанники могут покидать Португалию только через лиссабонский порт. Евреи собрались в столице. Но на всех не хватило кораблей, и около двадцати тысяч человек остались в Лиссабоне. Король приказал солдатам окружить еврейский район. К евреям были посланы священники, их торили голодом, чтобы они отказались от веры отцов. Увидев, сколь велика их стойкость, Мануэль приказал солдатам силой загнать евреев в церкви и там крестить.

После этого король издал «охранный» указ, по которому «новые христиане» были

объявлены полноправными гражданами Португалии и их запрещалось преследовать за ересь в течение двадцати лет.

Двадцать первого апреля 1499 года Мануэль вдруг запретил «новым христианам» выезжать за пределы Португалии без разрешения властей. При этом, невзирая на «охранный» указ короля, католическая церковь и под ее влиянием большинство португальцев продолжали считать «новых христиан» евреями, ненавидя их как еретиков и лицемеров.

А за восемь месяцев до этого, 23 августа 1498 года, Узабелла-младшая умерла при родах долгожданного наследника Мигеля, наследного принца Португалии, Кастилии и Арагона.

В 1500 году Мануэль Португальский вновь женился, на этот раз на Марии Арагонской, сестре покойной Узабеллы. От этого брака у них было десять детей, в том числе будущие короли Португалии Жуан III и Энрике I, будущая супруга императора Карла V Габсбурга Узабелла и будущая супруга герцога Савойского Карла

III Беатриса.

Ничего этого Томас де Торквелага не узнает, так как он умрет через 23 дня после смерти Узабеллы-младшей.

Последний свод инструкций Торквемады

Пока же Торквемаде было 78 лет, и он с удовлетворением оглядывался на последние годы своей жизни. Теперь он мог только гадать тому, что произошло с той поры, как он покинул свой монастырь и начал крупными буквами вписывать свое имя в Историю.

Его великие, как он считал, успехи заключались в налаживании работы новой инквизиции, в объединении королевства и в изгнании мавров и иудеев.

Когда он вспоминал об этом, то приходил в восторг. Но, увы, теперь его все чаще и чаще стало подводить старое немощное тело, и кроме того, у него было множество врагов. Ему хотелось почаще видеться с Франсиско Хименесом. Он не сомневался, что такому человеку вполне можно будет доверить судьбу Испании; он сумеет направить короля и королеву на должный путь.

— Мне надо еще многому научиться

его, — шепотом говорил сам себе Торквемада. — Но, увы, времени у меня практически не осталось.

Он чувствовал себя страшно уставшим, потому как только что распрощался с главными инквизиторами. В 1498 году он созвал их в Авила, чтобы дать им новые инструкции, которые он составил для введения их в кодекс инквизиции (как видите, даже будучи совсем больным, Торквемада постоянно думал о преобразованиях и о расширении своего детища).

Последний свой инструкций Торквемады, датированный маем 1498 года, состоял из шестнадцати пунктов, главными из которых были первые девять. Вот они:

1. В каждом суде должно быть по два инквизитора, причем один из них должен быть юристом, а другой — богословом. Они должны действовать сообща при вынесении судебного приговора или при пытке. Также они обязаны вместе оглашать имена свидетелей.

2. Служащим инквизиции не

позволяется применять орудия пытки там, где это запрещено.

3. Никто не может быть арестован без обоснованного доказательства вины, а судебные разбирательства должны проводиться как можно скорее, а не затягиваться на длительные сроки.

4. Дела в отношении умерших должны разрешаться быстро, поскольку задержки причиняют большие страдания родственникам и детям этих людей, так как последним запрещается вступать в брак до окончательного рассмотрения дел их родителей.

5. Размер денежных взиманий (штрафов) не должен зависеть от состояния казны инквизиции.

6. Тюремное заключение не может искупаться уплатой штрафа; и только великий инквизитор может дать разрешение на отмену санбенито^{[30](#)} и освободить детей от бремени родительских грехов.

8. Инквизиторы должны заботиться о том, чтобы исповедовавшиеся в своих

грехах после ареста искренне
раскаивались. При этом следствие не
должно быть слишком длительным, а
грехи не должны быть явными
непослушанием закону и должны ясно
осознаваться арестованными.

9. Инквизиция должна сурово и
публично наказывать всех лжесвидетелей.

10. В суде не должно быть людей,
состоящих между собой в родственных или
деловых отношениях.

Это были последние инструкции
Торквемады, и, читая их, можно
подумать, что телесные страдания
стягчили нрав генерального инквизитора.
Можно до бесконечности говорить о том,
что это лишь некоторая «внешняя
демократизация» судебных
разбирательств в отношении еретиков и
что она «никак не касалась
основополагающих принципов работы
инквизиции», но, если посмотреть на это,
как говорится, без полетического задора,
все будет выглядеть совершенно иначе.

Английский проект

А еще Торквемага ждал возвращения своих гонцов из Англии, куда он направил их со специальным посланием к королю Генриху VII из рода Тюдоров.

Коварный английский король, правивший с 1485 года, отлично понимал, что великий инквизитор обладает большой властью над Изабеллой и Фердинандом. Шпионы английского короля уведомяли его, что Католические короли часто посещали Торквемагу в монастыре Святого Томаса в Авиле.

Гонцы прибыли, и Торквемага приказал немедленно доставить их к нему.

Гонцы чувствовали себя не в своей тарелке в его присутствии: было в этом человеке что-то такое, что кидало людей в дрожь. Его пронзительные глаза, наверное, видели в людях некую ересь, о которой те даже не подозревали. С его тонких губ неожиданно мог слететь вопрос, ответ на который для любого мог закончиться чем угодно, даже смертью.

— Какие новости от короля Англии? — сурово спросил Торкветага.

— Монсеньор, король Англии шлет вам свое высочайшее почтение и хочет довести до вашего сведения, что он очень хотел бы стать вашим другом.

— Вы передали ему мою просьбу?

— Да, монсеньор, и получили ответ из его собственных уст. Король Англии не допустит в свое королевство тех, кто попросит у него убежища, скрываясь от святой инквизиции.

— Он просто заявил об этом или поклялся?

— Монсеньор, он положил руку на сердце и дал клятву. Он также поклялся, что будет преследовать всех еретиков, которые попытаются найти убежище в его королевстве.

— Что-нибудь еще?

— Еще король Англии сказал, что поскольку он ваш друг, то уверен, что и вы станете его другом.

Торкветага улыбнулся с чувством глубокого удовлетворения и отпустил угрожающих от страха гонцов.

Но крайней мере английский король Генрих VII – ему не враг. Он сделал то, о чем просил Торквелмага, и должен быть вознагражден. Значит, не надо больше откладывать брак его старшего сына Артура с Екатериной, самой младшей дочерью Изабеллы и Фердинанда. Утверждать же, что она еще совсем дитя (а ей было всего 13 лет) – глупая сентиментальность.

Это было важное династическое дело, требующее его вмешательства, и оно обязательно будет доведено до конца...

Вот только если бы не эта страшная усталость... Но он должен встряхнуться. Устроить этот брак – его долг, и ничто на свете не может воспрепятствовать выполнению долга^[31].

Глава седьмая

Смерть великого инквизитора

Последние дни Торквемады

Когда Торквемаде стало совсем плохо, королева Изабелла сама приехала к нему, чтобы попрощаться.

— Мне прискорбно видеть вас больным, монсеньор, — сказала она.

Томас де Торквемада лежал, как обычно, на твердом тюфяке, тяжело дыша. Болезнь невыносимо мучила его, и ему все труднее и труднее становилось не то что передвигаться, но даже шевелиться.

— Я все сильнее страдаю от жестокой погазры, — промолвил великий инквизитор.

— Необычное заболевание при вашем образе жизни, — заметила Изабелла.

— Подобные испытания ниспосланы нам Небом для нашего же блага, — прошептал он. — Но мне так много надо еще сделать, а времени остается так мало...

— Вы правы, монсеньор. Всем бы обладать вашей силой духа.

Это была сущая правда. Только немногие люди на земле имели такую

силу воли, чтобы всегда и во всех обстоятельствах дисциплинировать себя, как это умел делать он. Узабелла прекрасно понимала это.

– Если бы я был помоложе... – тяжело вздохнул Торквемага. – Если бы я мог избавиться от этой болезни, от этой немощи, поразившей мое тело...

Когда тело перестает слушаться человека, какой бы силой воли он ни обладал, это значит, что его конец близок. Даже сам великий Торквемага не мог подчинить себе свою плоть до такой степени, чтобы совсем не обращать на нее внимание.

Он лежал на спине. Он понимал, что событие, о котором долго будут говорить в городах и селениях королевства, а также за его пределами, уже совсем близко. Смерть стояла возле его оград. Он чувствовал, что силы покидают его с каждым ударом сердца.

Но ведь люди постоянно умирают, это процесс естественный и неизбежный. Но его приказу погибло немало людей, но поступал он абсолютно правильно. Ведь

они все были неверными и нечестивцами. Он был убежден в этом и не боялся кары небесной. Единственное, чего он всегда страшился, — это беспомощности.

— Нет! — вдруг громко сказал он. — Физическую боль мне терпеть не страшно! И смерть меня не пугает, ибо чего мне бояться перед лицом Создателя? А будет ли моя смерть потерей для мира? Вот чего мне следует опасаться!

«О, Пресвятая Богородица, Царица Небесная, — часто последнее время молился он, — дай силу тому, кто придет сменить меня. Дай ему такую силу, чтобы он мог руководить так, как это делал я. Вот тогда я умру счастливым. Я верю, что хорошо справился со своей работой и снискал Твое расположение. Верю, что Ты обратишь во внимание, сколько души было обращено в истинную веру, сколько спасено мною. Помни, Пренепорочная, надежда всех христиан, об усердии слуги Твоего Томаса де Торквемада. Услышь стенание мое, Владычица, мать Бога моего. Не отринь меня, грешного. Царица Небесная, заступница, покрой Твоим ходатайством

твоего презрения. Помни о моей любви к тебе...»

Он не боялся смерти. Он был уверен, что будет принят на Небесах с превеликими почестями и славой.

После ухода королевы Изабеллы Торквемада зашел помощник и принес последние донесения из Рима. Великий инквизитор с трудом прочел их, и гнев вспыхнул в нем с такой силой, что его распухшие от подагры руки грозили.

Он и Александр VI, похоже, родились, чтобы стать врагами. Родриго Борджиа! Его основным желанием было осыпать своих сыновей и дочь Лукрецию почестями, о которых, будучи слугой святой Церкви, он не имел права и думать. Казалось, он насмехался над обычаями. Ходили слухи о его кровосмесительной связи с собственной дочерью, хорошо было известно, что он практиковал непотизм, а проще говоря – клановость, то есть раздача должностей и земель своим родственникам. Именно так, кстати, его сын Джованни стал герцогом Гандии, Чезаре – герцогом Валансским и

Романьольским, а Лукреция получила жениха, брак с которым обеспечил клану Борджиа необходимый политический союз с могущественным родом герцогов Миланских.

И что общего могло быть у такого человека, как Торквемада, чья жизнь проходила в попытках спасения заблудших, с одержимым страстями нечистивцем Родриго Борджиа? Ничего!

Александр VI понимал это, а так как он был человеком коварным и мстительным, он постоянно препятствовал энергичным усилиям Торквемады. Четыре года назад великий инквизитор получил от папы письмо и до сих пор отчетливо помнил каждое написанное в нем слово. Гнусный Борджиа уверял его, что хранит в памяти «чувство глубокого расположения к Торквемаде за его неустанный труд по приумножению прославления веры», но озабочен его весьма преклонным возрастом и не может позволить ему излишне перетруждаться. Какое отвратительное лицемерие! Он же отнюдь не в силу любви к Торквемаде

назначил ему четырех заместителей, которые якобы должны были помогать ему в огромной и сложной работе по установлению и укреплению инквизиции. На самом деле они получили право обжаловать любые его решения, и это было воспринято Торквемагой как оскорбление чести, которому он посвятил всю свою жизнь.

Это не могло не нанести сильнейший удар по влиянию Торквемаги. Новые инквизиторы, назначенные папой, разделили с ним его власть, и титул генерального инквизитора потерял свое значение.

Вне всяких сомнений, Александр VI и себя в Ватикане был врагом Торквемаги. Конечно, он решил, что Торквемага обладает слишком большой властью. Однако великий инквизитор догадывался, что вражда между ними возникла из-за другого. Это было желание человека с чрезмерными плотскими запросами, которые тот даже не старался побороть, очернить и оклеветать другого человека, полностью отказавшегося от всех мирских

соблазнов.

И вот теперь, когда Торкветага был близок к смерти, Александр VI решил нанести ему еще одно оскорбление.

На площади перед собором Святого Петра римский папа теперь собрал евреев, многие из которых были изгнаны из Испании. Александр VI просто издевался над Торкветой. Впрочем, а почему бы не сделать и более суровый вывод — он просто стебался над самой Церковью, которую так усердно использовал ради своей личной выгоды. Он приказал провести на площади службу, и больше сотни последователей иудаизма и беженцев от гнева Торкветы потом были отпущены без каких бы то ни было наказаний. На них даже не надели санбенито...

Александр VI отпустил их всех го го го го, словно благочестивых и добродетельных граждан Рима. Алчный Родриго Борджиа всегда охотно проворачивал выгодные дела с евреями и маврами, и именно таким образом он сколотил свое огромное состояние, которое и помогло ему достичь папского

престола...

Когда Торквемада думал об этом, он крепко сжимал кулаки. Это было прятным скорблением, и не только его лично, но и всей испанской инквизиции. «Я лежу здесь, — размышлял старик, — мне семьдесят восемь лет, и я готов до конца своей жизни служить Матери-Церкви и святой инквизиции. Но мое тело уже не подчиняется мне и не способно воспротивиться подобному бесчинству!»

Шестнадцатого сентября 1498 года Торквемада позвал к себе своего секретаря.

— Я чувствую, что конец мой близок, — обратился к нему Торквемада. — И не надо смотреть на меня так. Я прожил долгую жизнь, в течение которой достойно служил Господу нашему Иисусу Христу. Я не желаю, чтобы меня хоронили с почестями. Положите меня на общем кладбище среди братьев моего монастыря. Там мне будет хорошо.

Секретарь быстро проговорил:

— Монсеньор, вы так крепки духом. У вас впереди еще много лет жизни.

— Оставь меня, — приказал

Торкветага. — Я должен притириться к
Господом...

Великий инквизитор тихо лежал на жестком тюфяке, и силы медленно уходили из него. Вскоре он перестал понимать, где находится. Ему грезилось, что он поднимается куда-то вверх и там звучит красивая музыка...

— Когда раскроется книга деяний твоих... Сын Божий, помилуй меня грешного, раба Твоего... В руки твои, Господи, предаю дух мой. Аминь... — прошептал Торкветага, и уверенная улыбка едва тронула его губы.

Чуть позже к нему вновь заглянул его секретарь и понял, что настало время последнего обряда.

Одни считают Томаса де Торкветага святым, другие — величайшим злодеем. За сухими строками приказов и распоряжений Торкветага трудно разглядеть, каким он был на самом деле. Как будто это был не человек из плоти и крови, а некий робот, само воплощение должности великого инквизитора. Того, кто посылает людей на смерть, чтобы

спассти их души.

Торквемада был похоронен в часовне построенного им монастыря Святого Томаса в Авиле.

Могила эта сохранялась до 1836 года, а потом ее разрушили экстремистски настроенные испанские либералы. При этом они заявили, что фанатик Торквемада, заставивший столько людей страдать, должен сам пострадать постертно, что ему, приказавшему извлечь столько людей из могил, чтобы надругаться над их останками, суждена точно такая же участь.

Утог деятельности инквизиции при Торквемаде

В XIX и XX веках очень многие стали называть Торквемаду преступником, ставя его в один ряд с Адольфом Гитлером и ему подобными.

Ричард Ли и Майкл Бейджент в книге «Ценные псы Церкви. Инквизиция на службе Ватикана» рассказывают: «Под бескомпромиссным руководством Торквемады деятельность испанской инквизиции возобновилась с удвоенной энергией. 23 февраля 1484 года тридцать жертв были одновременно сожжены живьем в Сьюдад-Реале. Между 1485 и 1501 годами были преданы огню 250 человек в Толедо. В Барселоне в 1491 году три человека были казнены, а еще 220 присуждены к смерти в их отсутствие. В Вальядолиде в 1492 году были одновременно казнены тридцать два человека. Перечень всех зверств занял бы несколько страниц».

Хуан Антонио Льоренте первым

произвел детальные подсчеты: «Томас де Торквемада, первый генеральный инквизитор Испании, умер 16 сентября 1498 года. Его злоупотребление своими безмерными полномочиями должно было бы заставить отказаться от мысли дать ему преемника и даже уничтожить кровавый трибунал, столь несовместимый с евангельской кротостью. Насколько согласиться, что число жертв за восемнадцать лет с его утверждения достаточно оправдывало эту меру. Я думаю, что не выйду из границ намеченной цели, установив здесь их подсчет».

Сразу же оговоримся: Хуан Антонио Льоренте пишет о восемнадцати годах, но Томас де Торквемада стал генеральным инквизитором Кастилии, а потом и Арагона лишь осенью 1483 года, то есть формально он находился во главе испанской инквизиции не 18, а 15 лет.

Казалось бы, невелика разница. Однако далее бывший секретарь инквизиции, уже ошибшийся один раз, производит более сложные математические операции. При этом он

сам оговаривается, что для того, чтобы
сделать это, «надо прибегнуть к методу
приближения».

«Метод приближения» Хуана
Антонио Льоренте достаточно
оригинален. Если не сказать, что он
отличается чрезвычайной
тенденциозностью. Во всяком случае,
следуя «намеченной цели», этот автор
включает в общий итог деятельности
Торквемады жертвы инквизиции до его
вступления в должность генерального
инквизитора, а также жертвы инквизиции
на неподвластных непосредственно
Торквемаде территориях.

Для начала Хуан Антонио Льоренте
пишет: «Хуан де Мариана утверждает на
основании старинных рукописей, что в
первый год инквизиции в Севилье сожгли
две тысячи человек, что такое же число
было сожжено фигурально и что
семнадцать тысяч человек подверглись
публичному покаянию. Я мог бы говорить
без боязни преувеличения, что другие
трибуналы осудили столько же лиц в
первый год своего учреждения; но я уменьшу

это число в десять раз, потому что доносы свирепствовали в Севилье сильнее, чем в других местах.

Андрес Бернальдес, историк этой эпохи, говорит, что с начала 1482 года включительно по 1489 год в Севилье было сожжено семьсот человек и более пяти тысяч подверглись епитимьям, не считая фигуральных сожжений. Я предположу, что число последних равнялось половине сожженных живьем, хотя иногда оно бывало значительно больше.

По этому предположению в каждый год отмеченного периода восемьдесят восемь человек осуждалось на сожжение живьем, сорок четыре сжигалось фигурально и шестьсот двадцать пять подвергалось публичному покаянию в одном только городе Севилье. Этот расчет приводит итог жертв инквизиции до семисот пятидесяти семи человек.

Я думаю, что такое число их было и во второй, и в последующие годы во всех других инквизициях. Я основываю свое мнение на том, что не встречаю ничего противоречащего этому утверждению. Во

всяком случае, я уменьшу число наполовину.

В 1524 году на здании сеvilьской инквизиции поместили надпись, из которой явствует, что со времени изгнания евреев, происшедшего в 1492 году, до этого года было сожжено около тысячи человек и более двадцати тысяч было присуждено к епитимьям».

«Я мог бы говорить без боязни преувеличения... Я уменьшу это число в десять раз... Я предположу... Я думаю... Я основываю свое мнение на том, что не встречаю ничего противоречащего этому...» Право же, автор приведенных подсчетов использует весьма странный метод.

«В 1481 году, — пишет далее Хуан Антонио Льоренте, — инквизицией Севильи были сожжены живьем две тысячи человек, две тысячи сожжены фигурально и семнадцать тысяч подвергнуты различным карам, что в итоге составляет цифру в двадцать одну тысячу осужденных...

В 1482 году в Севилье были сожжены

живьем восемьдесят восемь человек,
сожжены физурально сорок четыре и
приговорены к другим наказаниям
шестьсот двадцать пять, что в итоге за
этот год дает цифру семьсот пятьдесят
семь человек...

1483 год представляет подобное же
число жертв в Севилье по скромному
расчету, положенному мной в основание. В
эту эпоху приступили к отправлению
своих обязанностей инквизиционные
трибуналы Кордовы, Хаэна и Толедо,
учрежденные тогда в Сьюдад-Реале.
Согласно принятому предположению, мы
имеем для каждого из этих трибуналов
двести человек сожженных живьем, двести
сожженных физурально и тысячу семьсот
подвергшихся публичному покаянию, что
сводит число всех осужденных до двух
тысяч ста человек. Для трех трибуналов
число это будет равняться шести
тысячам тремстам. Прибавим сюда число
осужденных в Севилье, получим: шестьсот
восемьдесят восемь сожженных живьем,
шестьсот сорок четыре сожженных
физурально, как осужденных заочно или

утерших раньше, и пять тысяч семьсот двадцать пять понесших другие кары, а всего в общем семь тысяч пятьдесят семь человек, присужденных к различным наказаниям».

Не будем иронизировать по поводу методики приводимых расчетов, больше напоминая подсчет средней температуры по больнице. Ограничимся лишь тем, что еще раз напомним – Томас де Торквемада стал генеральным инквизитором Кастилии лишь в августе 1483 года, а на Арагон его власть распространилась еще через два месяца, 14 октября 1483 года.

Аналогичным образом Хуан Антонио Льоренте ведет свои подсчеты и дальше.

«В 1484 году в Севилье все происходило по-прежнему». «В 1485 году образ действий инквизиторов Севильи, Кордовы, Хаэна и Толедо был одинаков». Сюда же «зацикленный» на своих целях Льоренте добавляет жертвы трибуналов инквизиции в Эстремадуре, Вальядолиде, Калаоре, Мурсии, Күэнсе, Сарагосе и Валенсии. «Для 1486 года тот же

результат получается в Севилье, Кордове, Хаэне и Толедо». «В 1487 году одиннадцать уже существовавших инквизиций осудили то же количество людей, что и в предыдущем году». Сюда же плюсятся жертвы инквизиции Барселоны и Мальорки...

Детально вдаваться в рассуждения Хуана Антонио Льоренте нет смысла, а главный его вывод выглядит так: «Торквемада за восемнадцать лет, которые продолжалась его инквизиционная служба, десять тысяч двести двадцать жертв сжег живьем, шесть тысяч восемьсот шестьдесят сжег физически после их смерти или по случаю их отсутствия и девяносто семь тысяч триста двадцать одного человека подверг позорению, конфискации имущества, пожизненному тюремному заключению и исключению из службы на общественных и почетных должностях. Общий итог этих варварских казней говорит число навсегда погибших семейств до ста четырнадцати тысяч четырехсот одного. Сюда не включены те лица, которые по своим

связям с осужденными разделяли более или менее их несчастье и горевали, как друзья или родственники, о строгостях, постигших несчастные жертвы».

Далее Хуан Антонио Льоренте пишет: «Я не принял в расчет лиц, осужденных в Сардинии, чтобы меня не обвинили в преувеличении».

Вот даже как... Конечно, Сардиния с 1326 года формально находилась под властью Арагонской династии, но неужели и за жертвы инквизиции на этом далеком острове тоже мог бы быть ответственен лично Торквемада?

А чуть ниже Хуан Антонио Льоренте с гордостью заявляет, что не упоминает об инквизиции в Галисии (но там ее при Торквемаде еще не существовало), а также о трибуналах на Канарских островах и на Сицилии.

Неужели Торквемада должен быть ответственен вообще за все жертвы инквизиции на всех территориях, где она существовала? Тогда почему бы не приплюсовать к общему итогу еще и жертвы инквизиции, например, во

Франции, ведь там их было особенно много?

Итак, по мнению Хуана Антонио Льоренте, Торквемада виновен в том, что 10 220 человек было сожжено на костре, 6860 человек, спасшихся от казни посредством бегства или естественной смерти, было сожжено «фигурально», то есть были сожжены их изображения (чучела или портреты), и 97 321 человек был подвергнут конфискации имущества, тюремному заключению, изгнанию со службы и прочим наказаниям. Итого, общий итог деятельности Торквемады — 124 401 жертва.

Барон Антонио Лопес де Фонсека в своей книге «Политика, очищенная от либеральных иллюзий», изданной в 1838 году, называет примерно такие же цифры: «Трибунал инквизиции при Торквемаде, во время правления Фердинанда и Изабеллы, с 1481 по 1498 год, истребил на кострах 10 220 человек; казнил изображения 6860 человек, а также приговорил к галерам и тюремному заключению 97 371 человека».

Цифры Леонара Галлуса полностью

соответствуют цифрам барона де Фонсеки, но его книга «Краткая история инквизиции в Испании» была опубликована на пятнадцать лет раньше.

А вот данные Максимилиана Шёлля, опубликованные в 1831 году: «Торквемага умер в 1498 году; было подсчитано, что за восемнадцать лет его инквизиторского правления 8800 человек было сожжено, 6500 было сожжено в виде изображений или уже после их смерти и 90 тысяч испытали на себе наказание позором, конфискацией имущества, пожизненным заключением и увольнением с должности».

Фридрих Шиллер в своей «Истории восстания в Нидерландах против испанского правления» утверждает: «Отец Томас де Торквемага оставил после своего правления счет, делающий честь его усердию. Опиравшиеся на всю силу Короны, его действия имели успех быстрый и удивительный. С удивлением можно прочесть, что за тринадцать-четырнадцать лет испанская инквизиция провела 100 тысяч процессов, приговорила к сожжению 6 тысяч еретиков и обратила в

христианство 50 тысяч человек».

А вот уже упоминавшийся нами Жан Батист Делиль де Саль. В своей «Философии природы» он пишет: «Доминиканец, звавшийся Торквелагой, похвалялся тем, что осудил 100 тысяч человек и сжег на костре 6 тысяч человек».

Братья Мишо в своей «Универсальной биографии», изданной в 1826 году, утверждают, что «за шестнадцать лет своего правления» Торквелага «сжег на костре реальных 8800 жертв и 6500 изображений, а также приговорил 90 тысяч человек к наказанию позором, пожизненным заключением, конфискацией имущества и увольнением с должности».

Как видим, цифры жертв Торквелаги называются очень разные: от шести тысяч до 10 220 человек якобы было сожжено на костре, 6500-6860 человек якобы было сожжено «фигурально» (то есть были сожжены их изображения), от 90 до 100 тысяч человек якобы было подвергнуто другим наказаниям, в том числе конфискации имущества и пожизненному тюремному заключению.

Все эти «подсчеты» явно имеют один источник — это Хуан Антонио Льоренте. Но вот можно ли ему верить?

Парижский священник Николас Сильвестр Бержье в своем «Теологическом словаре», изданном в 1817 году, категорически не соглашается с подобными оценками итогов деятельности Торквемады. Он пишет: «Считается, что за четырнадцать лет он провел более 80 тысяч процессов и казнил как минимум пять-шесть тысяч человек; очевидно, что это преувеличение».

Так сколько же на самом деле было жертв?

У Беатрис Леруа читаем: «Исследователи признают сегодня, что невозможно достичь точного подсчета числа жертв, и они называют цифры Льоренте чрезмерно преувеличенными».

А вот мнение историка Жана Севилля: «Любая общая цифра лишена научного смысла, а потому следует довольствоваться частичными показателями». Датский историк Густав Хеннингштейн изучил 50 тысяч

инквизиторских судебных дел, датированных 1560-1700 годами. «Лишь примерно один процент обвиняемых был казнен», — пишет он.

Пьер Шоню уверен, что цифры Льоренте нужно поделить как минимум на два. «Десять-двенадцать тысяч казненных за три столетия, — пишет он, — должны быть сопоставлены с пятьюдесятью тысячами сожженными в остальной Европе колдуньями за три или четыре десятилетия в начале XVIII века. Это сравнение показывает, что репрессии инквизиции с точки зрения человеческих жизней были относительно экономными».

В большинстве энциклопедий можно найти цифру 10 220, приводимую Хуаном Антонио Льоренте. К сожалению, эта цифра появилась не из реальных документов, а из умозрительных представлений указанного автора о том, сколько казненных еретиков должно было бы быть.

Карл Йозеф фон Хефеле в своей книге о кардинале Хименесе по этому поводу рассуждает следующим образом: «Первые

фундаментальные данные, из которых
исходит Льоренте, — это цифра в две
тысячи жертв, которые он называет,
ссылаясь на авторитет Марианы, в
качестве сожженных в Севилье в первый
год работы инквизиции, то есть в 1481
году. К счастью, у нас тоже есть под рукой
„История Испании“ этого знаменитого
иезуита... Мариана говорит, что при
Торквемаде было сожжено две тысячи
человек. А в каком году, согласно
Льоренте, Торквемада впервые начал
исполнять обязанности великого
инквизитора? В 1483-м. Понимается ли
сейчас, что этот историк говорит о двух
тысячах жертв лишь в 1481 году, тогда как
Мариана называет эту цифру за весь
период деятельности Торквемады,
который в 1481 году еще не был
инквизитором? Правда состоит в том — и
Льоренте мог бы знать это... — что две
тысячи смертных приговоров, о которых
идет речь, распространяются на много
лет и на все трибуналы инквизиции
королевства при Торквемаде, то есть на
пятнадцатилетний период».

А вот, например, русский историк-медиевист XIX века Т. Н. Грановский выдает нам следующее: «По вычислению Льоренте, инквизиция сожгла в одной Испании более тридцати тысяч человек».

Но откуда взята эта цифра? Тридцать тысяч человек – это за какой период времени? По различным данным, до тридцати тысяч человек было сожжено в Испании в период с 1481 по 1808 год, то есть за 327 (!) лет.

Цифровые данные, приводимые Хуаном Антонио Льоренте, считаются чрезмерно преувеличенными не только его современником Никола Сильвестром Бержье, но и большинством более поздних по времени исследователей.

По оценкам, во время срока полномочий Торквемады инквизиция сожгла на костре не более двух тысяч человек. В частности, аббат Эльфеж Вакандар в своей книге «Инквизиция», изданной в 1907 году, пишет: «Самые умеренные оценки показывают, что во времена Торквемады было сожжено на костре примерно две тысячи человек... За

этот же период времени пятнадцать тысяч еретиков было приурочено к Церкви через раскаяние. Это дает в сумме семнадцать тысяч процессов. Понятно, что и для Торквемады, оклеветанное вволю, остается привязанным к этому периоду, в течение которого „конверсы“ в таком большом количестве проходили перед трибуналами испанской инквизиции».

Цифру две тысячи называют немало авторов. Это и Августин Боннетти (*Annales de philisophie chretienne*, 1863), и Фуларет Шаль (*Voyages d'un critique a travers la vie et les livres*, 1868), и Джеймс Крейгу Робертсон (*History of the Christian church*, 1873), и Мэлаки Мартин (*Jesus now*, 1973), и Стив Лак (*Philip's world history encyclopedia*, 2000), и Тоби Грин (*Inquisition: the reign of fear*, 2009), и многие-многие другие.

Даже проеврейский историк Генрих Грец в своей «Истории евреев» соглашается с этим. Некоторые же утверждают, что две тысячи человек – это число сожженных еретиков в период с 1481 по 1504

тогда, то есть до смерти королевы
Изабеллы, а это гораздо больший отрезок
времени, чем тот, когда Томас де
Торквемада возглавлял испанскую
инквизицию.

И. Р. Гризуневич в своей книге
«Инквизиция» возмущается: «Разумеется,
апологеты Церкви оспаривают данные
Льоренте, утверждая, что они
„завышены“... Но у Льоренте имеется перед
нами одно немаловажное преимущество:
как-никак, а он все же был секретарем
испанской инквизиции и писал, опираясь на
материалы ее архивов. Но даже если
данные Льоренте преувеличены, разве это
меняет преступный характер
инквизиции?»

Даже если данные и преувеличены,
это не меняет... Удивительная для
историка формула. Это примерно то же
самое, как если бы судья в заключительной
речи сказал: «Даже если данные следствия
и преувеличены, разве это меняет
преступный характер содеянного...» Можно
ли на основании такой логики
приговаривать к высшей мере наказания?

А если такой приговор состоялся, то что это?

Профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Күраев отвечает на этот вопрос: «В целом в Европе святой трибунал сжег более тридцати тысяч колдуний. Тоже чудовищно, конечно. Но все же — не миллионы. На фоне светских репрессий безбожного XX века цифра в 30 тысяч, распределенная по всем странам и несколькими веками, уже не кажется ослепительной. Инквизиция была оболгана сначала протестантами, а затем масонами авторами».

Еще несколько слов в защиту Томаса де Торквемада

За прошедшие со смерти Торквемады пять с лишним веков неоднократно раздавались голоса в его защиту. В частности, испанский хронист Себастьян де Ольмедо называл его «молотом еретиков, светом Испании, спасителем своей страны, честью своего ордена».

Угелог французской Реставрации граф Жозеф де Местр написал во время пребывания в эмиграции в Санкт-Петербурге, в 1815 году, памфлет в защиту инквизиции, известный как «Письмо одному русскому дворянину об инквизиции». В этом произведении граф утверждает, что инквизиция была создана правителями Испании, так как само существование испанской нации находилось под угрозой, как мусульманской, так и иудейской. Он пишет: «Никогда яростные атаки против государства не были бы отбиты, если бы не применялись такие же насильственные методы».

Согласно Жозефу де Местру (и в этом с ним трудно не согласиться), деятельность Томаса де Торквемады должна рассматриваться в контексте опасностей, которые грозили государству, в котором он жил и которое он очень любил. Граф констатирует: «Если вы подумаете о суровости Торквемады, не сожалея о том, что они предотвратили, вы прекратите осуждать».

Надо сказать, что существует целое направление в современной исторической науке, которое подвергает ревизию традиционную историю испанской инквизиции, с которой неразрывно связано имя Торквемады. Его возглавляет Генри Кейтлен, британский историк, живущий в Испании. По мнению представителей этого направления, «черная легенда» (то есть историко-психологический комплекс негативных заключений и стереотипов, бытующих мнений и точек зрения по отношению к инквизиции) в значительной степени обязана своим возникновением протестантским авторам. В частности, речь идет об англиканском священнике

XVJ века Джоне Фоксе, который за свои реформаторские взгляды был осужден инквизицией и долгие годы скрывался от ее преследований. Эти авторы, находясь вдали от репрессий против протестантов, преподносили всё в черных тонах, имея в конечной цели пропаганду против католической церкви. «Черная легенда» была весьма сильно «прогвинута» в Англии и Голландии, то есть в странах, которые были политическими и торговыми противниками Испании.

«Ревизионисты», возглавляемые Генри Кейменом (к ним принадлежат Жан Севилля, Анри Мезоннёв, Бартоломе Беннассар и др.), стараются поставить историю инквизиции в контекст общей истории. Они считают, что на самом деле испанская инквизиция не была ни такой могущественной, ни такой кроваво-ужасной, как о ней принято говорить.

Историк Жан Севилля пишет: «Торквемада символизирует собой позор инквизиции. Но папа Григорий IX создал инквизицию в 1231 году. Торквемада же стал великим инквизитором Испании в

1484 году, то есть через два с половиной века, а это такой же отрезок времени, который отделяет нас, французов XX века, от Людовика XV».

Это говорит о том, что в Испании инквизиция Торквемады появилась и развивалась в своем особом историческом контексте. По словам Бартоломе Беннассара, инквизиция была «экспонентой общества».

Жан Севиллья уверен, что Торквемада «не есть продукт католицизма: он является плодом национальной истории».

Да, Торквемада был производной от истории Испании, но эта производная была не пассивной, а активной. В самом деле, трудно переоценить степень воздействия, которое оказал этот человек на историю своей страны. Он избавил Испанию от папского влияния и сыграл важнейшую роль в объединении королевств Кастилия и Арагон в единое независимое государство. Благодаря Торквемаде Испания превратилась в одно из самых могущественных государств Европы.

положила начало колонизации Нового Света и впоследствии стала, по сути, «культурной матрицей» для всей испаноговорящей Латинской Америки. Кстати сказать, по сей день в латиноамериканских странах есть диома «Madre Patria», которую можно перевести как «Родина-мать». Ею обозначают Испанию.

А вот еще одно утверждение Жана Севилля: «Изгнание евреев – каким бы шокирующим оно ни виделось нам – не происходило из расистской логики: это был акт, который имел целью завершение религиозного объединения Испании... Католические короли на самом деле действовали, как и все европейские правители того времени, исходя из принципа „Одна вера, один закон, один король“».

Торквемада по праву называют спасителем Испании. Но нельзя отрицать и тот факт, что колоссальные усилия, которые тратились Торквемадой на создание инквизиции, нанесли и немалый ущерб этому государству.

Жизнь Торкветады вообще была полна противоречий. Огни, как мы уже говорили, считали его светочем Испании, почти святым; другие – величайшим злодеем, самым жестоким из фанатиков, когда-либо живших на земле. Кто-то утверждает, что он был необычайно скромнен; кто-то обвиняет его в гордыне, любви к роскоши и похвальбе тем, что он осудил и сжег на костре десятки тысяч человек.

Древнегреческий поэт Гесиод говорил: «Устинно велик тот человек, который сумел овладеть своим временем». В этом смысле, без сомнения, Торкветада был великим человеком. Но и великий человек – это всего лишь человек, человек со всеми его проблемами, комплексами и слабостями. К тому же, как утверждал Аристотель, «не было еще ни одного великого ума без примеси безумия».

«Британская энциклопедия» – известная носительница традиционных стандартов – пишет о Торкветате: «Его имя стало символом ужасов инквизиции, религиозного ханжества и жестокого

фанатизма».

Однако ряд современных авторов (и их становится все больше и больше) старается пригладить этой картине гораздо больше нюансов, ставя Торквемагу в конкретный исторический контекст.

В Торквемаге в самом деле странным образом уживались противоположные качества, но разве не таким же точно был и сам XV век?

Слово «инквизиция», напрямую ассоциирующееся с Торквемагой, давно стало нарицательным. Оно вошло в лексикон современного человека, хотя о самой инквизиции, за исключением весьма скудных данных, почерпнутых из книг, учебников и энциклопедий, широкому читателю известно сравнительно немного.

Марселей Дефурно пишет: «Испанская инквизиция!.. Эти слова уже в течение четырех веков пробуждают в воображении мрачные тюрьмы, ужасающие пытки и огонь костров, освещавших аутодафе».

Далее этот историк говорит о том, что именно этим и «объясняются попытки

значительной части испанской историографии скорректировать общие суждения об этом учреждении». Он отмечает, что «пытки и наказания, применявшиеся Святой службой, не отличались от тех, которые были в обычае и в других судах», что «церемонии аутодафе проводились в исключительных случаях». По мнению Марселена Дефурно, «таковы бесспорные факты», но также верно и то, что «инквизиция занимала в жизни испанцев... очень важное место не только из-за судов, которые она вершила, но и из-за впечатления, налагавшегося ею на умы людей той своеобразной смесью ужаса и почитания, которую вызывало само ее упоминание».

Тема инквизиции, без сомнения, является «ультраполетической». На протяжении веков множество раз слово «инквизиция» использовалось в качестве синонима понятия «религиозный фанатизм». Происходило все в значительной степени по принципу, провозглашенному Паулем Йозефом Геббельсом, а тот любил говорить, что

«ложь, повторенная десять раз, остается ложью, повторенная же десять тысяч раз, она становится правдой».

В настоящее время ситуация поменялась. Увеличилась степень научной разработанности данной проблемы, расширился круг доступных первоисточников, началось изучение ранее запретных тем, появились новые познавательные приоритеты, оригинальные, а подчас и довольно экстравагантные концепции истории инквизиции. Политическая и духовная свобода окрылила историков; она стимулировала творческий поиск одних и графоманство других.

В чем же секрет долговечности инквизиции, одно название которой, как принято считать, внушало ужас всему человечеству? Кем были руководители инквизиции — «жертвами гонимых», фанатиками, готовыми пойти на самые страшные преступления, чтобы защитить догматы веры от подлинных или мнимых врагов, или бессердечными церковными полицейскими, послушно выполнявшими

предписания высшего начальства? Кем
были жертвы инквизиции? Кого и за что
преследовала инквизиция?

Мы надеемся, что данная книга хотя
бы частично ответила на эти вопросы.
Конечно, мы далеки от того, чтобы
пытаться полностью обелить инквизицию,
показывая праведный образ жизни одного из
ее лидеров. Как пишет профессор
Магридского университета Антонио
Бальестерос-Веретта, «инквизиция, как
любой общественный организм, имела свои
недостатки».

Можно много говорить о том, что
сжигали еретиков не инквизиторы, а
светские власти, а также о том, что за
действия инквизиции несет
ответственность королевская власть,
которой она была подчинена. Можно
также отметить, что в известной
степени ответственность за деяния
инквизиции лежит и на ее же жертвах,
которые своим неповиновением сами
толкали ее к жестокому расправам. Такие
аргументы, в частности, можно
встретить в книге Агостино Чеккарони

«Маленькая церковная энциклопедия», изданной в Милане в 1953 году. Он утверждает, что причиной возникновения инквизиционных трибуналов являлись «насильственные действия, к которым прибегали еретики, начиная со времени, когда Церковь вышла из катакомб, с целью разрушить фундамент, основанный на доброй религии Иисуса Христа, провоцируя тем самым не только справедливую реакцию со стороны Церкви, но также справедливую общественную „вендетту“».

Одним из первых выдвинут подобные аргументы уже упомянутый нами граф Жозеф де Местр, написавший в 1815 году памфлет в защиту инквизиции, известный как «Письма одному русскому дворянину об инквизиции».

Жозеф де Местр касался только испанской инквизиции, но он пытался оправдать и всю инквизицию в целом, доказывая ее общественную полезность. Прежде всего он утверждал, что, существуя во Франции инквизиция, в ней наверняка не было бы революции 1789 года.

В самом деле, деятельность

инквизиции всегда и везде была направлена на борьбу с революционными веяниями. Она запрещала и конфисковывала произведения энциклопедистов и им подобных «поджигателей основ». Та же Великая французская революция 1789 года была встречена инквизицией в штыки. В частности, Сунрема особым декретом запретила ввоз в Испанию революционной литературы и осудила французских революционеров за то, что они «под притягательной маской защитников свободы в действительности выступают против нее, разрушая политический и социальный строй и, следовательно, иерархию христианской религии».

Инквизиция всегда и везде поддерживала государственный строй и христианский социальный порядок, воплощенный в форме монархии.

Монах-августинец Мигель де ла Пинта Льоренте в своей книге об испанской инквизиции, изданной в Мадриде в 1953 году, по этому поводу высказывает такую мысль: «Разрешите мне сформулировать следующий вопрос: когда

общество наводнено проповедниками
атеизма, то есть ниспровергателями
Бога, когда в наших современных и
прекрасных городах силы зла источают
развращающие флюиды сатанической
гордыни, покрывая презрением все
моральные и этические постулаты... то
разве не будет неотвратимой
потребностью человечества создать
трибуналы, в задачу которых входило бы
осуществление полицейских репрессий с
применением самых энергичных и
действенных методов, и не все ли равно,
будут ли эти трибуналы именоваться
полицейскими департаментами или
генеральной инквизицией?»

Основной тезис графа де Местра
звучит так: «За все, что итеется в
деятельности трибунала инквизиции
жестокого и ужасного, в особенности за
смертные приговоры, несет
ответственность светская власть».

Далее Жозеф де Местр пишет:
«Инквизиция по своей природе добра, нежна
и консервативна, таков всеобщий и
неизменный характер всякого церковного

института. Но если гражданская власть, используя это учреждение, считает полезным для своей собственной безопасности сделать его более строгим — Церковь не несет за это ответственности».

Относительно «нежности» инквизиции — это, конечно же, перебор. Даже процитированный Агостино Чеккарони признает, что «испанская инквизиция совершила всевозможные эксцессы, которые могут быть объяснены политическими страстями в соединении с варварством и невежеством того времени».

Карл Йозеф фон Хефеле в своей книге о кардинале Хименесе пишет: «Писатели утверждают, что инквизиция заглушила гений испанского народа, а также культуру и науки; таковы были, если верить, естественные последствия и цели этого учреждения. Что же касается исторических фактов, то они даже не обращаются к ним. Тем не менее, и это факт неоспоримый, науки вновь начали расцветать в Испании именно в годы

правления Фердинанда и Изабеллы, а они оба были создателями инквизиции».

Чуть ниже автор делает вывод: «Инквизиция вовсе не была ураганом, дикие вихри которого унесли ценнейшие зерна наук и литературы».

Этот же исследователь дает нам следующую информацию к размышлению: «Жером Бланкас (умер в 1590 году), элегантный латинист, был также, по мнению Прескотта, писателем с благородной душой, другом свободы. Его главное произведение, которое называется „Commentarii rerum Aragonensium“, изданное в Сарагосе в 1588 году, у нас перед глазами. Там на странице 263 можно найти такой пассаж об инквизиции: „Фердинанд и Изабелла дали самое большое доказательство милосердия и мудрости, когда, с целью избавления еретиков и отступников от пагубных ошибок, а также чтобы сокрушить их дерзость, они создали святую инквизицию, учреждение, полезность и заслуги которого признает не только Испания, но и весь христианский мир“. Это не единственное

место, где Бланкас дает похвалу инквизиции... Например, чуть ниже (страница 346) Бланкас утверждает, что инквизиция пользовалась очень большим уважением у современников.

Более современные писатели придерживаются тех же взглядов: по их мнению, инквизиция была мощным инструментом Провидением, который долгое время защищал полуостров от бед гражданских и религиозных войн, против которых она и была чем-то вроде превентивной меры».

Слово в защиту инквизиции произносит и официальная ватиканская «Католическая энциклопедия», в которой сказано: «В новейшее время исследователи строго судили учреждение инквизиции и обвиняли ее в том, что она выступала против свободы совести. Но они забывают, что в прошлом эта свобода не признавалась и что ересь вызывала ужас у благомыслящих людей, составлявших, несомненно, подавляющее большинство даже в странах, наиболее зараженных ересью. Не следует, кроме того, забывать,

что в некоторых странах трибунал инквизиции действовал самое непродолжительное время и имел весьма относительное значение».

Уже цитировавшийся нами аббат Эльфеж Вакандар в своей книге «Инквизиция» пишет: «Если мы действительно хотим оправдать учреждение, за которое католическая церковь взяла ответственность в Средние века, нужно рассматривать и судить его не только по поступкам, но и сопоставляя с моралью, правосудием и религиозными представлениями того времени».

Далее, говоря о Церкви и о церковных истинах, аббат Вакандар рассуждает следующим образом: «Если для защиты этих истин она использует в одном веке средства, осуждаемые последующим веком, то это всего лишь доказывает то, что она следует обычаям и идеям, господствующим в окружающем ее мире. Но Церковь строго следует за тем, чтобы люди не сочли ее действия непогрешимыми и вечными правилами абсолютной справедливости. Она с

готовностью признает, что иногда может и ошибаться в выборе практических средств. Система защиты и обеспечения, использованная ею в Средние века, оказалась, по крайней мере, в некоторой степени успешной. Мы не можем утверждать, что она была абсолютно несправедливой и абсолютно аморальной».

Шарль Нишон, автор объемной книги о Ватикане, также призывает оценивать инквизицию «исторически, без страстей и предубеждений». Он пишет: «Святая канцелярия, прежде всего, была реакцией, часто грубой, как обычаи того времени, часто произвольной, как трибуналы всех времен, реакцией общества, которое защищается».

Именно с этих позиций рассматривает деятельность инквизиции и профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Кураев. Вот его соображения: «Согласно настойчиво повторяющейся, хотя и непроверенной легенде, инквизиционные трибуналы Средиземноморского региона были фанатичными и кровожадными, а

испанская инквизиция являлась самой жестокой из всех. Само слово „инквизиция“ давно стало синонимом нетерпимости. Однако, когда историки, наконец, стали систематически изучать огромный массив протоколов инквизиций, были получены совершенно иные результаты и постепенно начало вырабатываться новое представление о них. Сейчас, пожалуй, уже можно говорить о всеобщем признании двух принципиальных выводов, хотя исследования еще не завершены. Во-первых, средиземноморские инквизиции были менее кровожадными, нежели европейские светские суды... Второй важный вывод состоит в том, что средиземноморские инквизиции, в отличие от светских судов, выглядели более заинтересованными в понимании мотивов, двигающих обвиняемых, нежели в установлении самого факта преступления. Ранее представлялось, что инквизиторы, тщательно соблюдавшие анонимность своих информаторов, в меньшей степени заботились о правах обвиняемых, чем светские суды. Но последние исследования

показывают, что инквизиторы были более
проницательными психологами, нежели
светские судьи, и оказывались вполне
способными прийти к корректному – а
зачастую и снисходительному – приговору.
В целом они, в отличие от светских
судей, почти не полагались на пытку,
чтобы убедиться в истинности
утверждений обвиняемых. Инквизиторы
пытались проникнуть в сознание людей, а
не определить правовую ответственность
за преступление, поэтому протоколы
инквизиторских допросов выглядят совсем
иначе, чем протоколы светских
трибуналов, и представляют историкам
богатый материал об обычаях и народных
верованиях... В отличие от светского
судопроизводства того времени судьи
инквизиции работали очень медленно и
кропотливо. Если одни особенности их
деятельности – такие как анонимность
обвинителей – защищали информаторов,
многие другие обычаи работали на благо
обвиняемых. Поскольку инквизиторы в
меньшей степени заботились о том,
чтобы установить факт совершения

преступления — ереси, богохульства, магии и так далее, — но, скорее, стремились понять намерения людей, сказавших или сделавших подобное, они, главным образом, различали раскаявшихся и нераскаявшихся грешников, согрешивших случайно или намеренно, мошенников и дураков. В отличие от многих светских уголовных судов... инквизиторы мало полагались на попытку как на средство установления истины в сложных и неясных обстоятельствах. Они предпочитали подвергнуть подозреваемого многократному перекрестному допросу, проявляя подчас удивительную психологическую тонкость, чтобы разобратся не только в его словах и действиях, но и в его мотивах».

Этот же автор утверждает, что «инквизиция функционировала как учреждение, скорее защищающее от преследований, нежели разжигающее их», что «церковные кары для чародеев были мягче того, что могла бы сделать с ними толпа».

У аббата Вакандара нашелся целый

ряд близких к Церкви последователей, которые продолжили излагать историю инквизиции, пытаясь понять и оправдать ее действия. В частности, епископ города Бовэ Селестен Дүз в своей книге об инквизиции, изданной в 1906 году, пишет: «Трибуналы инквизиции способствовали сохранению цивилизации эпохи, ибо они укрепляли порядок и препятствовали распространению острого зла, защищали интересы века и действительно охраняли христианскую идеологию и социальную справедливость».

Кроме того, он утверждает, что создание инквизиционных трибуналов было в интересах еретиков, так как спасало их от погромов, массовых расправ и бесконтрольных преследований со стороны светских властей, заинтересованных в присвоении их собственности. Инквизиция, согласно Селестену Дүз, обеспечивала «справедливый» суд.

Примерно эту же мысль высказывает и Гилберт Честертон, автор книги «Ортодоксия», заявляющий, что «во времена Торквемады, по крайней мере,

была система, которая отчасти припирала правосудие и милосердие».

Андрей Күраев констатирует: «Инквизиция хотя бы предоставляла слово самому обвиняемому, а от обвинителя требовала ясных доказательств... В итоге — ни один другой суд в истории не выносил так много оправдательных приговоров».

Генри Кейтен в своей книге «Испанская инквизиция», изданной в 1997 году, отмечает, что архивы инквизиции содержат 49 092 досье, но только 1,9 процента из них определяют вину обвиняемого и передают дело светским властям для исполнения смертного приговора. Остальные 98,1 процента были либо оправданы, либо получили легкое наказание (штраф, покаяние, паломничество).

Конечно, есть и совершенно противоположные мнения. Например, принято утверждать, что инквизиция вообще никогда не оправдывала своих жертвы, и в лучшем случае приговор гласил, что «обвинение не доказано». Якобы даже оправдательный приговор не мог

служить помехой для нового процесса
против той же жертвы.

Монах-францисканец Бернар Делисье,
конфликтовавший с инквизицией и
требовавший ее отмены, как-то даже в
присутствии французского короля
Филиппа Красивого заявил, что
инквизиция могла обвинить в ереси самих
святых Петра и Павла и они были бы не в
состоянии защитить себя. Им не
представили бы никаких конкретных
обвинений, не ознакомили бы с именами
свидетелей и их показаниями. «Каким же
образом, — вопрошал Бернар Делисье, —
могли бы святые апостолы защищать себя,
особенно при том условии, что всякого,
явившегося к ним на помощь, сейчас же
обвинили бы в сочувствии ереси?»

Приводящий эту цитату Генри Чарлз
Ли в своей «Истории инквизиции в Средние
века» добавляет от себя: «Все это,
безусловно, верно. Жертва была связана
путами, вырваться из которых ей было
невозможно, и всякая попытка
освободиться от них еще только туже
затягивала узлы».

На позициях яростного защитника инквизиции стоял известный испанский историк Марселино Менендес-и-Пелайо, умерший в Сантандере в 1912 году. Его взгляды по этому вопросу изложены в трехтомной книге «История испанских еретиков», опубликованной в 1880-1882 годах. Хотя это сочинение было написано автором, не достигшим и 25-летнего возраста, оно основано на огромном количестве первоисточников и считается в своем роде классическим. Подробно рассматривая различного рода ереси, существовавшие в Испании, Марселино Менендес-и-Пелайо не только оправдывает преследование еретиков, но даже прославляет действия инквизиции.

В своих рассуждениях об инквизиции этот автор исходит из следующего посыла: «Испанский гений в высшей степени пропитан католическим духом, ересь среди нас — случайное и временное явление».

Его в этом поддерживает профессор теологии Николас Лонес Мартинес, считающий, что ересь «нарушает

социальный порядок».

Истинно верующий не может не одобрять действий инквизиции, утверждает Марселино Менендес-и-Пелайо. Он пишет: «Кто признает, что грех есть серьезнейшее преступление и грех, взывающий к Небу и угрожающий существованию гражданского общества, кто отвергает принцип догматической терпимости, то есть безразличное отношение и к истине, и к ошибке, тот обязательно должен признать духовное и физическое наказание еретиков, тот должен согласиться с инквизицией».

Аналогичную мысль высказывает и Марселей Дефурно. По его мнению, даже угроза, висевшая над всеми, «ничуть не уменьшала уважения и привязанности испанцев к учреждению, которое, защищая чистоту веры, казалось духовным стражем всей Испании».

Марселино Менендес-и-Пелайо уверен, что изгнание евреев из Испании в 1492 году было неизбежным следствием антииудейских настроений, которые преобладали в испанском обществе в XV

веке. Он пишет: «Решение Католических королей не было ни плохим, ни хорошим, оно было единственно возможным и исторически неизбежным в тех условиях».

Он также утверждает: «Те, кто осуждает инквизицию как орудие тирании, должны будут сегодня признать, что она была народной тиранией, тиранией расы и крови, гордым народным голосованием, демократической справедливостью, которая уравнила все головы — от короля до плебея».

Представляет интерес и подход к данному вопросу историка Бартоломе Беннассара. В его статье «Портрет фанатика» читает: «Торквемада обычно выдвигается в коллективной памяти как олицетворение всех злоупотреблений, связанных с „черной легендой“. Стараясь дать взвешенный портрет первого великого инквизитора, можно утверждать, что он не несет никакой ответственности за ее создание... Число жертв, приписываемых Торквемаде, чрезмерно раздута».

В своей книге об испанской

инквизиции, изданной в 1979 году, этот автор говорит о том, что «большая часть инквизиторов была всего лишь функционерами», то есть людьми, «небрежными в гораздо большей степени, чем монахи-фанатики». Он утверждает, что «инквизиторская функция в их сознании представляла собой лишь этап, более или менее продолжительный, их *cursus honorum* (пути чести)».

Другой известный историк, Висенте Паласио Амарг, в книге «Здравый смысл инквизиции», изданной в 1954 году, призывает к объективности в изучении этой организации: «Чтобы понять инквизицию, необходимо отказаться от полемического задора. Это нам поможет уразуметь, что инквизиция сама по себе вовсе ни хороша, ни плоха, что она не есть институт божественного права, а создана людьми и посему несовершенна».

Точно так же не был ни однозначно плох, ни однозначно хорош и Томас де Торквемада. Можно еще очень долго спорить по поводу соотношения понятий «цель» и «средства» и о том, может ли

великая цель оправдывать жестокие средства ее достижения. Жизнь и деятельность Торквемады, как инквизицию, следует рассматривать без полемического задора. Он избавил страну от папского влияния, содействовал ее освобождению от многовекового мусульманского ига, сыграл важнейшую роль в объединении двух крупнейших королевств Пиренейского полуострова и в превращении Испании в одно из самых могущественных государств Европы. Преемники Торквемады, Диего де Веса и особенно Франсиско Хименес де Сиснерос, архиепископ Толедский, завершили дело территориально-религиозного объединения Испании.

В настоящее время испанская инквизиция и Томас де Торквемада — это еще далеко не закрытые страницы истории. Спор о них продолжается...

Генеалогическое древо Томаса де Торквемада

Лопе Альфонсо
де Торквемада

Хуана (или Ана)
де Коллазос

Перо Фернандес
де Торквемада,
рехидор Бургоса

Хуана Фернандес
де Товар

Гарсия
Фернандес
де Торквемада

Альваро
Фернандес
де Торквемада,
рехидор
Вальядолида

Биатрис
Фернандес

Перо Фернандес
де Торквемада

Менсия
Ортега

Хуан
де Торквемада,
кардинал
Сан-Систо
(1388—1468)

Томас де Торквемада,
генеральный инквизитор
1420—1498

Основные даты, связанные с жизнью и деятельностью Томаса де Торквемага

1420 – родился Томас де Торквемага.

27 марта – папа Мартин V учредил инквизицию в Валенсии.

1425, 25 января – родился Энрике IV Бессильный, старший брат Изабеллы Кастильской.

1451, 22 апреля – родилась Изабелла Кастильская.

1452 – Торквемага стал приором доминиканского монастыря Санта-Крус близ Сеговии.

10 марта – родился Фердинанд Арагонский.

1453, 17 ноября – родился Альфонсо, сын короля Хуана II Кастильского и Изабеллы Португальской.

1454, 20 июля – умер Хуан II

Кастильский, король Кастилии и Леона, отец Изабеллы.

1459 – Торквемада стал духовником кастильской инфанты Изабеллы.

1462, 28 февраля – родилась Хуана ла Бельтранеха, дочь Энрике IV Бессильного и Жюаны Португальской.

1465, 5 июня – «Авильский балаган». Гранды королевства сожгли чучело короля Энрике и провозгласили королем юного Альфонсо, брата Изабеллы.

1468, 5 июля – умер Альфонсо, сын короля Хуана II Кастильского и Изабеллы Португальской.

26 сентября – умер кардинал Хуан де Торквемада, дядя Томаса де Торквемада.

Сентябрь – Энрике IV Бессильный признал Изабеллу своей наследницей.

1469, 7 января – Фердинанд Арагонский подписал договор, по которому он давал обязательство во всем тесно сотрудничать с Изабеллой, совместно с ней принимать все решения и подписывать все указы. Этим он признал законной наследницей Кастильской короны только Изабеллу.

19 октября – тайный брак Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского.

1470, 2 октября – у Изабеллы и Фердинанда родился их первый ребенок, дочь Изабелла, будущая королева Португалии.

1471, 26 июля – умер папа Павел II (Пьетро Барбо).

9 августа – папой стал Сикст IV (Франческо делла Ровере).

1474, 1 ноября – умер дон Диего Лопес Пачеко, первый маркиз де Вильена.

11 декабря – в Магриде умер Энрике IV Бессильный, старший брат Изабеллы, последний король Кастилии и Леона перед династической унией Кастилии и Арагона. После этого король Португалии Афонсу V объявил о своем предстоящем браке с юной Хуаной ла Бельтранеха и провозгласил ее законной королевой Кастилии.

13 декабря – коронация Изабеллы. Городской совет Сеговии провозгласил ее королевой.

1475, 2 января – Фердинанд приехал в Сеговию, где Изабелла устроила ему пышный прием. Вслед за этим между

супругами и их сторонниками вспыхнул острый спор о правах королевы и ее мужа.

15 января — подписание так называемого «Сеговийского договора», согласно которому Фердинанду был гарантирован королевский титул, однако Изабелла была объявлена королевой и «владелицей» государства, и за ней было закреплено исключительное право наследования. Кроме того, за Изабеллой были признаны верховная военная власть, регентство и руководство гражданской администрацией. Согласно договору, внутренняя политика Кастилии теперь должна была определяться обоими супругами, выступавшими в делах как одно лицо. Внешняя политика осталась прерогативой исключительно Фердинанда.

Июнь — армия португальского короля Афонсу V и католической знати, боровшейся за восшествие на престол Хуаны ла Бельтранеха, подошла к кастильскому городу Торо и взяла его.

13 июня — умерла Жюана, сестра короля Афонсу V Португальского и супруга

короля Энрике Бессильного.

1476, 1 марта – армия Изабеллы и Фердинанда одержала победу над португальскими захватчиками и кастильскими сторонниками Хуаны ла Бельтранеха под командованием Афонсу Португальского при Торо.

19 октября – окончание войны. После этого Афонсу V, отказавшись от претензий на кастильский престол, вернулся в Португалию. Вскоре он развелся с Хуаной ла Бельтранеха, и та удалилась в монастырь. Изабелла и Фердинанд окончательно и бесповоротно стали хозяевами Кастилии.

1477 – папа Сикст IV утвердил севильский трибунал инквизиции.

1478, 28 июня – рождение Хуана, сына Изабеллы и Фердинанда.

2 сентября – приезд в Севилью Филиппа де Барбериса, инквизитора Сицилии. Он посоветовал королю Фердинанду учредить инквизицию. Изабелла, супруга Фердинанда, сначала отвергла это предложение.

1 ноября – папа Сикст IV своей буллой

уполномочил Узабеллу и Фердинанда учредить новую инквизицию в их государствах.

1479, 19 января – умер Хуан II, король Арагона и Наварры, отец Фердинанда Арагонского. После этого Фердинанд стал королем, а Узабелла – королевой Арагона. С этого момента обе короны объединились в двойную монархию.

1480, 17 сентября – назначение двух первых инквизиторов новой инквизиции: доминиканцев Мигеля де Морильо и Хуана де Сан-Мартина.

9 октября – губернаторам провинций предписано доставлять инквизиторам все, в чем они будут иметь нужду.

27 декабря – новый приказ Узабеллы и Фердинанда о том, чтобы власти Севильи помогли инквизиторам вступить в должность.

1481, 2 января – в Севилье, в монастыре Сан-Пабло, начал действовать первый трибунал инквизиции.

6 января – первое аутодафе в Севилье: шестеро осужденных погибли на костре.

26 марта – в Севилье сожжено 17

еретиков.

4 ноября – к этой date в Севилье было сожжено на костре 298 человек.

1482, 29 января – папа Сикст IV написал письмо королю Фердинанду с жалобой на чрезмерную строгость севильской инквизиции.

11 февраля – папа Сикст IV назначил инквизиторами на территории нынешней Испании еще семь доминиканцев. Среди них был и Томас де Торквемага.

1 июля – умер архиепископ Альфонсо Каррильо де Акунья.

1483, 2 августа – предписание инквизиции принять форму постоянного трибунала. Назначение Торквемаги генеральным инквизитором Кастилии и Леона.

14 октября – назначение Торквемаги генеральным инквизитором Арагона. Фактически Торквемага стал главой новой инквизиции объединенного королевства.

1484, апрель – король Фердинанд созвал в Тарасоне кортесы Арагонского королевства. Томас де Торквемага

назначил инквизитором Сарагосской епархии Гаспара Хуглара и Педро де Арбүэса.

12 августа – умер папа Сикст IV.

29 августа – папой стал Иннокентий VIII (Джованни-Баттиста Чибо).

Октябрь – Торквемада назначил в Севилье общий съезд всех членов испанских инквизиционных трибуналов.

29 октября – обнародован первый кодекс (инструкции) инквизиции, включавший в себя 28 статей.

1485, 15 сентября – нападение на Педро де Арбүэса, инквизитора Сарагосской епархии; через два дня он скончался.

1486, 11 февраля – папа Иннокентий VIII расширил полномочия Торквемады, назначив его на должность генерального инквизитора Каталонии и Валенсии.

1487, 6 февраля – папа Иннокентий VIII удостоверял звание, данное Торквемаде, для королевств Кастилия, Леон, Арагон и Валенсия, княжества Каталония и других владений Фердинанда и Изабеллы.

1488, 7 октября – дополнение кодекса

инквизиции (Вальядолид).

1490, 3 ноября – брак Изабеллы Католической, дочери Изабеллы и Фердинанда, с инфантом Афонсу Португальским, единственным сыном короля Жуана II.

1490-1491 – Торквемада велел сжечь еврейские Библии и еще более шести тысяч книг, содержащих еретические толкования.

1491, 11 апреля – Изабелла и Фердинанд выступили на гранадскую границу, чтобы начать кампанию против Гранадского эмирата.

26 апреля – начало осады Гранады.

31 июля – трагическая смерть инфанта Афонсу Португальского.

25 ноября – капитуляция эмира Боабдила в Гранаде. Прекращение военных действий.

1492, 6 января – Изабелла и Фердинанд торжественно въехали в покоренную Гранаду.

31 марта – под воздействием Торквемады Изабелла и Фердинанд приняли эдикт, запрещающий проживание некрещеных евреев на всей территории

королевства. Согласно этому документу, все евреи, мужского и женского пола, обязывались покинуть страну до 31 июля того же года под угрозой смерти и потери имущества.

25 июля – умер папа Иннокентий VIII.

12 августа – папой стал Александр VI (Родриго Борджиа).

12 октября – открытие Америки Христофором Колумбом. В честь этого события этот день празднуется как День испанской нации (Día de la Hispanidad).

1 ноября – умер Бельтран де ла Күэва, бывший фаворит короля Энрике Бессильного.

1494, 23 июня – папа Александр VI предложил Изабелле и Фердинанду назначить «в помощь» Торквемаге четырех коадьюторов, с мнением которых тот должен был считаться.

1495, 11 января – умер Педро Гонсалес, кардинал де Мендоса.

1496 – больной Торквемага удалился в монастырь Святого Томаса в Авиле.

4 декабря – король Мануэль

Португальский, едва получив корону, издал декрет об изгнании евреев из Португалии.

1497 - бракосочетание Изабеллы-младшей и короля Мануэля Португальского. Дочь Изабеллы и Фердинанда стала королевой Португалии.

4 октября - умер Хуан, сын Изабеллы и Фердинанда.

1498 - дополнение кодекса инквизиции (Толедо и Авила).

23 августа - умерла при родах Изабелла-младшая, дочь Изабеллы и Фердинанда, королева Португалии.

16 сентября - умер Томас де Торквемада.

1 декабря - папа Александр VI назначил епископа Диего де Десу только инквизитором Кастилии. Десу отказывался до тех пор, пока папа не распространил его юрисдикцию и на Арагон.

1499, 1 сентября - папа Александр VI распространил юрисдикцию Десу на королевство Арагон.

1500, 17 июня - новый устав Десу для трибунала инквизиции.

1501, 20 июля - король Фердинанд
запретил маврам въезд в королевство
Гранада.

25 ноября - папа Александр VI
гаровал Десе те же права, какими
пользовался Торкветада.

1504, 26 ноября - умерла Изабелла
Кастильская.

1516, 23 января - умер Фердинанд
Арагонский.

Библиография

Арнү А. История инквизиции / Пер. Н. Н. Мартыновой, Е. В. Голубова. СПб., 1995.

Барро М. В. Торквемага. Великий инквизитор. Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции // Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемага. Лойола. Биографические очерки. М., 1995. С. 257-325.

Грановский Т. Н. Испанская инквизиция // Сочинения Т. Н. Грановского. Т. 2. М., 1856.

Григүлевич У. Р. История инквизиции. М., 1970.

Григүлевич У. Р. Инквизиция. М., 1976.

Дефүрно М. Повседневная жизнь Испании золотого века / Пер. Т. А. Михайловой. М., 2004.

Дюверже К. Кортес / Пер. М. В. Глаголева. М., 2005.

Күр С. (Сан-Франциско). Испанское каприччио. Евреи на пути в Америку // Чайка. 2009. № 4(135). 16 февраля.

Күраев А. Неамериканский миссионер.
Саратов: Издательство Саратовской
епархии, 2005.

Ланглюа Ш. В. Инквизиция по
новейшим исследованиям / Пер. М. Г.
Василевского. СПб., 1903.

Ле Бон Г. Психология народов и масс /
Пер. с фр. СПб., 1995.

Ли Г. Ч. История инквизиции в
Средние века / Пер. А. В. Башкирова; под
ред. С. Г. Лозинского. Т. 1-3. СПб., 1911-1914.

Лозинский С. Г. История инквизиции в
Испании. М., 1994.

Лозинский С. Г. Святая инквизиция.
М., 1927.

Лозинский С. Г. История папства. Т.
1-2. М., 1934.

Льоренте Х. А. История испанской
инквизиции / Пер. М. А. Алексеевой. Т. 1-2.
М., 1999.

Нечаев С. Ю. Королева Изабелла,
объединившая Испанию // Власть и судьба.
М., 2007. С. 139-163.

Плавский З. И. Испанская инквизиция:
палачи и жертвы. М., 2000.

Плейди Д. Испанская инквизиция /

Нер. Л. А. Узоровского. М., 2002.

Рюкя А. Средневековая Испания /
Нер. С. Ю. Нечаева. М., 2006.

Фаст Г. Торквемада / Нер. В. У.
Бернацкой. М., 2008.

Atard V. P. Razôn de la Inquisiciôn.
Madrid, 1954.

Agapida A. (Washington Irving). A
Chronicle of the Conquest of Granada.
London, 1850. – 2 vol.

Amador De Los Rios J. Études
historiques, politiques et littéraires sur les
juifs d'Espagne. Paris, 1861.

Baer Y. A History of the Jews in
Christian Spain. Philadelphia, 1992. – 2 vol.

Baux-Laporte. Histoire populaire du
protestantisme. Paris, 1858.

Bennassar B. L'Inquisition espagnole.
Paris, 2001.

Bennassar B. Portrait d'un fanatique
Torquemada // L'Histoire. № 259. Novembre
2001. P. 48-49, 52-55.

Bergier N. S. Oeuvres complètes.
Augmentées d'un grand nombre d'ouvrages
inédits. Vol. III. Paris, 1863.

Besné R., Ramôn J. El Consejo de la

Suprema InquisiciÔn. Madrid, 2000.

Bethencourt F. L'Inquisition à l'époque moderne (Espagne, Portugal, Italie: XVe - XIXe siècle). Paris, 1995.

Beugnot A. Les Juifs d'Occident. Paris, 1824.

Bouterwek F. History of Spanish literature. London, 1847.

Braudel F. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. Paris, 1949.

Cappa R. La inquisiciÔn espanola. Madrid, 1888.

Casa de la Cabrera en Cordoba: obra genealogica historica. Cordoba, 1779.

Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica. Milano, 1953.

Chaunu P. Église, culture et société. Paris, 1981.

Collin De Plancy J. A. S. Dictionnaire infernal, ou Bibliothèque universelle. T. III. Paris, 1826.

Cornelia B. La inquisiciÔn espanola. Madrid, 2004.

Conrad Ph. Histoire de la Reconquista. Paris, 1999.

Delisle De Sales J.B.C. Philosophie de la nature. T. 6. Londres, 1778.

Depping G. B. Les Juifs dans le Moyen Age: essai historique sur leur État civil, commercial et littéraire. Bruxelles, 1844.

Douais C. L'Inquisition, ses origines, sa procédure. Paris, 1906.

Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers (Denis Diderot, Jean Le Rond d'Alembert et autres). T. XVJJJ. GÉNÈVE, 1779.

Faurisson R. Un faux: «La prière de Jean XXJJJ pour les Juifs» // Revue d'histoire révisionniste. N° 3. Novembre 1990 - Janvier 1991.

Fernandez Alvarez M. La Espana de los Reyes Católicos (1474-1516). Madrid, 1969.

Fléchier V.E. Histoire du Cardinal Ximenés. T. J. Paris, 1693.

Fleuriot J.M.J. Voyage en Espagne. Paris, 1803.

Florian J.P.C., de. Gonzalve de Cordoue ou Grenade reconquise. T. J. Paris, 1829.

Fonseca A. L.S.D., de (baron). La politique dégagée des illusions liberales: appel aux souverains et aux peuples. T. J.

Kips, La Haye, 1838.

Fume Ch. Biographie universelle, ou
Dictionnaire historique. T. V. Paris, 1833.

Gallois L. Histoire abrégée de
l'inquisition d'Espagne. Bruxelles, 1823. - 2
vol.

Garcia Carcel R. La Inquisición.
Madrid, 1990.

Hallier J.C. L'Évangile du fou: Charles
de Foucauld, le manuscrit de ma mère morte.
Paris, 1986.

Hefele K.J., von. Le cardinal Ximénès
et l'Église d'Espagne à la fin du XVe et au
commencement du XVIe siècle pour servir à
l'histoire critique de l'inquisition. Paris, 1860.

Hyatt A. The Inquisition. New-York,
1931.

Ingegneri F. Torquemada. Milano, 1966.

Kamen H. La Inquisición: una revisión
histórica (traducción de Maria Borràs).
Barcelona, 1999.

Langle, marquis de. Voyage en
Espagne. Paris, 1796.

Lavalée J. Histoire des inquisitions
religieuses d'Italie, d'Espagne et de
Portugal. Paris, 1809. - 2 vol.

Lea H.Ch. The Inquisition in the Spanish Dependencies. New-York, 1908.

Lea H.Ch. Histoire de l'inquisition au Moyen Âge. Paris, 1986. – 3 vol.

Leroy B. Les Édits d'expulsion des Juifs 1394-1492-1496-1501. Paris, 1998.

Leroy B. L'Espagne des Torquemada. Paris, 1995.

Leroy B. Hommes et milieux en Espagne médiévale: Navarrais et Castellans du XIIIe au XVe siècle. Biarritz, 2000.

Leroy B. Le triomphe de l'Espagne catholique à la fin du moyen âge: Écrits et témoignages. Paris, 2004.

Llorca B. La Inquisición en España. Barcelona, 1936.

Llorente J. A. Historia critica de la Inquisición en España. Madrid, 1981. – 4 vol.

Llorente J. A. Histoire critique de l'inquisition d'Espagne: depuis l'époque de son Établissement par Ferdinand V, jusqu'au règne de Ferdinand VII, tirée des pièces originales des archives du Conseil de la Suprême, et de celles des tribunaux subalternes du Saint-office. Paris, 1817-1818.

Llorente J. A. Histoire abrégée de

l'inquisition d'Espagne. Quatrième Edition.
Bruxelles, 1838.

Maisonneuve R. Etudes sur les origines
de l'inquisition. Paris, 1960.

Maisonneuve R. L'Inquisition.
Montréal - Paris, 1989.

Maislre J., de. Lettres à un
gentilhomme russe sur l'inquisition espagnole
// Oeuvres complètes. T. VII. Brussels,
1838.

Maliani M., de. Histoire politique de
l'Espagne moderne, suivie d'un aperçu sur les
finances. Paris, 1840.

Maritain J. De l'Église du Christ. La
personne de l'Église et son personnel. Paris,
1970.

Marin M. Al-Andalus et les
Andalousiens. Paris, 2000.

Mendoza D.H., de. Guerra de Granada.
Lisbon, 1627.

Menéndez y Pelayo M. Historia de los
heterodoxos espanoles. Madrid, 1880-1882. - 3
vol.

Michaud J., Michaud L.G. Biographie
universelle, ancienne et moderne, ou Histoire
par ordre alphabétique de la vie publique et

privée de tous les hommes qui se sont fait
remarquer par leurs Écrits, leurs actions,
leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes
(Ticz). T. 46. Paris, 1826.

Molènes E., de. Torquemada et
l'inquisition. Paris, 1887.

Mortier D.A. Histoire des maîtres
généraux de l'ordre des frères Prêcheurs
1487-1589. Paris, 1911.

Mourre M. Dictionnaire d'histoire
universelle. Paris, 1968. - 2 vol.

Netanyahu B. The Origins of the
Inquisition in Fifteenth-Century Spain. New-
York, 2001.

Ortiy Lara J.M. La Inquisición.
Madrid, 1877.

Paquis A., Dochez L. Histoire
d'Espagne et de Portugal: depuis l'an 1157
jusqu' à la mort de Charles III. T. II.
Paris, 1838.

Pérez J. La Espana de los Reyes
Católicos. Madrid, 1986.

Pérez J. Isabel y Fernando, los Reyes
Católicos. Madrid, 2001.

Pérez J. Los judios en Espana. Madrid,
2005.

Pérez J. Brève histoire de l'inquisition en Espagne. Paris, 2002.

Pérez J. Histoire de l'Espagne. Paris, 1997.

Pérez J. Historia de una tragedia: la expulsión de los judíos de España. Barcelona, 1993.

Pérez J. Crónica de la Inquisición en España. Barcelona, 2002.

Pernoud R. Pour en finir avec le Moyen Âge. Paris, 1977.

Peters E. Inquisition. New-York, 1988.

Pichon Ch. Le Vatican. Paris, 1960.

Pinta Llorente M., de la. La Inquisición española y los problemas de la cultura y de la intolerancia. T. I. Madrid, 1953.

Poliakov L. Histoire de l'antisémitisme. Paris, 1991.

Prescott W.H. Histoire du règne de Ferdinand et d'Isabelle la Catholique, souverains de l'Espagne. Londres, 1838. – 3 vol.

Pulgar F., del. Crónica de los Reyes Católicos: versión inédita (edición y estudio de Juan de Mata Carriazo). Madrid, 1943. – 2

vol.

Rabbe A. L'Histoire d'Espagne, depuis la Conquête des Romains jusqu' à la Revolution de l' Ile de Léon. Paris, 1824.

Reston J. Dogs of God: Columbus, the Inquisition and the defeat of the Moors. New-York, 2005.

Rodrigo G. Historia verdadera de la Inquisiciôn. Madrid, 1876-1877. - 3 vol.

Rohrbacher R.F. Histoire universelle de l'Église catholique. Vol. 22. Paris, 1845.

Rosseeuw Saint-Hilaire E.F.A. Histoire d'Espagne depuis les premiers temps historiques jusqu' à la mort de Ferdinand VII. T. VI. Paris, 1844.

Roth C. A History of the Marranos. New-York, 1959.

Roth N. Conversos, Inquisition and the expulsion of the Jews from Spain. The University of Wisconsin Press. Madison, 2002.

Sabatini R. Torquemada and the Spanish Inquisition. London, 1928.

Santa Cruz A., de. Crônica de los Reyes Catôlicos. Sevilla, 1951.

Schiller F. Histoire du soulèvement des

Pays-Bas contre la domination espagnole.
Bruxelles, 1821.

Schoell M.S.F. Cours d'histoire des
États européens depuis le bouleversement de
l'Empire romain d'Occident jusqu'en 1789. T.
XVII. Paris, 1831.

Sévilla J. Historiquement correct. Pour
en finir avec le passé unique. Paris, 2003.

Tarrida Del Marmol F. Les
Inquisiteurs d'Espagne. Paris, 1807.

Touren A. Histoire des hommes
illustres de l'Ordre de Saint-Dominique. T.
III. Paris, 1746.

Vacandard E. L'Inquisition: Étude
historique et critique sur le pouvoir coercitif
de l'Église. Paris, 1907.

Viardot L. Essai sur l'histoire des
Arabes et des Mores d'Espagne. Paris, 1833.
— 2 vol.

Villanueva J.P. Inquisición española
nuevavisiön, nuevos horizontes. Madrid, 1980.

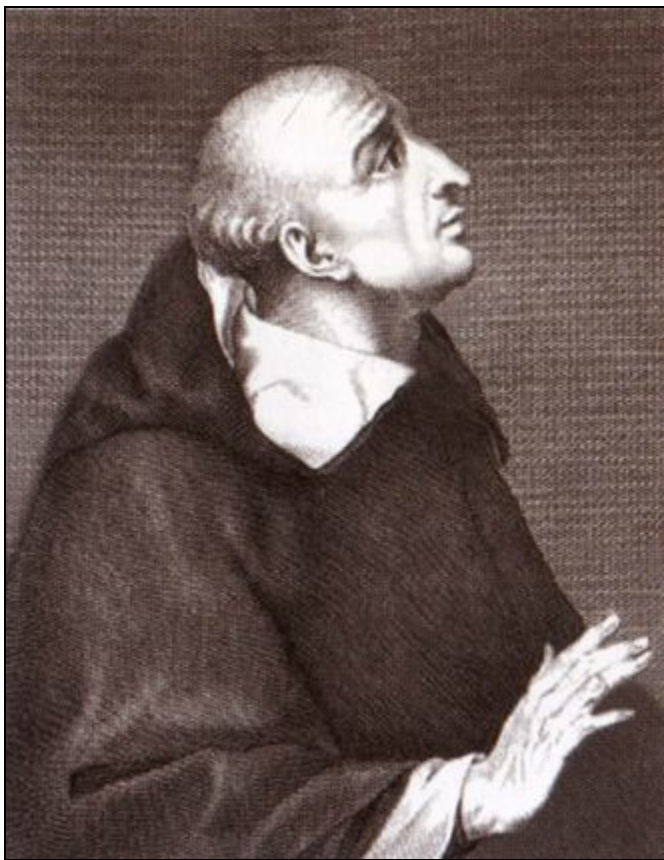
Voltaire. Collection complète des
oeuvres de M. de Voltaire. Tome IX. Paris,
1769.

Wertheimer J. Les Juifs de l'Occident
et le Judaïsme moderne. Genève, 1865.

Иллюстрации

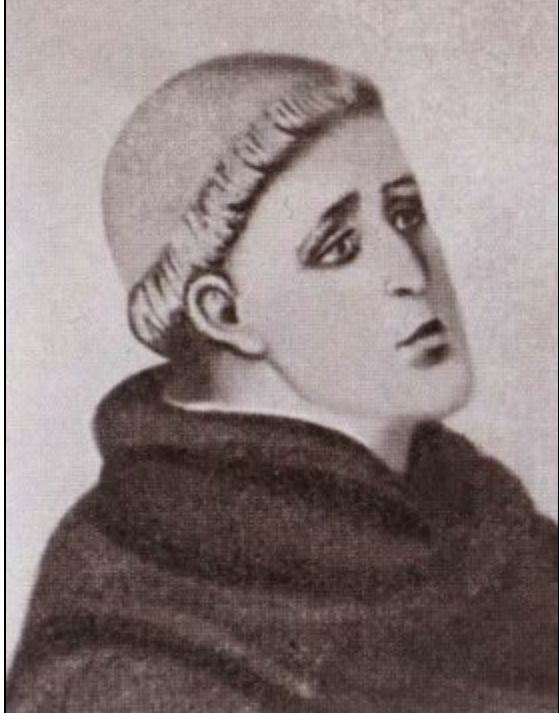
Томас де Торквемада

Хуан де Торквемада

Монастырь Санта-Крус в Сеговии

Томас де Торквемада

Изабелла Кастильская

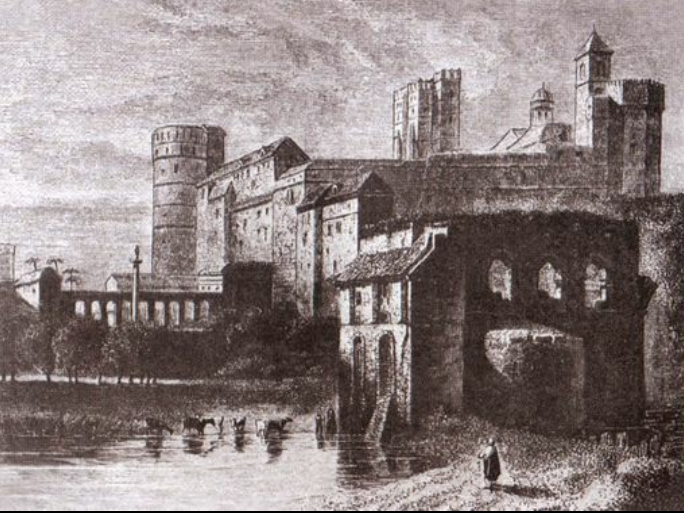
Крепость Сеговии

Хуана ла Бельтранеха

Фердинанд Арагонский

Крепость в Севилье

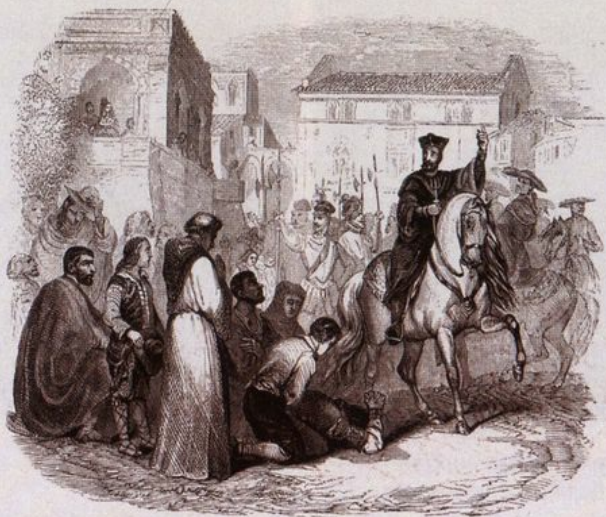
Католические короли Изабелла и Фердинанд

Nana Sukem IV

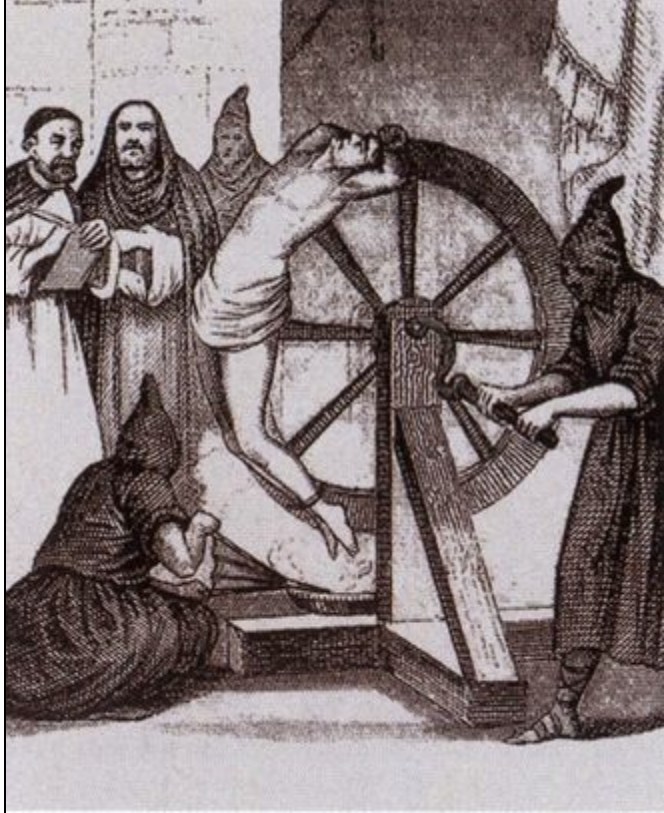
Карта Испании в границах 1492 года

Прибытие инквизиции в город

Заседание трибунала инквизиции

Пытки испанской инквизиции

Кемәгәро

Y COPILACION

delas Instrucciones del Officio dela sancta Inquisici-
on hechas por el muy Reuerendo señor fray Tho-
mas de Torquemada Prior del monasterio de sancta
cruz de Segouia primero Inquisidor general delos
reynos y señorios de España : E por los otros Reue-
rendissimos señores Inquisidores genarales q despues
succedieron / cerca dela orden que se ha de tener enel
exercicio del sancto officio donde van puestas successi-
uamēte por su parte todas las instrucciones q tocan a
los Inquisidores E a otra parte las q tocā a cada vno
delos oficiales y ministros del sancto Officio las qua-
les se copilarō enla manera q dicha es por mādado del
Illustrissimo y Reuerēdissimo señor dō Alōso marri
que Cardenal delos doze apostoles Arcobispo de Se-
uilla Inquisidor general de España.

«Смерть инквизитора Негро де Арбүэса». Б.
Э. Мүрилъо. Около 1664 г.

«Великий инквизитор Педро де Арбуэс
осуждает на смерть семейство еретика». В. фон
Каульбах. XIX в.

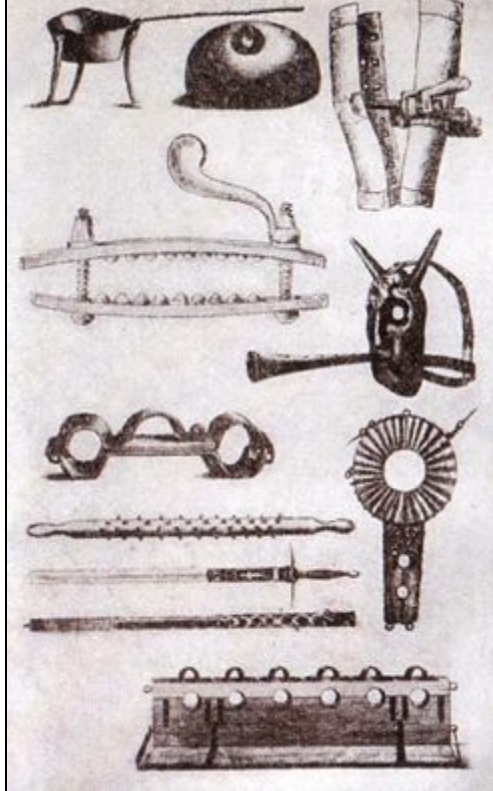
Сонбенито на кающемся, пригнущенном с
Церковью

Перевернутое пламя на одежде кающегося,
подвергнутого епитимии

Пытка инквизиции «кобыла»

Орудия пыток

Еретик, приговоренный к сожжению

Подписи и печать под грамотой Фердинанда
и Изабеллы Католических, даровавших
конфискованное имущество монастырю

Эмир Боабдил. Фрагмент памятника в
Гранаде

Изабелла Католическая. Фрагмент
памятника в Мадриде

«Сдача Гранады в 1492 году». Ф. Прадилла и
Ортис. 1882 г.

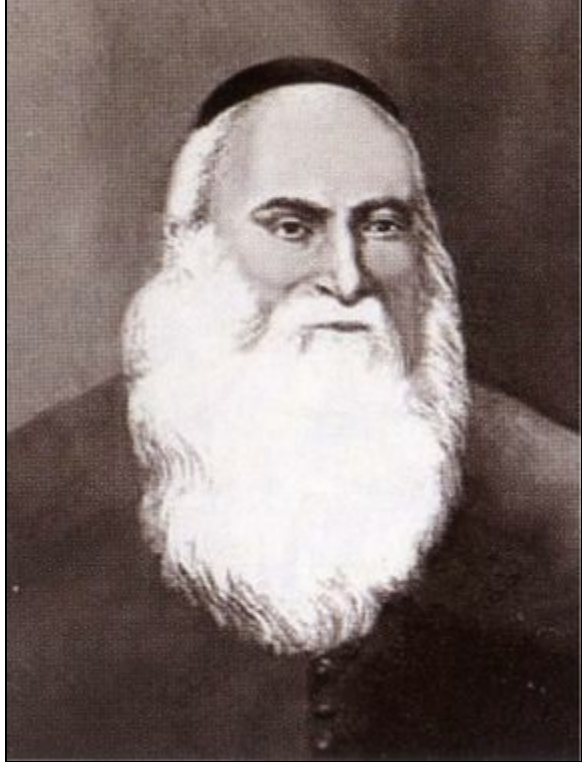

Дворец и крепость Альгамбра в Гранаде

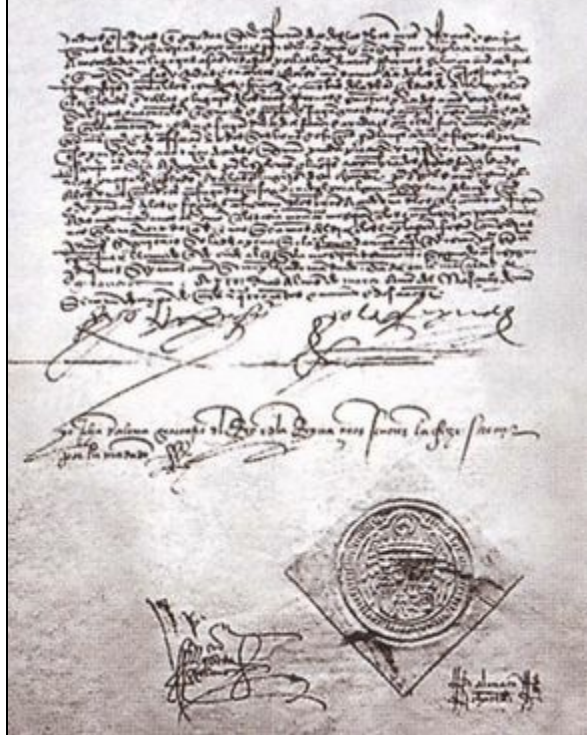
Нана Александр ВЈ

Дон Абраванель

Знамя испанской инквизиции

Декрет об изгнании евреев

«Святой Доменик, сжигающий еретические книги». Н. Берругете. Около 1500 г.

«Колумб перед королевой». Э. Г. Лёйце.
1843 г.

Изабелла Католическая. Фрагмент

Монастырь Святого Томаса в Авиле

Пер. Б. Б. Томашевского.

Естественно, в XV веке государства с названием «Испания» не существовало. Но мы и дальше периодически будем использовать этот термин. Перед этим же оговорится, что слово «Испания» — финикийского происхождения. Римляне использовали его во множественном числе (*Hispaniae*) для обозначения всего Пиренейского полуострова. Они разделяли полуостров на Тарраконскую Испанию (*Hispania Tarraconensis*), располагавшуюся в центре, на севере и востоке, Бетику (*Baetica*), лежавшую на юге, и Лузитанию (*Lusitania*), занимавшую большую часть территории нынешней Португалии.

Диего де Валера (1412-1488) – испанский писатель, историк, автор «Хроники Католических королей».

Альфонсо фернандес де Паленсия
(1423-1492) – испанский писатель и
гуманист.

Альфонсо де Санта Мария де
Картахена (1384-1456) – испанский
писатель, историк и дипломат.

Епитимья (в пер. с греч. — наказание) — в христианстве исполнение нравственно-исправительной меры воздействия. Эта карательная мера могла быть разной в зависимости от масштаба греха, от возраста, от положения в обществе и от меры раскаяния (долговременное отлучение от причастия, предписание молиться не в храме, а на паперти и т. д.).

К «новым христианам», помимо марранов (евреев, отказавшихся от иудаизма), относились еще и мориски — мусульмане (мавры), официально принявшие христианство.

В 1958 году процесс причисления королевы Изабеллы к лику святых был открыт. Он был приостановлен Ватиканом в 1991 году, чтобы утихомирить полемiku, начавшуюся вокруг акта об изгнании евреев из Испании, подписанного королевой в 1492 году. Однако в 2002 году испанская епископская конференция приняла решение возобновить дeмaрши перед Ватиканом, чтобы попытаться продолжить рассмотрение этого вопроса.

Выкресты – перешедшие в христианство из другой религии.

Регидор (исп. *regidor* – управляющий, руководитель) – выборный член органов городского или сельского самоуправления.

Говоря о королевстве Кастилия, мы имеем в виду королевство Кастилия и Леон, объединенное под Кастильской короной с 1230 года, то есть с момента коронации кастильского короля Фердинанда III Святого на леонский престол. Объединение парламентов двух королевств произошло гораздо позже, спустя несколько десятилетий. В XV веке оба королевства были объединены под официальным названием королевство Леон и Кастилия (или просто Корона Кастилии). Королевство Леон до 924 года было известно как Астурия.

Этот ребенок умрет в 1468 году.

В 924 году Астурия, Галисия и Леон образовали единое государство — королевство Леон. В его состав входило и графство Кастильское, которое в 1035 году выделилось в самостоятельное королевство. В 1230 году произошло объединение Леона и Кастилии.

На самом деле имя этого человека — Fernando de Aragon или Ferran d'Aragó. Таким образом, на русский его следовало бы переводить как Фернандо или Ферран. Однако в русскоязычной исторической литературе для него общепринято имя Фердинанд, поэтому мы так и будем называть его в дальнейшем, чтобы не создавать ненужной путаницы.

Они оба происходили из королевской династии Трасатамара, правившей в Кастилии, Арагоне, Сицилии, Неаполе и Наварре. Отец Изабеллы, Хуан II Кастильский (1405-1454), был первым браком женат на своей кузине Марии Арагонской, дочери его дяди Фернандо I Арагонского. А отец Хуана II Кастильского, Энрике III Блезненный (1379-1406), был сыном Леоноры Арагонской.

Серый кардинал – так называют влиятельных людей (особенно в политике), действующих негласно и обычно не занимающих формальных должностей с такими полномочиями. Конечно, термин этот появился значительно позднее, и не в Испании, а во Франции, во времена правления Людовика XIII. Тогда страной фактически управлял кардинал де Ришелье, которого называли «красным кардиналом» из-за цвета шапочки, положенной ему по сану. А за ним стоял не занимавший формального поста отец Жозеф, которого и прозвали «серым кардиналом», потому что он был монахом ордена капуцинов, члены которого носили рясу серого цвета.

Ко всему прочему, кардинал Педро Гонсалес де Мендоса (1428-1495) имел еще и внебрачных детей, узаконенных в 1487 году.

Асиенда (исп. hacienda – имущество, состояние, казна) – совет по вопросам финансов, один из органов государственного управления. Ministerio de Hacienda – министерство финансов.

Николас Эйтерик (Эйтерик
Жеронский) – глава инквизиции
королевства Арагон в середине – второй
половине XIV века, автор «Руководства по
инквизиции».

Эмманюэль Ле Руа Лядюри (үтөр в
1929 году) – французский историк.

Мориски (исп. moriscos) – так называли принявших крещение мавров.

Эрмандагы (исп. hermandades – братства) – союзы городов и крестьянских общин, которые создавались в эпоху почти полного отсутствия полиции для защиты и самообороны во время войн с арабами, а также для борьбы с разбойниками и разбойничавшими рыцарями. Первая эрмандага – Астурийская – была создана в 1115 году. В XIII веке многие эрмандагы создавались для противодействия стремлению центральной (королевской) власти унифицировать управление и уменьшить автономию городов. Особенно широкое распространение эрмандагы получили в XIII-XIV веках (в частности, в Кастилии). Они имели значительные права, свое управление и вооруженные отряды (полицейское ополчение). В 1476 году города и крестьянские общины Кастилии, Леоны и Астурии объединились в так называемую Святую эрмандагу, чье самоуправление просуществовало до 1498 года.

Мы не будем тут вдаваться в филологические тонкости и спорить о том, что такое испанский язык (español), который иногда называют кастильским (castellano). В любом случае язык этот зародился в средневековом королевстве Кастилия, и он, конечно же, отличается от языков других регионов Испании (каталанского, галисийского и т. д.). Кстати сказать, многие филологи считают, что каталанский, галисийский, баскский, арагонский и астурийский – это вообще не испанские языки. Испанцы обычно называют свой язык испанским, когда он употребляется вместе с иностранными языками, и кастильским, когда он употребляется вместе с другими языками Испании. В остальном испаноязычном мире используются оба названия. «Испанский» преобладает в Колумбии, Мексике, в Центральной Америке и на Кубе; «кастильский» – в Венесуэле, Аргентине, Эквадоре, Перу, Боливии,

Парагвае, Уругвае и Чили.

Кортесы (исп. cortes, от corte – королевский двор) – в Испании в Средние века так назывались сословно-представительные собрания. Термин «кортесы» впервые встречается в Кастилии в 1137 году. Кортесы развились из королевских курий, первоначально включавших лишь представителей дворянства и духовенства. Города получили право представительства позже (в Леоне – с 1188 года, в Каталонии – с 1218 года, в Кастилии – с 1250 года, в Арагоне – с 1274 года, в Наварре – с 1300 года). Кортесы играли большую роль в XIII–XIV веках, способствуя росту влияния городов и ограничению произвола феодалов. С установлением абсолютизма значение их упало.

Аль-Андалус (Al-Andalus) – арабское название Пиренейского полуострова, обозначение арабских владений на территории современных Испании и Португалии в период с 711 по 1492 год. В состав Аль-Андалуса входила южная часть полуострова с постоянно передвигающейся в процессе Реконкисты границей на севере.

Под этим псевдонимом писал Вашингтон Ирвинг (1783-1859) – классик американской литературы, мастер короткого рассказа и исторических исследований, член Королевской академии истории в Мадриде, первый профессиональный литератор США, широко известный и в Европе. Увлечись изучением истории Реконкисты, он написал «Хронику завоевания Гранады» – полубеллетристическую двухтомную летопись борьбы испанцев с маврами, которую он якобы перевел со средневекового манускрипта, приписанного им перу доминиканского монаха Антонио Азапиды.

Родерих (лат. Rodericus) – сын Теодоредо, герцога Кордовы, король Вестготов, правивший в 710-711 годах. В восьмидневном сражении на берегу реки Гвадалеты (19-26 июля 711 года) с войсками арабского полководца Тарика Ибн-Зияда Родерих, отступая, погиб (после сражения его не нашли ни живого, ни мертвого).

Кади – шариатский судья, выносящий решение на основе самостоятельного толкования Корана. По своему статусу кади стоит выше имамы (заведующего мечети и является главой мусульман города или области.

Мудехар (исп. mudejar – прирученный, домашний) – представитель мусульманского населения, которое оставалось на территории Пиренейского полуострова, отвоеванной в ходе Реконкисты.

Санбенито (sanbenito) – одеяние осужденных инквизицией, выполненное из желтого полотна, с красным крестом спереди и сзади.

Брак Артура, принца Английского, родившегося в 1486 году, с Екатериной Арагонской будет заключен в Лондоне 4 ноября 1501 года. К сожалению, сам Артур умрет от лихорадки всего через пять месяцев, в возрасте пятнадцати лет. После этого, в 1509 году, Екатерина выйдет замуж за брата своего покойного мужа, который станет известен как король Генрих VIII.